

ФЕДЕРАЛЬНОЕ ГОСУДАРСТВЕННОЕ АВТОНОМНОЕ
ОБРАЗОВАТЕЛЬНОЕ УЧРЕЖДЕНИЕ ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ
«РОССИЙСКИЙ УНИВЕРСИТЕТ ДРУЖБЫ НАРОДОВ»

ЮРИДИЧЕСКИЙ ИНСТИТУТ

КАФЕДРА УГОЛОВНОГО ПРАВА,
УГОЛОВНОГО ПРОЦЕССА И КРИМИНАЛИСТИКИ

ЛАБОРАТОРИЯ ПО ИЗУЧЕНИЮ МИГРАЦИОННЫХ ПРОЦЕССОВ РУДН

ЕВРАЗИЙСКИЙ НАЦИОНАЛЬНЫЙ УНИВЕРСИТЕТ
ИМ. Л.Н. ГУМИЛЕВА

**ПРОТИВОДЕЙСТВИЕ
НЕЗАКОННОЙ МИГРАЦИИ
В РОССИИ И ЗА РУБЕЖОМ:
ПРОБЛЕМЫ, ОПЫТ,
ПЕРСПЕКТИВЫ**

**Сборник материалов
Международной научно-практической конференции**

Москва, 18–19 октября 2017 г.

Москва
Российский университет дружбы народов
2017

УДК 314.7:34(063)
ББК 65.248+67
П83

*Издание подготовлено при поддержке
Российского фонда фундаментальных исследований (РФФИ)*

Под редакцией:

доктора юридических наук, профессора *Л.А. Букалеровой*,
кандидата химических наук, доцента *А.В. Должиковой*

П83 Противодействие незаконной миграции в России и за рубежом: проблемы, опыт, перспективы : сборник материалов Международной научно-практической конференции. Москва, 18–19 октября 2017 г. / под ред. Л.А. Букалеровой, А.В. Должиковой. – Москва : РУДН, 2017. – 352 с.

ISBN 978-5-209-08504-1

В сборнике представлены статьи, подготовленные российскими и иностранными участниками Международной научно-практической конференции: «Противодействие незаконной миграции в России и за рубежом: проблемы, опыт, перспективы», которая была организована кафедрой уголовного права, уголовного процесса и криминалистики Российского университета дружбы народов, лабораторией по изучению миграционных процессов РУДН совместно с Евразийским национальным университетом им. Л.Н. Гумилева при поддержке Российского фонда фундаментальных исследований (РФФИ) (Москва, 18–19 октября 2017 г.).

В работах, представленных участниками конференции, рассматриваются уголовно-правовые проблемы незаконной миграции, миграция в контексте проблем национальной и региональной безопасности, правовые аспекты регулирования миграционных процессов, актуальные вопросы миграционной политики.

Сборник предназначен для научных работников, преподавателей, практикующих юристов, студентов юридических вузов и факультетов, а также всех тех, кто интересуется вопросами противодействия незаконной миграции.

ISBN 978-5-209-08504-1

УДК 314.7:34(063)
ББК 65.248+67

© Коллектив авторов, 2017

© Российский университет дружбы народов, 2017

ПРАВИТЕЛЬСТВЕННАЯ ТЕЛЕГРАММА

	ПЛАТА		ТЕЛЕГРАММА ИЗ МОСКВЫ № _____	ПЕРЕДАЧА
Слов	Руб.	Коп.		_____ го _____ ч. _____ м.
				№ связи _____
Итого				Передал _____
Принял _____			Служ. отметки: _____	_____ сл. _____ го _____ ч. _____ м.

П РА В И Т Е Л Ъ С Т В Е Н Н А Я

КУДА: 117198, г. Москва,
Подробн. адрес ул. Миклухо-Маклая, д. 6
КОМУ: Российский университет дружбы народов

Приветствую организаторов и участников Международной научно-практической конференции: «Противодействие незаконной миграции в России и за рубежом: проблемы, опыт, перспективы!»

Сегодня миграция – глобальное явление, с одной стороны неизбежное и объяснимое в современных политических условиях. Проблемы иммиграции это – языковой барьер, отрицание культуры принимающего государства, трудоустройства, преступности и возможно террористической угрозы и т.д.

Все эти вопросы должны подвергаться комплексному анализу и осмыслению для эффективной работы по регулированию миграционных потоков и борьбе с незаконной миграцией.

Проведение конференции по такой актуальной теме является важным событием для Российского университета дружбы народов, которое, несомненно, внесёт вклад в улучшение процесса научных исследований, создаст стимулы для дальнейшей плодотворной работы.

Конференция затронет многие актуальные вопросы как теоретические, так и практические: уголовно-правовые проблемы незаконной миграции, криминологическую характеристику этого вида преступности, особенности расследования преступлений, совершаемых мигрантами, вопросы миграционной политики и прочее.

Считаю, что главная цель проведения конференции заключается в обмене передовым опытом и знаниями в сфере противодействия незаконной миграции. Дискуссии в ходе работы конференции – возможность обменяться опытом между молодыми и опытными учеными различных регионов Российской Федерации и зарубежных стран и основа для более тесного взаимодействия науки и практики.

Желаю всем участникам и организаторам конференции плодотворной работы, конструктивного диалога и практических результатов в работе!

С уважением,
Депутат Государственной Думы
Федерального Собрания
Российской Федерации

А.И.Фокин

17 октября 2017 г. Исх. № ПА-41466

Наименование и адрес отправителя

Государственная Дума Федерального Собрания Российской Федерации

**УГОЛОВНО-ПРАВОВАЯ НОРМА
ОБ ОТВЕТСТВЕННОСТИ ЗА ОРГАНИЗАЦИЮ
НЕЗАКОННОЙ МИГРАЦИИ (СТ. 322.1 УК РФ):
БЛАНКЕТНОЕ СОДЕРЖАНИЕ
И КОНСТРУКТИВНЫЕ ДЕФЕКТЫ**

Л.А. Букалерева

*доктор юридических наук, профессор,
заведующая кафедрой уголовного права,
уголовного процесса и криминалистики
Юридического института
Российского университета дружбы народов*

М.А. Елисеев

*аспирант кафедры уголовного права,
уголовного процесса и криминалистики
Российского университета дружбы народов*

Обращение к содержанию диспозиции ст. 322.1 Уголовного кодекса Российской Федерации (далее – УК РФ) позволяет установить, что объективная сторона (деяние) организации незаконной миграции образована перечислением следующих альтернативных активных действий:

- 1) организация незаконного **въезда** в РФ иностранных граждан и лиц без гражданства;
- 2) организация незаконного **пребывания** в РФ иностранных граждан и лиц без гражданства;
- 3) организация незаконного **транзитного проезда** через территорию РФ иностранных граждан и лиц без гражданства.

Состав анализируемого преступления по конструкции объективной стороны относится к типу формальных. В уго-

ловно-правовой литературе отмечается, что совершение формального преступления с альтернативными действиями признается оконченным преступлением с момента выполнения любого из них [4]. Исходя из этого, организацию незаконной миграции следует признавать оконченным преступлением при выполнении хотя бы одного из указанных выше действий. При этом важно учесть, что совершение самого незаконного въезда в РФ, незаконного пребывания в РФ или незаконного транзитного проезда через территорию РФ для признания преступления, предусмотренного ст. 322.1 УК РФ, как оконченного не требуется. В данном случае законодатель запрещает выполнять действия по **организации** незаконного въезда в РФ, незаконного пребывания в РФ или незаконного транзита через территорию РФ.

Правила осуществления въезда в РФ, пребывания в РФ, а также транзитного проезда через РФ закреплены в отечественном административном (миграционном) законодательстве, в связи с чем следует отметить явный бланкетный характер исследуемой нормы. Особенности правового регулирования **въезда** на территорию РФ иностранных граждан и лиц без гражданства регламентируются следующими нормативно-правовыми актами: Федеральный закон от 15.08.1996 № 114-ФЗ (в ред. от 06.07.2016, с изм. от 20.10.2016) «О порядке выезда из Российской Федерации и въезда в Российскую Федерацию» [6]; Закон РФ от 01.04.1993 № 4730-1 (в ред. от 03.07.2016) «О государственной границе Российской Федерации» [6].

Что касается юридической регламентации **пребывания** на территории РФ иностранных граждан и лиц без гражданства, то соответствующие положения содержатся в Федеральном Законе от 25.07.2002 № 115-ФЗ (в ред. от 03.07.2016) «О правовом положении иностранных граждан в Российской Федерации» [8] (с изм. и доп., вступ. в силу с 31.07.2016).

Согласно данному нормативному правовому акту, можно выделить три разновидности правового режима нахож-

дения иностранных граждан и лиц без гражданства на территории РФ:

а) временное пребывание иностранных граждан и лиц без гражданства в РФ (ст. 5–5.1);

б) временное проживание иностранных граждан и лиц без гражданства в РФ (ст. 6–7);

в) постоянное проживание иностранных граждан и лиц без гражданства в РФ (ст. 8–9).

Временно пребывающим в РФ иностранным гражданином или лицом без гражданства признается лицо, прибывшее в РФ на основании визы или в порядке, не требующем получения визы, и получившее миграционную карту¹, но не имеющее вида на жительство или разрешение на временное проживание.

Так, характерен следующий пример из судебной практики. Т.У.Х. совершил организацию незаконной миграции, т.е. организацию незаконного пребывания в РФ иностранных граждан, при следующих обстоятельствах. В установленный период времени Т.У.Х., в нарушение требований федеральных законов «О миграционном учете иностранных граждан и лиц без гражданства в Российской Федерации» и «О правовом положении иностранных граждан в Российской Федерации», имея умысел на организацию незаконного пребывания на территории РФ граждан Таджикистана П.Р.Г. и Р.О.Х, не зарегистрированных по месту временного пребывания и не имеющих разрешения на работу иностранному гражданину или лицу без гражданства, обеспечил им

¹ В соответствии с ч. 1 ст. 2 рассматриваемого Федерального закона миграционная карта – документ, содержащий сведения о въезжающих или прибывших в РФ иностранных граждан или лиц без гражданства и о сроке их временного пребывания в РФ, подтверждающий право иностранных граждан или лиц без гражданства, прибывших в РФ в порядке, не требующем получения визы, на временное пребывание в РФ, а также служащий для контроля за временным пребыванием в РФ иностранных граждан или лиц без гражданства.

условия проживания и питания в одноэтажном деревянном строении, при этом заведомо зная, что последние незаконно пребывают на территории РФ¹.

Временное проживание иностранных граждан в РФ осуществляется на основании соответствующего разрешения на временное проживание², которое может быть выдано лицу в пределах квоты, утвержденной Правительством РФ, сроком действия до 3 лет.

Право на *постоянное проживание* соответствующих лиц на территории РФ (вид на жительство³) может быть предоставлено на основании заявления в течение срока действия разрешения на временное проживание и при наличии на то законных оснований. Вид на жительство выдается иностранному гражданину на 5 лет.

В диспозиции ст. 322.1 УК РФ указано именно на организацию незаконного пребывания, а о незаконном проживании не упомянуто. Как верно отмечает Е.К. Жаксалыков, «это объясняется тем, что по смыслу закона речь идет именно о фактическом нахождении иностранного лица или лица без гражданства на территории России. В этой связи в диспозиции ч. 1 ст. 322.1 УК РФ указание на проживание, взятое в скобки после слова “пребывание”, не требуется» [2].

¹ Архив Одинцовского городского суда Московской обл. Уголовное дело (арх. № 1-821/2016).

² Согласно ч. 1 ст. 2 рассматриваемого Федерального закона, разрешение на временное проживание – подтверждение права иностранного гражданина или лица без гражданства временно проживать в РФ до получения вида на жительство, оформленное в виде отметки в документе, удостоверяющем личность иностранного гражданина или лица без гражданства, либо в виде документа установленной формы, выдаваемого в РФ лицу без гражданства, не имеющему документа, удостоверяющего его личность.

³ Вид на жительство – это документ, выданный иностранному гражданину или лицу без гражданства в подтверждение его права на постоянное проживание в РФ, а также его права на свободный выезд из РФ и въезд в РФ.

Порядок осуществления **транзитного проезда** через территорию РФ регламентирован Федеральным законом от 15.08.1996 № 114-ФЗ «О порядке выезда из Российской Федерации и въезда в Российскую Федерацию» [7] (с изм. и доп., вступ. в силу 20.10.2016).

Так, согласно ст. 29, транзитный проезд через территорию РФ осуществляется, как правило, без права на остановку. Транзитный проезд через территорию РФ в государство назначения всеми видами транспорта разрешается по предъявлении российской транзитной визы¹, визы на въезд в сопредельное с РФ по маршруту следования государство либо визы государства назначения и действительных для выезда из РФ проездных билетов или подтвержденной гарантии их приобретения в пункте пересадки на территории РФ.

Обязательными признаком действий, образующих объективную сторону незаконной миграции, является их **незаконность**. Незаконность въезда в РФ, пребывания в РФ или транзитного проезда через территорию РФ заключается в том, что данные действия совершаются без действительных документов (отсутствие необходимых документов, использование подложных или утративших юридическую силу документов), предоставляющих законное право на их осуществление. В.С. Соков в своем диссертационном исследовании предлагает дополнить ст. 322.1 УК РФ примечанием, в котором следует раскрыть понятия незаконного въезда в РФ, незаконного пребывания в РФ и незаконного транзита через территорию РФ [9]. Представленная позиция видится не совсем обоснованной, так как введение подобного примечания-дефиниции излишне перегрузило бы и без того объемное содержание УК РФ.

¹ Согласно ст. 25.7 рассматриваемого Федерального закона, транзитная виза выдается на срок до 10 дней иностранному гражданину в целях транзитного проезда через территорию РФ.

Термин «организация» применительно к действиям, связанным с незаконной миграцией, не раскрыт как в законодательстве, так и в каких-либо актах судебного толкования. Тем не менее на доктринальном уровне существует множество мнений относительно его сущности и содержания. Если обобщить имеющиеся основные подходы к его пониманию, то **организацию** незаконной миграции можно определить как совокупность (комплекс) самых разнообразных действий, целью которых является обеспечение незаконного въезда в РФ, незаконного пребывания в РФ или незаконного транзита через территорию РФ иностранных граждан или лиц без гражданства. В частности, эти действия могут быть выражены: в виде незаконной перевозке через государственную границу РФ (в том числе с сокрытием от пограничных и таможенных органов), предоставления транспорта (проездных документов) для незаконной перевозки; изготовления, приобретения подложных документов для предоставления в целях незаконного въезда в РФ, пребывания в РФ и транзитного проезда в РФ, а также предоставления таких документов в этих же целях; подбора средств и орудий, необходимых для осуществления незаконного въезда в РФ, пребывания в РФ или транзитного проезда через территорию РФ, а также иного материально-технического и финансового обеспечения указанных действий; руководства процессом въезда в РФ, сопровождения во время транзитного проезда через территорию РФ [5]; приискания, оборудования либо предоставления помещения для проживания незаконных мигрантов; планирования преступной деятельности, приискания пособников, изучения миграционной обстановки в России, возможности трудоустройства и размещения незаконных мигрантов, вербовки мигрантов [3]; создания группы, занимающейся незаконной миграцией, разработки способов незаконного въезда в РФ, поиска лиц, желающих незаконно мигрировать, установления незаконных контактов с лицами компетентных государственных органов, чья

деятельность связана с пограничным, миграционным контролем [1].

Предоставление незаконным мигрантам работы (трудоустройство) не образует состава исследуемого преступления вследствие того, что такие действия не связаны с обеспечением незаконного пребывания лица в РФ. За совершение подобных действий предусмотрена административная ответственность по ст. 18.15 КоАП РФ «Незаконное привлечение к трудовой деятельности в Российской Федерации иностранного гражданина или лица без гражданства».

В научной литературе неоднократно было отмечено неудачное использование законодателем множественного числа в отношении иностранных граждан и лиц без гражданства, незаконную миграцию которых организует виновное лицо [10]. Исходя из буквального толкования положений ст. 322.1 УК РФ, можно прийти к выводу, что уголовная ответственность наступает только в том случае, если осуществлялась организация незаконной миграции минимум двух иностранных граждан или лиц без гражданства. В этой связи видится, что организация незаконной миграции даже одного иностранного гражданина или лица без гражданства также обладает общественной опасностью. Поэтому представляется, что данное обстоятельство является определенной погрешностью правовой регламентации ответственности за организацию незаконной миграции, которая должна быть устранена путем внесения соответствующих изменений в диспозицию ст. 322.1 УК РФ.

Неясным с точки зрения законодательной техники видится отсутствие в ст. 322.1 УК РФ примечания, аналогичного тому, которое предусмотрено в ст. 322 УК РФ. В этом видится определенное нарушение принципа справедливости. На основании этого представляется необходимым дополнить ст. 322.1 УК РФ примечанием, в котором следует предусмотреть поощрительную норму, подобную той, что содержится в примечании к ст. 322 УК РФ.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Бриллиантов А.В.* Организация незаконной миграции // Российский следователь. – 2005. – № 5. – С. 48–50.

2. *Жаксалыков Е.К.* Незаконная миграция по уголовному законодательству России: уголовно-правовой, компаративный, исторический и криминологический аспекты: дис. ... канд. юрид. наук. – М., 2012.

3. *Козлов В.Ф.* К вопросу о способах организации незаконной миграции // Миграционное право. – 2010. – № 2. – С. 18–21.

4. *Решетников А.Ю., Букалерева Л.А.* Конструкция состава преступления и ее влияние на установление момента его окончания // Уголовное наказание в России и за рубежом: проблемы назначения и исполнения (к 10-летию принятия Европейских пенитенциарных правил): сборник мат-лов Международной научно-практич. конференции: в 2 ч. / под общ. ред. П.В. Голодова. – Вологда, 2017. – С. 247–255.

5. *Рожнов А.А.* Организация незаконной миграции (ст. 322.1 УК РФ): уголовно-правовая характеристика // Ученые труды Российской академии адвокатуры и нотариата. – 2016. – № 1 (40). – С. 83–87.

6. Российская газета. – 1993. – № 84.

7. Собрание законодательства РФ. – 1996. – № 34. – Ст. 4029.

8. Собрание законодательства РФ. – 2002. – № 30. – Ст. 3032.

9. *Соков В.С.* Уголовно-правовые и криминологические проблемы борьбы с незаконной миграцией: дис. ... канд. юрид. наук. – Волгоград, 2015.

10. *Якимов О., Якимова С.* Организация незаконной миграции: проблемы уголовной ответственности // Уголовное право. – 2005. – № 1. – С. 78–80.

КРИМИНАЛЬНО-МИГРАЦИОННЫЕ ВЫЗОВЫ И ПРОБЛЕМА ПОВЫШЕНИЯ ЭТНОПСИХОЛОГИЧЕСКОЙ КОМПЕТЕНТНОСТИ СОТРУДНИКОВ ПРАВООХРАНИТЕЛЬНЫХ ОРГАНОВ

В.М. Поздняков

*доктор психологических наук, профессор,
профессор кафедры уголовного права,
уголовного процесса и криминалистики
Российского университета дружбы народов*

Возрастание в последнее пятилетие масштабы миграционных потоков привело к росту в ряде стран и регионов криминогенной обстановки и осложнило деятельность правоохранительных органов. По данным комиссии ООН, только в 2015 г. из-за «цветных революций», войн и усиления террористической активности на Ближнем Востоке, в Северной Африке и ряде других стран вынужденным беженцами, бежавшими в Европу, стали 5,5 млн людей. В итоге в силу указанной причины, а также сохраняющейся социально-политической и экономической нестабильности в странах третьего мира уже четверть миллиарда людей проживают за пределами своей родины. При этом многие мигранты, несмотря на проводимую принимающими государствами политику адаптации и аккультурации, продолжают ориентироваться на изоляционистско-анклавный образ жизни, а при отсутствии постоянной работы (прежде всего, из-за недостаточного образования и отсутствия профессии) идут на совершение различных правонарушений и криминальных деяний. Следует отметить, что мигрантов все чаще стали

использовать транснациональные преступные организации, в том числе при реализации сетевых форм наркотрафика, торговли людьми, оружием и т.д. Однако наиболее опасной тенденцией, на наш взгляд, выступает расширяющееся вовлечение мигрантов в террористическую деятельность, ведущуюся под знаменами ИГИЛ и Аль-Каиды не только в ряде регионов мира, но и во все большей степени в странах их проживания.

В Российской Федерации ежегодный миграционный поток превышает 10 млн человек, среди него треть – это «нелегальные» мигранты. Последнее связано с тем, что до сих пор имеются пробелы в отечественной миграционной политике и законодательстве [16], недостатки в деятельности правоохранительных органов [1], поэтому сохраняются условия для преступных деяний со стороны мигрантов, а также нарушения их прав со стороны теневого бизнеса и националистических группировок [4].

Разрабатывая меры противодействия криминально-миграционным вызовам XXI в., необходимо учитывать роль возникших «транслокальных диаспор». Сегодня они влияют не только на координацию акций в отстаивании прав мигрантов, но и на масштаб организации незаконной миграции, ее использование в геополитических и криминальных целях. Следует отметить, что среди ученых одним из первых их возрастающую роль спрогнозировал американский социолог А. Аппадурай [Appadurai, 1996], доказывая, что в условиях эскалации потоков мигрантов под угрозу может ставиться целостность национальных государств. Реалии XXI в. подтвердили и вывод известного политолога С. Хантингтона, что именно ценностные различия будут основой роста этноконфликтов, так как люди всегда борются против утраты своей идентичности, особенно в случаях форсированного и насильственного репрограммирования ментальности.

В.В. Путиным в 2012 г. была опубликована статья «Россия: национальный вопрос», где было подчеркнuto: «Нельзя

допустить, чтобы у нас возникли замкнутые, обособленные национальные анклав, в которых часто действуют не законы, а разного рода “понятия”... В наших условиях этническая преступность является проблемой не только криминальной, но и проблемой государственной безопасности» [10, с. 5]. Выказанная озабоченность в отношении возможной деструктивности диаспор подтвердилась в случаях, когда их лидеры ориентированы на радикализм и религиозно-фундаменталистские ценности. Именно тогда у подверженных их влиянию мигрантов происходит блокирование семантических зон межкультурного понимания и проявляются ксенофобные реакции. Как установлено психологом Г.У. Солдатовой, в условиях межэтнической напряженности на фоне высокой эмоциональной вовлеченности в этноконтактные ситуации происходит снижение уровня этнической толерантности людей по отношению не только к конфронтационным группам, но и к нейтральным группам и даже к группам-союзникам. При этом для этнически интолерантных лиц характерен ряд особенностей: во-первых, в иерархической структуре социальной идентичности этническая составляющая становится приоритетной и проявляется дифференцированность между образами собственной этнической группы и другими группами; во-вторых, выраженная потребность в этнической идентичности мотивирует стремление придать своей группе более высокий позитивный статус и дистанцироваться «от других», особенно в сфере неформальных отношений; в-третьих, развивается радикализм сознания, который может выражаться в одобрении насилия в отношении представителей иных этногрупп и оправдании при межэтнических конфликтах человеческих жертв при отстаивании позиции этнического и иного суверенитета [13, с. 347].

Указанные социально-психологические закономерности и особенности ментальности конкретных национальных групп мигрантов пока недостаточно учитываются в профес-

сиональной деятельности сотрудников правоохранительных органов России. Это негативно сказывается на эффективности профилактики и расследований преступлений мигрантов, на индивидуально-дифференцированном подходе к их наказанию судами и исправлению в колониях. Юридические психологи, учитывая затруднения сотрудников правоохранительных органов по учету этнопсихологических особенностей граждан, активизировали в последние годы исследования и подготовили ряд методических разработок, в том числе по повышению межкультурной компетентности [3; 12; 14]. Однако они пока в недостаточной мере базируются на методолого-концептуальных основах современной антропологии и этнологии. В частности, недостаточно учитывается роль и специфика влияния современных людей-разрушителей [18], а в качестве ключевого принципа обучения сотрудников правоохранительных органов не избраны ориентиры американского антрополога К. Клакхона, считавшего важным давать обучающимся многоуровневое представление о людях иных этносов, включающее в себя комплекс биологических, психологических, социологических, лингвистических знаний и отражающее факт, что «стандарты нормальной и ненормальной “человеческой натуры” по большей части меняются относительно людей, времени и места» [6, с. 333].

На наш взгляд, сегодня актуальным является формирование у личного состава правоохранительных органов не только навыков толерантного и стрессоустойчивого поведения, на что постоянно обращается внимание в публикациях [8], но и умений осуществления превентивных воздействий, в том числе с привлечением представителей институтов гражданского общества и традиционных конфессий. Это актуально, как свидетельствует анализ практики, прежде всего, для сотрудников пенитенциарных учреждений, так как в колониях возрастает численность осужденных, являющихся мигрантами. Кроме того, в местах лишения сво-

боды расширяется скрытая вербовка среди осужденных членов экстремистских и террористических организаций [7].

В отношении определения направлений повышения этнопсихологической компетентности сотрудников ФСИН России уже сделаны определенные заделы. Так, психологом М.В. Павловой в рамках диссертационного исследования, осуществляемого под нашим научным руководством, при анкетировании 928 сотрудников из 50 исправительных колоний выявлено, что почти 2/3 из них (61,8%) испытывают сложности при взаимодействии с осужденными контрастных этнических групп. При этом также установлено, что хотя большинство респондентов (86%) считают важным проявлять эмпатию к представителям других этносов, способны перестраивать свое поведение с учетом этнопсихологических особенностей осужденных лишь 17%. Анализ материалов психодиагностического обследования среди личного состава, работающего в учреждениях с высокой наполняемостью осужденными из числа иностранцев и мигрантов, показал, что уровень самоконтроля и эгоцентричности связан с гендерным фактором (у сотрудников-мужчин он выше, чем у женщин); с увеличением стажа службы в УИС толерантность снижается; хотя ценностные ориентации сотрудников не зависят от образования, но у сотрудников офицерского состава, получившим ведомственное высшее образование, больше развиты «национальный фанатизм» в аспекте этнической идентичности, когнитивный и рефлексивно-оценочный компоненты культурного интеллекта, а поведенческий компонент, обусловленный опытом межличностного взаимодействия и способствующий гибкости действий, напротив, более развит у младшего начсостава [9].

Учитывая, что сегодня у личного состава колоний недостаточно развит ряд характеристик личности, необходимых для реализации конструктивного межэтнического взаимодействия, а у «ветеранов пенитенциарной службы» из-за профдеформации и профвыгорания могут складываться и

предубеждения в отношении осужденных – представителей определенных национальностей и религий (формирование, по сути, стереотипного «образа врага») [15; 17], актуальным является выявление и того, какова на сегодняшний день превентивная роль в этих вопросах ведомственных образовательных учреждений.

Исследования среди курсантов Владимирского юридического института ФСИН России показали, что хотя при реализации в вузах ФГОС третьего поколения необходимо обращать особое внимание на развитие у обучающихся толерантности, многим будущим специалистам УИС (61%) она не присуща, а более 45% респондентов отметили, что в прошлом вступали в конфликты с представителями других национальностей. Результаты исследований также свидетельствуют, что крайне актуальны меры по снижению этноконфликтности в повседневном общении курсантов, так как образовательные учреждения ФСИН России комплектуются на основе общегосударственной разрядки [5; 19].

С учетом моментов, акцентированных в настоящей публикации, и в силу семантической новизны термина «этнопсихологическая компетентность» нами предлагается его концептуализацию как конструкта осуществить, руководствуясь компетентностной моделью, обоснованной Дж. Равеном [11]. Под этнопсихологической компетентностью сотрудников ФСИН России предлагается понимать интегративное личностно-профессиональное качество, обуславливающее эмпатично-рефлексивную чувствительность и способность осуществлять профессионально значимые взаимодействия и воздействия на спецконтингент с учетом этнокультурных особенностей конкретных осужденных и их групп. В структурном плане в нем можно выделять следующие компоненты: мотивационно-смысловой (ценности, отношения, установки и др.), когнитивный (знания, дентолого-служебные модели взаимодействия и др.) и коннотативный (навыки диалогического общения, толерантного поведения и др.).

Учитывая актуальность изучения и развития этнопсихологической компетентности различных категорий сотрудников правоохранительных органов, представляется целесообразным обсудить в рамках настоящей конференции предложенную концептуальную модель и возможности ее реализации на уровне профессиограмм и психограмм конкретных категорий специалистов, причем в аспекте блоков общекультурного и специального профессионального содержания.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Андрюшенков В.А.* Уголовная ответственность за организацию незаконной миграции: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. – Омск, 2016.

2. *Ахмедов М.Н.* Противодействие нелегальной миграции: уголовно-правовой и криминологический аспекты: автореф. дис. канд. юрид. наук. – М., 2016.

3. *Биче-Оол С.Ш.* Некоторые аспекты проблемы изучения этнопсихологической компетентности руководителей органов внутренних дел // Вестник Московского университета МВД России. – 2016. – № 6. – С. 183–186.

4. *Великая Н.М.* Защита мигрантов – важный фактор формирования российской социально-правовой культуры // Солидарный ответ на глобальные вызовы – путь к справедливому миру: мат-лы Международного форума. Москва, 27 апреля 2015 г. – М.: Ключ-С, 2015. – С. 126–127.

5. *Горина Е.Е., Торопова М.А.* Формирование этнокультурной компетенции сотрудников УИС в процессе их профессионального обучения // Психология, социология и педагогика. – 2015. – № 3. – URL: <http://psychology.snauka.ru/2015/03/4624> (дата обращения: 29.09.2017).

6. *Клакхон К.* Зеркало для человека. Введение в антропологию / пер. с англ.; под ред. А.А. Панченко. – СПб: Евразия, 1998.

7. *Казберов П.Н., Новиков В.В.* Теория и практика психологической работы с лицами, отбывающими наказание за экстремистскую и террористическую деятельность: монография / под науч. ред. Ю.М. Антояна. – М.: ФКУ НИИ ФСИН России, 2015. – 104 с.

8. *Котенев И.О., Буданова Т.Ю.* Психология регуляции служебного поведения сотрудников органов внутренних дел: методическое пособие. – М.: Академия управления МВД России, 2014. – 74 с.

9. *Павлова М.В.* Пути развития этнопсихологической компетентности сотрудников ФСИН России // Социология. – 2016. – № 2. – С. 190–196.

10. *Путин В.В.* Россия: национальный вопрос // Миграция XXI века. – 2012. – № 1. – URL: <https://rg.ru/2012/01/23/nacvopros.html> (дата обращения: 25.09.2017).

11. *Равен Д.* Компетентность в современном обществе. Выявление, развитие, реализация. – М.: Когито-центр, 2002. – 394 с.

12. *Скворцова Е.В.* Этнокультурная компетентность сотрудников полиции // Психопедагогика в правоохранительных органах. – 2016. – № 3 (66). – С. 15–19.

13. *Солдатова Г.У.* Психология межэтнической напряженности. – М.: Смысл, 1998. – 389 с.

14. *Степаненко В.В., Петров В.Е.* Учет этнопсихологических особенностей граждан в деятельности сотрудников полиции: учеб. пособие. – Домодедово: ВИПК МВД России, 2015. – 140 с.

15. *Федорова Е.М., Кулакова С.В., Мешкова Л.В., Фадеева К.Ф.* Теория и практика психологической профилактики профессионального отчуждения сотрудников уголовно-исполнительной системы: методич. пособие. – Тверь: ФКУ НИИТ ФСИН России, 2014. – 94 с.

16. *Хабриева Т.* По принципам национальной безопасности // Полиция России. – 2017. – № 1. – С. 16–18.

17. *Черкасова М.А., Поздняков В.М.* Психологический мониторинг профессионального выгорания сотрудников ФСИН России: монография. – Вологда: ФКУ ВИПЭ ФСИН России, 2016. – 139 с.

18. *Чиркова Т.В.* Психология разрушения: монография. – М.: ИНФРА-М, 2015. – 192 с.

19. *Шибаева Г.Е., Торопова М.А.* Обеспечение этнокультурной компетентности в системе ведомственного обучения в вузах ФСИН России // Культура и образование. – 2014. – № 4. – URL: <http://vestnik-rzi.ru/2014/08/2313> (дата обращения: 25.09.2017).

СОВРЕМЕННАЯ МИГРАЦИЯ И НАЦИОНАЛЬНАЯ БЕЗОПАСНОСТЬ

С.В. Иванцов

*доктор юридических наук, профессор,
ведущий научный сотрудник
Научно-исследовательского института
Федеральной службы исполнения наказаний*

Мировая глобализация предопределила миграционную политику многих государств (США, России, Евросоюза и других государств), которая привела к расширению как легальной, так и нелегальной миграции. В настоящее время миграция набирает обороты вопреки всем попыткам ее ограничить. Зачастую желание улучшить свою жизнь оказывается сильнее всего, и мигрант сегодня – типичный продукт глобализационных процессов, свобода перемещения и защита которого гарантируется «Всеобщей декларацией прав человека» [2]. Отметим, что сама по себе миграция и, прежде всего, ее интенсификация вызывается рядом причин и условий, которые продолжают свое воздействие и в дальнейшем, в том числе в случаях, когда мигранты уже находятся на территории другого государства, остаются в нем либо следуют дальше. Образно говоря, за данными лицами неотступно следуют бедность, последствия военных действий на их родине и т.д., формирующие установки на определенное поведение, не всегда находящееся в русле национального законодательства государств, в которых они на тот момент находятся. Мотивационная сфера данных лиц нередко перенасыщена ненавистью и враждой по национальным, религиозным, идеологическим и иным признакам.

При этом мигранты, которые не были, по тем или иным причинам, вынуждены массово покинуть пределы какого-либо государства, составляют лишь малую часть рассматриваемых потоков и процессов. Как криминогенный фактор следует рассматривать именно ту составляющую миграционных процессов и сопряженных с ними обстоятельств, которые связаны с лицами, формирующими целые миграционные потоки, способные существенно влиять на общественные отношения не только внутри отдельно взятого государства, но и в масштабах нескольких стран и даже мира в целом. Примером тому служит поток беженцев с Ближнего Востока, наводнивший государства Евросоюза, особенно после начавшихся военных действий в Сирийской Арабской Республике.

По данным ООН, Россия после США является самой привлекательной страной для мигрантов и занимает второе место в мире по их числу. По экспертным оценкам, на территории РФ находится 15–20 млн лиц без определенного правового статуса, покинувших государства своей национальной принадлежности. Из них не менее половины занимаются незаконной трудовой деятельностью [1]. Третий миграционный поток концентрируется в Москве и области, Санкт-Петербург – второй по популярности пункт назначения. В основном нелегальные мигранты заняты в строительстве, торговле и сфере услуг. По данным социологических исследований ВНИИ внешнеэкономических связей Министерства экономического развития и торговли РФ, 90% нелегальных мигрантов являются выходцами из стран СНГ, среди которых больше всего граждан Узбекистана (19%), Киргизии (16%) и Таджикистана (15%). В прошлом году Российская Федерация возглавляла список европейских стран с наибольшим объемом денежных переводов, осуществляемых мигрантами, что негативно влияло на российскую экономику, инвестиционная привлекательность которой и без того низкая.

Несмотря на то что за 3 года экономического кризиса в России число мигрантов значительно сократилось, разница между официальными «цифрами» и реальным количеством въезжающих в РФ измеряется миллионами. Такая противоречивая статистика не вносит ясности в истинное положение дел, подтверждает в определенной степени неконтролируемость ситуации в сфере незаконной миграции и подчеркивает наличие проблемы государственного масштаба.

Криминальная ситуация также общеизвестна, мигранты по-прежнему совершают значительное число преступлений в России, вносят немалый вклад в статистику насильственных преступлений, т.е. убийств, грабежей или, к примеру, изнасилований, которые совершаются в России гражданами Киргизии, Таджикистана и Узбекистана, как и прежде, больше количества аналогичных преступлений, совершенных коренными жителями.

В свою очередь, миграция породила еще одну проблему – резкий рост этнической преступности (например, в Москве), к которому имеют отношение иностранцы. В последнее время проявляется нехорошая тенденция – это должно было случиться рано или поздно – мигранты организовываются, в том числе и в преступные группировки. Ситуация становится неуправляемой. Случись завтра какой-нибудь громкий конфликт, и десятки тысяч мигрантов могут за пару часов собраться, а во что это выльется – не известно. И это только вершина пирамиды – страшно представить, что творится в самой мигрантской среде. Характерный пример – когда в конце сентября у торгово-ярмарочного комплекса «Москва», одного из крупнейших в столице, произошли массовые волнения. Их причиной, предположительно, послужило избивание одного из торговцев местной охраной (то ли он не платил по счетам, то ли самовольно перевозил какие-то грузы). Узнав о госпитализации пострадавшего, к рынку пришла толпа примерно из 300 человек. Они хотели устроить самосуд над якобы избившими их соотечествен-

ника охранниками. Побоища удалось избежать благодаря действиям полиции. Сотрудники правоохранительных органов оперативно прибыли на место происшествия, при этом несколько десятков человек были задержаны. Этот случай наглядно показывает, что на крупнейших рынках Москвы по-прежнему свои порядки, далекие от закона, и они (рынки) все так же являются «инкубаторами» этнической преступности.

При этом многие национальные культурные центры, существующие для адаптации мигрантов, нередко являются прикрытием для этнических преступных группировок. И это относится не только к выходцам из стран СНГ, но и к китайцам, афганцам, вьетнамцам и др. По оценкам МВД, в России не менее 150 постоянно действующих преступных этнических преступных группировок, что позволяет говорить об активности транснациональных криминальных структур как в осуществлении преступной деятельности вообще, так и в использовании незаконных мигрантов в совершении преступлений [5, с. 15–39]. До 80% профессиональных (не по случаю) преступников – это представители так называемых нацменьшинств. Значительная часть организованных преступных групп создается по принципу землячества. Именно этот принцип создания делает их более устойчивыми, связанными круговой порукой, и бороться с такой преступностью крайне сложно [4].

Сферы влияния между этническими сообществами в столице строго распределены. К примеру, азербайджанцы преобладают на «Фуд Сити». В ТЯК «Москва» и торговом комплексе «Садовод» наиболее сильны позиции китайцев и вьетнамцев, у каждого из этнических сообществ в Москве своя криминальная специализация. В частности, представители таджикских организованных преступных группировок промышляют крупными грабежами, разбоями, а также налетами на перевозчиков наличных. Конечно, говоря об этнической преступности, нельзя не упомянуть и наркото-

говлю. Так, героин, поступающий из Афганистана, в значительной степени реализуется на улицах при помощи системы закладок и виртуальной торговли. Не последнюю роль в этом играют таджикистанские сотовые операторы. А цветочный бизнес, которым традиционно занимаются азербайджанцы, является прикрытием контрабанды кокаина из Латинской Америки.

То есть на сегодняшний день совершенно очевидно, что далеко не все «гости» отличаются законопослушностью. Более того, представители этнических ОПГ занимаются целыми преступными направлениями, а их ресурсы столь велики, что позволяют доминировать, например, на крупнейших торговых объектах столицы, что достигается методами, далекими от закона.

Кроме этого, массовая миграция является демпингом на рынке труда, приводит к снижению социальных стандартов труда, «развращая» предпринимателей и приучая их к несоблюдению налогового и трудового законодательства и найму неквалифицированной рабочей силы. Ведь гораздо проще нанять бригаду мигрантов, чем интенсифицировать труд, повышая его производительность.

И, наконец, миграция является питательной средой для теневой экономики и связанных с ней криминальных процессов [3]. Поэтому реальное государственное регулирование трудовой миграции просто жизненно необходимо. Проблема миграции, а, вернее, проблема несоблюдения законов всеми, начиная от полиции, чиновников, простого населения и заканчивая самими мигрантами, а также интеграции мигрантов в общество и восприятия мигрантов большинством населения России имеет свое решение. Нужно исходить из интересов государства и понимать, какие мигранты нам нужны: малоквалифицированные, которые потом должны покинуть пределы страны, или высокоподготовленные, которые знают русский язык, понимают культуру, традиции и готовы у нас остаться. Пускать в страну надо только тех,

кто действительно может быть ей полезен. В последних, как представляется, страна больше заинтересована.

Но миграционная проблема быстро не решается. Ни одна страна пока не может похвастаться, что с соблюдением всех прав человека обеспечила одновременно и защиту своих интересов. Здесь нет однозначных и простых решений. Между тем современное миграционное законодательство нуждается в совершенствовании и упорядочении, так как насчитывает несколько сотен нормативно-правовых актов. Систематизировать этот массив и свести в единый нормативно-правовой акт – это задача, которую должен решить какой-то единый правовой акт, например, принятие Миграционного кодекса.

К слову сказать, президент РФ В.В. Путин назвал борьбу с нелегальной миграцией приоритетным направлением внутренней политики. Появился план по реализации государственной национальной политики страны и Указ Президента «О стратегии государственной национальной политики РФ на период до 2025 г.». В 82 пунктах Стратегии подробно перечислены меры по гармонизации межнациональных (межэтнических) отношений, содействию сохранению и развитию этнокультурного многообразия народов России, поддержке языков России. Вместе с тем все правовые вопросы проводимой в стране миграционной политики должны решаться в комплексе с решением вопросов, касающихся различных отраслей права – гражданского, административного, международного, а совершенствование уголовно-правовой политики в этой области просто невозможно без определения стратегических целей по минимизации теневой экономики, коррупции, ТНОП.

О том, что Россия проводит излишне либеральную миграционную политику, говорят уже много лет. И все эти годы звучали призывы к власти эту политику изменить. В частности, одно время обсуждался вопрос о введении визового режима для приезжих из Средней Азии и Закавказья. Ниче-

го не произошло. Мы движемся по тому пути, которым шла несколько десятилетий назад Европа. Разница только в том, что Европа уже пожинает «плоды» своей либеральной миграционной политики, сталкиваясь с исламистским террором. А мы окажемся точно в такой же ситуации в ближайшей перспективе (если не изменим «правил игры» в сфере миграции). Вообще если посмотреть, кто в Европе совершает теракты, состоит в террористических ячейках, то это, как правило, не сами мигранты, а их дети. Первое поколение мигрантов обычно доставляет мало хлопот стране пребывания. Они готовы много работать за небольшие деньги. А вот их дети, родившиеся уже в Европе, чувствуют себя неудобно в европейском обществе, поскольку не хотят быть на положении «чернорабочих», а ничего иного им не предлагают. Поэтому, учитывая европейский опыт, нам необходимо уже сейчас сделать ставку на работу именно с детьми мигрантов, остающихся жить в России. В противном случае мы получим аналогичную ситуацию.

На сегодняшний день в РФ правовое регулирование пребывания иностранных граждан осуществляется в соответствии с Конституцией Российской Федерации, Кодексом Российской Федерации об административных правонарушениях, Уголовным кодексом Российской Федерации, Федеральным законом «О правовом положении иностранных граждан в Российской Федерации», а также нормативными актами федеральных органов исполнительной власти. Так, согласно Федеральному закону от 25 июля 2002 г. № 115-ФЗ «О правовом положении иностранных граждан в Российской Федерации», иностранные граждане могут осуществлять трудовую деятельность только на основании разрешения на работу, выдаваемого в рамках квоты на въезд в Российскую Федерацию иностранных граждан в целях осуществления трудовой деятельности, ежегодно утверждаемой Правительством Российской Федерации по предложениям исполнительных органов государственной власти субъек-

тов Российской Федерации с учетом демографической ситуации в соответствующем субъекте Российской Федерации и возможностей данного субъекта по обустройству иностранных граждан.

Между тем вслед за мерами, предусмотренными Концепцией, должны последовать не столько силовые, сколько экономические и социальные меры, основанные на принципах международного сотрудничества, которые будут стимулировать как мигрантов, так и работодателей соблюдать российские законы.

Сейчас многие развитые государства ведут жесткую конкурентную борьбу за квалифицированные трудовые ресурсы, которые становятся наиболее ценным «товаром». Поэтому политика «кнута» без «пряника» рано или поздно переориентирует значительную часть гастарбайтеров на работу в других государствах. А на фоне ежегодного уменьшения трудоспособного населения на благоприятном социально-экономическом прогнозе развития РФ можно будет поставить точку [2, с. 64–65].

Все вышесказанное предопределяет национальные интересы и стратегические приоритеты Российской Федерации, а также цели, задачи и меры в области внутренней и внешней политики, направленные на укрепление национальной безопасности Российской Федерации и обеспечение устойчивого развития страны на долгосрочную перспективу. Именно на это и должны быть направлены усилия федеральных органов государственной власти, других государственных органов, органов государственной власти субъектов Российской Федерации, органов местного самоуправления, институтов гражданского общества по созданию благоприятных условий для реализации национальной безопасности, частью которой и является проводимая государством политика в сфере миграции.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Иванцов С.В.* Актуальные вопросы противодействия организации незаконной миграции и торговле людьми // Вестник Московского университета МВД России. – 2011. – № 12. – С. 193–197.

2. *Иванцов С.В.* Международное сотрудничество в сфере предупреждения незаконной миграции // Вестник Московского университета МВД России. – 2014. – № 4. – С. 62–66.

3. *Иванцов С.В.* Организованная преступность в системе криминально-экономических отношений // Российский криминологический взгляд. – 2012. – № 1. – С. 375–380.

4. *Иванцов С.В.* Основные тенденции российской организованной преступности XXI в. // Вестник Московского университета МВД России. – 2007. – № 2. – С. 83–86.

5. *Овчинский В.С.* XXI век против мафии. Криминальная глобализация и конвенция ООН против транснациональной организованной преступности. – М.: ИНФРА-М, 2001.

ПРОТИВОДЕЙСТВИЕ НЕЗАКОННОЙ МИГРАЦИИ И ПРЕСТУПНОСТИ: ПРОБЛЕМЫ И ВОЗМОЖНОСТИ

Ю.А. Кашуба

*доктор юридических наук, профессор,
профессор кафедры уголовно-исполнительного права
Академии права и управления
Федеральной службы исполнения наказаний*

Усиление контроля над миграционным потоком – приоритетный вопрос не только для России, но и для всех государств ЕАЭС и СНГ. Например, еще в соглашении о сотрудничестве государств – участников СНГ от 6 марта 1998 г. отмечено, что «незаконная миграция представляет угрозу общественной и национальной безопасности, экономической стабильности, способствует росту криминогенной обстановки» [2, с. 228].

Характеризуя криминогенную ситуацию с преступностью мигрантов в России, отметим, что вхождение нашего государства в европейский и азиатский рынок товаров и услуг влечет за собой значительный обмен трудящимися, сопровождающийся преступлениями, совершаемыми мигрантами. Их пребывание на территории России с каждым годом оказывает ощутимое негативное воздействие на и без того сложную криминогенную обстановку. По данным исследований Центра социальной демографии Института социально-политических исследований Российской Академии наук, только за 1992–2002 г. г. в Россию прибыло более 9 млн мигрантов из стран СНГ. Данная тенденция, в целом, сохраняется по разным (прежде всего, внешнеполитическим) при-

чинам. Речь идет об Украине и государствах Средней Азии. Внутренние события в России также повлекли и влекут за собой потоки вынужденных переселенцев. Кроме того, Россия испытывает на себе постоянный приток иностранцев из стран дальнего зарубежья. По некоторым экспертным оценкам, в нашей стране находится до 1,5 млн лиц без определенного правового статуса, покинувших государства своей национальной принадлежности, а также более 3,5 млн иностранцев, занимающихся незаконной трудовой деятельностью (по другим данным, эти цифры гораздо выше. – Ю.К.). Кроме того, многие иностранцы рассматривают территорию России в качестве транзита для проникновения в третьи страны. Данная категория эмигрантов зачастую не имеет возможности достигнуть своих целей в предоставлении убежища, вследствие чего продолжает находиться в приграничных регионах или в районах, непосредственно примыкающих к границе после окончания срока действия виз.

Нелегальные иммигранты, оседая в России, занимаются незаконной коммерческой деятельностью (включая контрабанду оружием, наркотиками и т.д.), усугубляя и без того сложную криминогенную ситуацию в крупнейших городах, приграничных территориях, районах компактного проживания отдельных этнических групп. Некоторая часть иммигрантов ходатайствует о признании их беженцами, но лишь 2% из них могут реально претендовать на получение такого статуса. Основными странами исхода беженцев являются Украина, Молдова, Грузия, Киргизия, Таджикистан, Казахстан, Азербайджан, Узбекистан.

По мере роста российской экономики возрастает потребность в иностранной рабочей силе, поскольку внутренние трудовые резервы не стремятся заполнить вакантные рабочие места в секторах с непривлекательным и низкооплачиваемым трудом. По-прежнему отмечается движение лицензионных трудовых мигрантов из стран СНГ в Россию, на долю которых приходится около 70% привлеченной ра-

бочей силы. Помимо их, в Россию не прекращается поток нелегальной иностранной рабочей силы из стран СНГ и дальнего зарубежья. По данным ВНИИ внешнеэкономических связей Министерства экономического развития и торговли РФ, 89% нелегальных иммигрантов – выходцы из стран ближнего зарубежья. Как правило, нелегальные мигранты заняты в торговой сфере, строительстве и сфере услуг. Не вызывает сомнения, что реальные масштабы нелегальной миграции, которые объективно с трудом поддаются учету и контролю, значительно шире.

Анализ преступности мигрантов показывает, что для криминально активных граждан дальнего зарубежья, включая их преступные группировки, как правило, характерно:

- они не имеют контроля над какой-либо определенной сферой преступной деятельности, а также над административной территорией для совершения преступного промысла;

- 70–80% совершенных преступлений имеют транснациональный характер (наркобизнес, торговля людьми, проституция, нелегальная эмиграция и др., т.е. общеуголовные преступления, отягощенные наличием субъектов-иностранцев;

- находясь на территории России, они совершают преступления как в России, так и в одном либо нескольких государствах;

- влияние на преступную деятельность осуществляется из-за рубежа;

- исключительно закрытый характер преступных группировок, затрудненность контакта;

- невысокая мобильность при совершении преступлений; члены группировок предпочитают проживать в определенном месте и выполнять свою роль, стараясь как можно меньше ездить по территории России;

- по возможности они не вступают в конфликт с российской преступностью, а стараются наладить отношения для совместного совершения преступлений.

Правонарушители из числа граждан ближнего зарубежья, а также организованные преступные группировки из лиц данной категории, как правило:

- совершают в основном преступления общеуголовного характера (грабежи, кражи, убийства, мошенничество, вымогательство, распространение наркотиков и др.);

- среди них развита криминальная миграция с целью совершения преступлений (челночная миграция);

- вступают в конфликты («преступные разборки») с местными преступными группами за сферы влияния и за территорию (в основном это относится к азербайджанским, армянским и грузинским преступным группам);

- стараются легализовать свой криминальный бизнес, пользуясь наличием крупных диаспор своего этноса на территории России, имеющих связи как в системе правоохранительных органов, так и в административно-государственных структурах;

- проявляют высокую мобильность как в период подготовки, так и при совершении преступлений; примерно в 70% случаях после совершения тяжкого либо особо тяжкого преступления исполнители выезжают из России в одну из стран ближнего зарубежья.

Анализ официальной статистики миграционной преступности в последующем показывает, что на протяжении 2005–2014 гг. ежегодно в среднем в Российской Федерации мигрантами совершалось около 50 тыс. преступлений. Миграционная ситуация в России за указанный период характеризовалась определенной стабильностью, затем, начиная с 2011 г., резким увеличением внешних миграционных потоков, пик которого пришелся на 2013 г., и в дальнейшем снижением количества прибывающих иностранных граждан, процесс которого наблюдается и в настоящее время [3].

По отчетам МВД России, за 2014 г. органами внутренних дел зарегистрировано более 2 млн 160 тыс. преступлений, из которых 44,4 тыс. совершены иностранными гражд-

данами и лицами без гражданства (в 2015 г. – 46,4 тыс.; в 2016 г. – 43,9 тыс.), 14 тыс. – в отношении иностранных граждан и лиц без гражданства. Следует отметить, что количество преступлений в отношении иностранных граждан и лиц без гражданства возросло в 2015 г. на 17,5%.

Официальная статистика не отражает сведений о масштабах незаконной миграции, а также достоверной информации о миграционной преступности, поскольку:

а) преступность и самих иностранных граждан, и в отношении них отличается повышенной латентностью;

б) статистический учет состояния преступности иностранных граждан ведется не по зарегистрированным, а по раскрытым преступлениям.

И еще: преступность мигрантов и совершение преступлений в отношении них тесно связаны.

Не урегулированными законодательно остаются вопросы привлечения к уголовной ответственности иностранных граждан и лиц без гражданства, не имеющих документов, удостоверяющих личность. Позднее это приводит к сложностям уже при освобождении этих лиц из мест лишения свободы. Другой проблемой остается практически неконтролируемое передвижение мигрантов по территории России, а значит, возможность скрыться от следственных органов.

Одной из отличительных черт преступности мигрантов является ее пространственная распространенность. Наибольшая концентрация рассматриваемых преступлений приходится на долю столичного региона и г. Санкт-Петербурга, (около 40%), Ростовской обл. (6%), Нижегородской обл. (6%), Красноярского, Хабаровского и Приморского краев. Интенсивный рост рассматриваемых преступлений отмечался в Республике Марий-Эл, Краснодарском крае, Сахалинской, Читинской, Московской и Нижегородской областях.

В структуре зарегистрированных преступлений наибольший удельный вес составляют: кражи – 9,7%, разбойные нападения – 3,2%, грабежи – 2,7%, хулиганство – 2,8%,

убийства – 1,1%, умышленное причинение тяжкого вреда здоровью – 1,1%. Наиболее негативно проявили себя граждане государств – участников СНГ, совершившие 92,1% таких преступлений, в том числе Украины – 18,7%, Азербайджана – 10,3%, Молдовы – 7,7%, Таджикистана – 7,4%, Грузии – 4,9%. Из дальнего зарубежья можно выделить граждан Китая, Вьетнама, Афганистана, Турции. Самое большое число преступлений, совершаемых иностранными гражданами, постоянно регистрируется в Москве и Московской обл., Санкт-Петербурге, Ханты-Мансийском автономном округе, Свердловской обл., Красноярском, Хабаровском и Приморском краях.

Серьезную озабоченность вызывает тот факт, что Россия стала перевалочной базой для нелегальной иммиграции. По данным бывшей Федеральной миграционной службы России, на территории страны незаконно находилось около 4 млн иностранцев. В настоящее время в России находится 2,6 млн нелегальных мигрантов. В мае 2017 г. Уполномоченный по правам человека в России Т. Москалькова подготовила доклад, в котором утверждалось, что, по экспертным оценкам, на территории страны находятся от 8 до 10 млн нелегальных мигрантов: «В Российской Федерации постоянно более 90 суток находятся 3,4 млн человек, не оформивших документы, предоставляющие им право на пребывание в нашей стране, из которых 81,4% – граждане государств – участников СНГ» [4].

Преступные группировки, состоящие из нелегальных мигрантов, создали в крупных городах России неконтролируемый рынок товаров и услуг, они уклоняются от уплаты налогов, ведут незаконную коммерческую деятельность, занимаются торговлей оружием и наркотиками, что приводит к осложнению криминогенной ситуации. Удельный вес преступлений, совершенных иностранными гражданами, в общей структуре преступности составляет 2,3%, доля нелегальных мигрантов в общем числе выявленных преступников достигла 7,5%.

Плохое знание языка, правовая безграмотность и социальная незащищенность приводит к уязвимости мигрантов, совершению в отношении них различных преступлений – от нарушения их прав и свобод до физического уничтожения. Возможные преступные посягательства (прежде всего, со стороны работодателей и сотрудников правоохранительных органов) в любом случае приводят к психологическим срывам мигрантов, что влечет неуважительное и неприязненное отношение к коренному населению. Отсутствие легального статуса, зачастую не имея места работы и проживания, денежных средств, документов, удостоверяющих личность и право пребывания на территории Российской Федерации, возможности вернуться на родину заставляют их избегать контактов с правоохранительными органами и становиться на путь совершения правонарушений и преступлений. Причины совершения последних очевидны – борьба за выживание. В регионах России с увеличенными потоками миграции проблема преступности со стороны мигрантов является весьма серьезной. Неадекватное реагирование правоохранительных органов на резонансные преступления приводит к открытым актам насилия на почве межнациональной ненависти.

В целях предупреждения совершения иностранными гражданами преступлений и виктимности самих мигрантов уже предлагались и/или могут быть предложены следующие меры.

Главное управление по вопросам миграции МВД России (ГУВМ МВД) выступило с инициативой перенести проверку документов трудовых мигрантов на границу, чтобы пограничники разворачивали нарушителей, и тогда их (возможно. – Ю.К.) не придется искать и ловить. Предполагается, что мигранты на границе будут проходить дактилоскопирование, фотографирование и проверку других данных. Так и до визового режима недалеко. У данного предложения есть плюсы: создание единой системы миграционного контроля позволит контролировать цели и сроки пребывания

ния иностранных граждан в стране. Создание интегральной базы данных важно как для розыска преступников, привлечения к уголовной ответственности лиц, не имеющих документов, удостоверяющих личность и гражданство, так и для установления личности потерпевших, идентификации неопознанных трупов т.д. Напомним, что ранее уже предлагалось создание на границах РФ пунктов паспортно-визового контроля, где бы осуществлялась первичная регистрация всех иностранных граждан, пересекающих государственную границу, и вносилась информация о въезжающих иностранцах в единую базу данных [1, с. 44].

Другое предложение МВД о необходимости восстановления системы определения потребности в иностранной рабочей силе возвращает нас на десятилетия назад. Все это уже проходили, и от этого отказались. В России отсутствуют методики расчета баланса трудовых ресурсов. Их нет уже давно, еще со времен СССР. Следовательно, мы вернемся в прошлое, когда квота на трудовых мигрантов определялась регионом. Данную систему квот признали как не эффективную и коррупционную. А ведь такую систему сложно предложить частным собственникам предприятий.

Серьезным потенциалом для адаптации мигрантов обладают религиозные организации, особенно мусульманские, которые ведут просветительскую деятельность среди мигрантов, призывая уважать местное население и традиции, поддерживают связи с диаспорами, национальными общинами. Эта работа должна быть кропотливой и системной. Вместе с тем одними увещеваниями и строительством новых мечетей для мигрантов не обойтись.

Осуществление консультационной деятельности, наглядного и доступного информирования иностранных граждан об их правовом статусе. В России практически нет консультационных пунктов для иностранных граждан, справочных служб, имеющих в своем штате переводчиков. Информация, размещенная на официальных сайтах ГУВМ

МВД России (ранее – Федеральной миграционной службы и ее территориальных органов), не доступна большинству мигрантов, не имеющих доступа к сети Интернет. Отсутствие информации, квалифицированной юридической помощи – причина виктимности мигрантов и их правонарушений.

Можно отметить и предложить к распространению положительный опыт отдела иммиграционного контроля УФМС России по Свердловской обл. в организации информирования иностранных граждан об их правах и обязанностях на территории Российской Федерации. Правовое и языковое просвещение должно начинаться еще в подготовительный период (до выезда на заработки), трудовых мигрантов целесообразно ориентировать на обучение русскому языку и основам миграционного законодательства РФ.

Дифференциация мер по адаптации и интеграции иммигрантов в российское общество, ориентация на категории мигрантов. Трудовым мигрантам низкой квалификации из стран СНГ, Средней Азии и Закавказья требуется адаптация к временным условиям жизни; для репатриантов необходима ре-адаптация как приспособление к условиям жизни при возвращении на историческую родину; для иммигрантов, прибывающих на постоянное место жительства, требуются аккультуризация, освоение истории и культуры принимающего общества.

Процесс идет, идет и обсуждение серьезно критикуемого проекта ФЗ об адаптации и интеграции мигрантов, разработанного Федеральным агентством по делам национальностей (ФАДН)¹. Критику поддерживает и Общественная палата РФ. В нем нет самого главного – механизма проведения адаптации и интеграции мигрантов. Это происходит из-за недостаточного осмысления происходящих процессов. Как

¹ 15 марта 2016 г. ФАДН России представило проект Подпрограммы по социокультурной адаптации и интеграции мигрантов в Российской Федерации в Комиссии по миграционным вопросам Совета при Президенте Российской Федерации по межнациональным отношениям. Планируемый срок реализации документа – с 01.01.2017 по 31.12.2025.

мотивировать мигранта начать полноценно коммуницировать с окружающими людьми, а не только со своими соплеменниками, ФАДН ответить не может. Не определен и сам субъект интеграции. Более того, иногда в малых городах представители не титульной нации, бывшие иностранцы, получившие российское гражданство, коррумпируя местную власть, устанавливают свои порядки, обрекая всю работу по адаптации и интеграции мигрантов на неудачу.

Предлагается вернуться вновь к вопросу создания Миграционного Кодекса РФ, проект которого начинал разрабатываться МВД России более 10 лет назад (автор статьи являлся членом рабочей группы по его подготовке). Возможно, принятие данного закона позволит разрешить многие из поставленных вопросов. Необходимо все тщательно взвесить и просчитать.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Евланова О.А.* Взаимосвязь миграционных процессов и организованной преступности в России // Организованная преступность, миграция, политика / под ред. проф. А.И. Долговой. – М.: Российская криминологическая ассоциация, 2002.

2. Иммиграционная политика западных стран: альтернативы для России. – М., 2002. – 350 с.

3. Количество мигрантов в России будет резко уменьшаться // ВЗГЛЯД: деловая газета. – 8.01.2015.

4. РБК. – URL: <http://www.rbc.ru/rbcfreenews/59e9baea9a7947705a3506dd>.

МИГРАЦИОННАЯ ПРЕСТУПНОСТЬ: СООТНОШЕНИЕ СО СХОДНЫМИ ПРАВОВЫМИ ПОНЯТИЯМИ

А.А. Чистяков

*доктор юридических наук, профессор,
профессор кафедры уголовного права,
уголовного процесса и криминалистики
Юридического института
Российского университета дружбы народов*

Современные проблемы всеобщей глобализации, детерминируя процессы как контролируемой, так и бесконтрольной миграции, все чаще создают дополнительные проблемы по социально-экономическому разрешению возникающих социально-иммиграционных проблем, с одной стороны. С другой стороны, неизбежно возникают проблемы организационно-правового порядка по сдерживанию и контролю процессов криминальной миграции.

Миграционная политика в современном мире ужесточается с каждым днем, и отечественное законодательство следует этим тенденциям. При этом необходимо учитывать, что современные реалии предполагают мобильность социально активных слоев населения. А миграция как раз и выступает одной из форм проявления этой мобильности. Таким образом, масштабы миграции в обозримом будущем будут только расти. И по мере роста масштабов будет расти и ее как позитивное, так и негативное значение для политической, социально-экономической, культурной и правовой сфер функционирования нашего общества. Сегодня в России механизмы контроля над законностью миграционных

процессов либо работают не в полную силу, либо недостаточно эффективно. Это приводит к тому, что действенность контролирующих функций государственных органов оценивается большинством российского населения как крайне низкая. Эта оценка определена следующими обстоятельствами: во-первых, преступность мигрантов, как и миграционная преступность, в последние годы стала неотъемлемой составляющей российской преступности, что не привело к снижению ее общих показателей; во-вторых, сложно выявить реальную картину иммиграционной преступности, поскольку отдельной криминальной и судебной статистики в отношении мигрантов не ведется (существует информация только о зарегистрированных преступлениях, совершенных иностранными гражданами и лицами без гражданства).

Обстоятельствами, влияющими на причины и условия миграционной преступности, следует назвать вынужденность мигрантов проходить, как правило, достаточно продолжительную социально-культурную акклиматизацию, медленное усвоение ими образа жизни региона пребывания, трудности в установлении направленности криминальных связей мигрантов, сравнительно быстрые темпы вовлечения мигрантов в противоправную деятельность, наличие организованных преступных групп в среде иммигрантов, что присуще значительной части миграционных процессов.

Ведя речь о миграционных процессах, необходимо отметить, что к 90-м гг. XX в. в мире уже сложился определенный глобальный миграционный режим, а криминальная миграция как следствие и в то же время индикатор социального неблагополучия как в стране, так и в отдельном регионе, функционирует по особым правилам и законам. Особо пристальный интерес представляют миграционные процессы, связанные с потребностями совершения преступлений. Именно такого рода процессы следует именовать криминальной миграцией наряду с миграционными процессами, связанными с перемещением криминальных технологий.

Однако нельзя забывать, что миграционные процессы связаны и с действиями по нелегальному и неправомерному пересечению государственной границы, а равно и с действиями, расцениваемыми нашим уголовным законодательством как коррупционные. Думается, с полным правом к криминальной миграции следует отнести не только указанные выше, но и вообще любые действия миграционного порядка, подпадающие под действие уголовного законодательства.

Ведя речь о криминальной миграции, следует опираться и на соответствующие положения международного права. Криминальную миграцию можно анализировать в контексте социально-экономических, политических, национально-этнических и гендерно-демографических аспектов. С социально-экономической точки зрения криминальные перемещения населения, во-первых, есть неотъемлемая часть достаточно развитой социальной инфраструктуры криминального бизнеса. Во-вторых, даже легальный бизнес использует наработки криминальных структур (например, строительный бизнес), так что криминальные перемещения сказываются на состоянии всей системы экономических отношений в стране. Наконец, потоки криминальных перемещений зачастую прямо нацелены на совершение преступлений. С политической точки зрения криминальная миграция сопряжена с влиянием геополитических факторов (локальные войны и вооруженные конфликты, мятежи и насильственные захваты власти, экстремизм и терроризм, транснациональные преступные группировки и т.п.). Национально-этнический аспект криминальной миграции сводится к криминальному перемещению людей тех наций и этнических групп, которые отличаются повышенной мобильностью в криминогенном плане. Социально-демографические факторы характеризуются тем, что криминальная миграция как бы выходит за рамки социальных требований и гендерно-демографических процессов. Через сущность этих категорий просматри-

ваются свойственные криминальной миграции характеристики, которые не исчерпываются описанием социально-демографических признаков криминальных перемещений или традиционными приемами анализа территориальных перемещений. В этом смысле, безусловно, просматривается закономерная связь между показателями криминальных перемещений в различных регионах страны и неблагоприятными показателями преступности.

Следовательно, эффективное противодействие росту криминальных перемещений может быть осуществлено только в комплексе с глобальными скоординированными мерами на уровне подразделений, непосредственно осуществляющими противодействие преступности. И в этом плане переподчинение Федеральной миграционной службы Министерству внутренних дел Российской Федерации видится весьма разумным и действенным шагом, позволяющим существенно ужесточить контроль за криминальными миграционными процессами.

ПРОБЛЕМЫ НЕЗАКОННОЙ МИГРАЦИИ И УГОЛОВНАЯ ОТВЕТСТВЕННОСТЬ ЗА НЕКОТОРЫЕ ПРЕСТУПЛЕНИЯ ПРОТИВ ЛИЧНОСТИ

А.В. Должикова

*кандидат химических наук, доцент, проректор по ДПО
Российского университета дружбы народов*

Л.Р. Клебанов

*доктор юридических наук, доцент,
профессор кафедры уголовного права,
уголовного процесса и криминалистики
Российского университета дружбы народов*

Незаконная миграция сегодня выступает серьезным вызовом национальной безопасности целых регионов и отдельных стран, включая и Россию. Неконтролируемые людские потоки, чья этнокультурная, конфессиональная и социально-политическая идентичность резко контрастирует с ценностями и укладом жизни автохтонного населения, способны существенно обострить криминогенную обстановку в местах пребывания и расселения незаконных мигрантов, что, в силу эффекта «домино», влечет за собой возникновение новых угроз и негативных последствий.

Незаконная и неконтролируемая миграция приводит к образованию так называемых «диаспорных» государств как средству осуществления пресловутой гибридной войны, угрожает демографическому суверенитету России, который воплощается в институционально-правовом регулировании

рождаемости, смертности, уровня продолжительности жизни и миграции, имеющего целью достижение желаемого демографического баланса в обществе [4, с. 13].

Одним из наиболее опасных последствий, детерминированных незаконной миграцией, является резкое ухудшение криминогенной обстановки.

По данным некоторых исследователей, отличающихся от официальной статистики, удельный вес мигрантов в общем числе лиц, совершивших преступления, приближается к 10% [3, с. 103]. В криминологических трудах даже появился термин «криминальная иностранная миграция», под которой понимается перемещение иностранцев, прибывающих и находящихся на территории РФ в течение определенного промежутка времени с целью совершения преступной деятельности, сама эта деятельность и ее общественно опасные последствия [1, с. 8]. К преступности нелегальных мигрантов следует отнести также и те преступления, решимость совершить которые возникла у этой категории лиц уже в момент пребывания на территории России.

Наиболее существенной частью, если так можно выразиться, «миграционной» преступности является насильственная преступность. Насильственная преступность, связанная с проблемой нелегальной миграции, может быть поделена на две части: насильственная преступность нелегальных мигрантов и насильственная преступность против нелегальных мигрантов, поскольку последние, пребывая на территории России незаконно, обладают высоким уровнем виктимности. Неконтролируемая нелегальная миграция приводит к всплеску насильственных преступлений, мотивированных национальной, религиозной, этнической ненавистью или враждой в отношении вновь прибывших и уже пребывающих на территории России мигрантов, что вызывает ответное насилие со стороны последних (примером тому служат националистические группировки «БОРН», «Черные ястребы» и т.д.).

Ни для кого не секрет, что дешевая рабочая сила, основу которой составляют нелегальные мигранты, пользуется достаточным спросом у многих российских работодателей. Нелегальные мигранты работают без соответствующих разрешений и регистрации, их зарплаты не облагаются налогом; в отличие от россиян, их требования куда как скромнее и к заработной плате, и к условиям труда, а в случае грубого нарушения их трудовых прав обращаться за защитой в официальные инстанции они не будут по понятным причинам. Все это нередко приводит к нещадной эксплуатации труда нелегальных мигрантов, чей труд все чаще называют рабским, в связи с чем особый интерес представляет ст. 127.2 УК РФ «Использование рабского труда», расположенная в главе «Преступления против свободы, чести и достоинства личности».

Одной из насущных проблем усиления уголовно-правовой охраны личности от рабства является детализация объективной стороны преступления, предусмотренного ст. 127.2 УК РФ. Редакция ее подготовлена без учета международных конвенций против рабства, а именно: Конвенции относительно рабства от 25 сентября 1926 г., дополнительной Конвенции об упразднении рабства, работорговли и институтов и обычаев, сходных с рабством, от 7 сентября 1956 г., где рабство понимается как состояние или положение человека, над которыми осуществляются атрибуты права собственности или некоторые из них.

К явлениям, сходным с рабством, отнесены:

- а) долговая кабала;
- б) крепостничество;
- в) обещание или выдача женщины замуж (без права отказа) за деньги или за вознаграждение натурой;
- г) случай, когда муж или клан перепродают женщину за деньги или за иное вознаграждение;
- д) случай, когда после смерти мужа жена передается по наследству;

е) передача несовершеннолетнего своей семьей другому лицу с целью использования его труда [2, с. 41–42].

С учетом национальных традиций и обычаев пребывающих на территории России мигрантов эти дополнения имеют достаточную актуальность, хотя часть из вышеперечисленного подпадает под действие ст. 127.1 УК РФ.

Нельзя не обойти стороной тему наказания за преступления, совершаемые мигрантами, в том числе и за преступления против личности. В свое время в уголовно-правовой литературе дискутировался вопрос о целесообразности включения в перечень наказаний по УК РФ такого наказания, как выдворение из Российской Федерации. Данное наказание предполагалось как принудительная высылка осужденного гражданина или подданного иностранного государства за пределы Российской Федерации, что влекло за собой запрет на пребывание такого лица на территории России сроком от 5 до 10 лет. Такое наказание предлагалось назначать только в качестве дополнительного. Аналогичное наказание предусмотрено законодательством Франции, Латвии, Швейцарии [2, с. 51–52].

Вопрос об ответственности за насильственные преступления применительно к незаконной миграции не ограничивается только уголовно-правовой реакцией на умышленные насильственные и корыстно-насильственные преступления, совершаемые нелегальными мигрантами. В фокусе внимания исследователей должны оказаться преступления с двойной формой вины и неосторожные преступления, где интересы личности и, в частности, ее жизнь и здоровье, оказываются дополнительными объектами преступления. Прежде всего, мы имеем в виду преступления, предусмотренные ст. 238 УК РФ «Производство, хранение, перевозка либо сбыт товаров и продукции, выполнение работ или оказание услуг, не отвечающих требованиям безопасности». Как уже говорилось выше, некоторые недобросовестные российские работодатели, занимающиеся предпринимательской деятель-

ностью, активно используют труд нелегальных мигрантов, например, в строительстве, при оказании транспортных услуг, в сфере общественного питания, проведения досуга и т.д. Несоблюдение такими работниками элементарных правил техники безопасности, строительных нормативов, отсутствие у них должного опыта работы, а зачастую и элементарных ее навыков, наличие различных заболеваний, препятствующих управлению транспортными средствами, несоблюдение правил санитарии и гигиены ставит под угрозу жизнь и здоровье потребителей, чему, к сожалению, в правоприменительной практике есть немало примеров. Погоня за прибылью в условиях жесткой конкуренции застилает нередко глаза отечественным горе-бизнесменам, которые рискуют интересами потребителей ради дополнительного дохода.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Богомолова К.И.* Преступность, связанная с иностранцами: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. – Саратов, 2011.

2. *Бородин С.В., Клебанов Л.Р.* Совершенствование Уголовного кодекса Российской Федерации как условие укрепления национальной безопасности России // Уголовное право России: проблемы и перспективы / под ред. С.В. Бородина, С.Г. Келиной; Институт государства и права РАН. – М., 2004.

3. *Викторов С.И.* Незваные гости? // Закон. – 2003. – № 5. – С. 102–105.

4. *Тиводар С.И.* Демографическая безопасность России: институционально-правовое обеспечение национальных интересов: автореф. дис. ... докт. юрид. наук. – Ростов-на-Дону. 2008.

НАЧАЛЬНАЯ СТАДИЯ В УГОЛОВНОМ ПРОЦЕССЕ РОССИИ И ЗАРУБЕЖНЫХ СТРАН

В.Н. Махов

*доктор юридических наук, профессор,
профессор кафедры уголовного права, уголовного
процесса и криминалистики Юридического института
Российского университета дружбы народов,
Заслуженный юрист РФ*

Стадия возбуждения уголовного дела, созданная в годы советской власти в отечественном уголовном процессе, является предметом исследований и острой дискуссии на протяжении ряда десятилетий.

Дело в том, что стадия возбуждения уголовного дела заменила стадию полицейского дознания, действующую на протяжении веков в уголовном процессе зарубежных государств и дореволюционной России. С принятием Конституции РФ, УПК РФ эта стадия оказалась в определенном смысле «инородным телом», малоэффективным, тормозящим быстрое раскрытие преступлений «по горячим следам».

С падением социалистического строя, возвратом к рыночной экономике не стало сдержек и противовесов, партийной дисциплины, которые в годы советской власти обеспечивали эффективную деятельность органов дознания (милиции) в стадии возбуждения уголовного дела.

К сожалению, в главах УПК РФ, посвященных стадии возбуждения уголовного дела, не указано о том, что в этой стадии надлежит раскрыть преступление, установить лицо, подозреваемое в совершении преступления. В этой стадии,

согласно ст. 140 УПК РФ, при поступлении заявления, сообщения о преступлении требуется проверить его для решения вопроса о наличии основания, т.е. достаточных данных, указывающих на признаки преступления. Если этих данных достаточно, то возбуждается уголовное дело. Если при этом не установлено лицо, подозреваемое в совершении преступления, то уголовное дело возбуждается по факту совершенного преступления и передается по подследственности следователю, дознавателю, на которых возлагается основная ответственность за раскрытие преступления. Вместе с тем органы дознания, уполномоченные осуществлять оперативно-розыскную деятельность, прежде всего, в целях раскрытия преступлений, снимают с себя основную ответственность за раскрытие преступления.

Отрадно отметить, что в УПК РФ сохранен институт неотложных следственных действий, эффективно проявивший себя в годы советской власти как наследие дореволюционного порядка об ответственности органов дознания (полиции) за раскрытие преступлений. Речь идет о ст. 157 УПК РФ, предусматривающей, что орган дознания, возбуждив уголовное дело, по которому необходимо предварительное следствие, сообщив о том прокурору и руководителю следственного органа, принимает дело к своему производству и проводит неотложные следственные действия в срок до 10 суток. Основная цель неотложных следственных действий (конечно же, и осуществление при этом оперативно-розыскных мероприятий) – установление лица, подозреваемого в совершении преступления. Такой вывод очевиден из следующей нормы (п. 4 ст. 157 УПК РФ): в случае направления следователю уголовного дела, по которому в ходе неотложных следственных действий не обнаружено лицо, совершившее преступление, орган дознания проводит розыскные и оперативно-розыскные меры для установления лица, совершившего преступление, уведомляя следователя об их результатах.

К сожалению, на практике порядок, предусмотренный ст. 157 УПК РФ, применяется редко. Основная причина – органу дознания (оперативникам) все реже поручают проверку заявлений, сообщений о совершенных преступлениях, полагая, что следователи и дознаватели лучше оперативников проводят процессуальные действия в порядке, предусмотренном ст. 144 УПК РФ, более обоснованно принимают решения по вопросу о возбуждении уголовного дела.

В последние годы наметилась тенденция еще в больших случаях освобождать оперативников от проверки заявлений и сообщений о преступлениях. Плохо, что вместе с тем органы дознания лишились права на производство неотложных следственных действий. Но есть в этой ситуации и положительная сторона: органы дознания освободились от проверки заявлений, сообщений о преступлениях, большая часть которых содержит сведения о гражданско-правовых деликтах, административных проступках и других деяниях не преступного характера, не требующих для их проверки производства оперативно-розыскных мероприятий. Теперь разрешают основную массу заявлений и сообщений о преступлениях следователи и дознаватели. Конечно же, это отвлекает следователей от производства по уголовным делам. И все же сложившаяся практика представляется оправданной в той части, которая дает возможность оперативникам сосредоточиться на «своей» работе, где они незаменимы.

Вместе с тем органы дознания не должны оставаться без прокурорского надзора в выборе дел, по которым они должны осуществлять неотложные следственные действия по возбужденным следователями уголовным делам.

Известны многочисленные случаи, когда оперативники в конце отчетного периода «придумывают» деяния, которые своими противоправными действиями подгоняют под раскрытые преступления. При этом привлекаются к уголовной ответственности лица, не виновные в совершении преступ-

лений (в частности, им подкидывают наркотики, патроны и другие подобные предметы). И все это происходит в то самое время, когда в том самом районе у следователей находится целый ряд уголовных дел о нераскрытых преступлениях.

Поэтому в ст. 157 УПК РФ целесообразно внести изменения о том, что неотложные следственные действия органа дознания производит не только в случаях, когда он возбудил уголовное дело, но и по уголовным делам, возбужденным следователем, которые переданы органу дознания по письменному указанию прокурора для установления лица, подозреваемого в совершении преступления.

Предлагаемая новелла приблизит деятельность нашего органа дознания (полиции) к той деятельности, которой полиция как орган дознания занимается в уголовном процессе зарубежных государств.

В этом контексте предлагается обратить внимание на содержание деятельности полиции как органа, осуществляющего дознание в начальной стадии уголовного процесса Франции. Согласно УПК Франции, основной формой дознания является та, которая осуществляется по явным преступлениям и проступкам. Из содержания гл. 1 ч. II книги второй УПК Франции видно, что эта форма дознания, именуемая в науке неотложным, начинается, когда есть основания полагать, что в деянии имеются признаки преступления. В данном случае во Франции, как и во многих других зарубежных странах, начальная стадия уголовного процесса (дознание) начинается тогда, когда в нашем уголовном процессе России она завершается возбуждением уголовного дела при наличии на то данных, указывающих на признаки преступления. Основная задача дознания в уголовном процессе зарубежных стран – установить, разыскать и, при необходимости и наличии серьезных оснований, арестовать и допросить лицо, подозреваемое в совершении преступления для решения прокурором вопроса о возбуждении уголовно-

го преследования в отношении этого лица. В этой связи уместно следующее суждение о дознании во Франции Л.В. Головки: «Целью дознания является, во-первых, быстрое раскрытие преступления, розыск подозреваемого и совершение неотложных процессуальных действий. Во-вторых, подготовка для прокуроров материалов о возбуждении уголовного преследования, квалификации деяния, передачи дела в соответствующий орган». Срок данного дознания в УПК Франции не установлен, но, как правило, продолжается несколько суток.

Для случаев, когда нет основания для начала дознания о явных преступлениях и проступках, УПК Франции в гл. II ч. II книге второй «О порядке производства дознания» (ст. 75–78, 78.1–78.6) излагает основные положения дознания в форме, именуемой в науке предварительным и первоначальным. Работа с заявлениями, сообщениями о неочевидных преступлениях ведется в этой форме дознания от выявления признаков преступления до установления подозреваемого. При таком дознании крайне ограничены возможности полиции для вторжения в сферу личной жизни граждан. Согласно ст. 70 УПК Франции, обыски, проникновение в жилище и выемки вещественных доказательств не могут быть осуществлены без явно выраженного согласия лица, у которого эти действия производятся.

Содержание деятельности в начальной стадии уголовного процесса Франции приведено, в первую очередь, не случайно с учетом того, что в уголовном процессе Франции, как и в уголовном процессе России, второй стадией является предварительное следствие (во Франции оно осуществляется следственным судьей).

В уголовном процессе Германии нет стадии предварительного следствия. Расследование здесь осуществляется в форме дознания полицией под руководством прокуратуры. Дознание в Германии – начальная стадия уголовного процесса. Основное назначение дознания – собрать материалы,

необходимые для решения прокуратурой вопроса о возбуждении уголовного преследования в отношении конкретного подозреваемого. Дознание в большинстве случаев заканчивается отказом в возбуждении уголовного преследования, поскольку, как и в России, во многих сообщениях о преступлениях речь идет о событиях, не имеющих признаков преступления. Дознание в Германии осуществляется под контролем суда; обычно это участковый судья, который уполномочен давать согласие на производство ряда процессуальных действий; до принятия решения об аресте подозреваемого участковый судья должен его допросить.

Не излагая ряд других особенностей дознания в уголовном процессе Германии, отметим главное для темы настоящей статьи: дознание в Германии – начальная стадия уголовного процесса, которая завершается установлением лица, подозреваемого в совершении преступления, и решением вопроса о возбуждении против него уголовного преследования.

Подводя итоги изложенному, можно сделать следующие выводы.

1. Начальная стадия уголовного процесса России – возбуждение уголовного дела – имеет существенные недостатки. Этот эксклюзивный институт, созданный в годы социализма, обречен в постсоциалистическую эпоху быть заменен полицейским дознанием, т.е. традиционной формой начальной стадии уголовного процесса, действующей на протяжении веков в уголовном процессе зарубежных государств, независимо от формы (типа) уголовного процесса.

2. Предлагается поэтапно преобразовать стадию возбуждения уголовного дела в стадию полицейского дознания. Главная цель первого этапа, учитывая сохранение института предварительного следствия, такова: **сосредоточить деятельность полиции на раскрытии преступлений по делам, возбуждаемым следователями.** При этом, возбуждив уголовное дело по факту совершения преступления,

следователи будут направлять такое уголовное дело прокурору для решения им вопроса, нужно ли это дело отправить органу дознания для производства неотложных следственных действий в целях раскрытия преступления или же вернуть это дело следователю. Срок производства дознания целесообразно увеличить, т.е. продлевать его с согласия прокурора, как правило, до раскрытия преступления. При этом стоит руководствоваться исходным принципом: если преступление не раскрыто в срок органом дознания с использованием оперативно-розыскных мероприятий, то вряд ли это удастся сделать следователю.

3. В связи с этим целесообразно предусмотреть возможность по решению прокурора отдельные уголовные дела о нераскрытых преступлениях оставлять следователю при условии, что ему в помощь будут выделены оперативники. В УПК РФ предлагается ввести статью о порядке производства предварительного следствия по уголовным делам, по которым не установлено лицо, совершившее преступление, с участием сотрудников полиции, осуществляющих оперативно-розыскную деятельность.

Только на последующих этапах с учетом анализа накопленного опыта возможно делать новые шаги по реформированию в уголовном процессе России начальной стадии уголовного судопроизводства.

ФЕНОМЕН ТОРГОВЛИ ЛЮДЬМИ В ЕВРОПЕЙСКОМ СОЮЗЕ И РЕСПУБЛИКЕ МОЛДОВА

О. Алистратова

*докторант Молдавского государственного университета
(Кишинэу, Республика Молдова)*

Торговля людьми сопровождала человеческое общество на протяжении всей истории его существования. Сегодня она затрагивает все страны мира, которые выступают в качестве стран происхождения, транзита и назначения жертв торговли людьми. Мужчины, женщины, дети становятся жертвами торговли людьми, проживая и работая в условиях, которые можно назвать рабскими.

Интерес к проблеме торговле людьми усилился на рубеже 80–90-х гг. XX в. В 2000 г. были приняты Конвенция ООН против транснациональной организованной преступности и дополняющий ее Протокол о предупреждении и пресечении торговли людьми, особенно женщинами и детьми, и наказании за нее, получивший название Палермского протокола, которые впервые дали полное определение торговли людьми. «Торговля людьми» означает осуществляемые в целях эксплуатации вербовку, перевозку, передачу, укрывательство или получение людей путем угрозы силой или ее применения или других форм принуждения, похищения, мошенничества, обмана, злоупотребления властью или уязвимостью положения либо путем подкупа в виде платежей или выгод для получения согласия лица, контролирующего другое лицо [21].

Исходя из определения, данного в ст. 3 Протокола, торговля людьми должна включать три основных элемента:

1) *действие* – вербовка, перевозка, передача, укрывательство или получение людей;

2) *средства* – угроза силой или применение силы, другие формы принуждения, похищение, обман, мошенничество, злоупотребление властью или уязвимостью положения, подкуп в виде платежей или выгод для получения согласия лица, контролирующего другое лицо;

3) *цели* – эксплуатация, включая, как минимум, эксплуатацию проституции других лиц или другие формы сексуальной эксплуатации, принудительный труд или услуги, рабство или обычаи, сходные с рабством, подневольное состояние или извлечение органов.

Специальная защита распространяется на детей в возрасте до 18 лет. Вербовка, перевозка, передача, укрывательство или получение ребенка для целей эксплуатации считаются «торговлей людьми» даже в том случае, если они не связаны с применением какого-либо из средств воздействия, указанных выше. Для того чтобы действие квалифицировалось как торговля людьми, должны присутствовать все три элемента.

Феномен торговли людьми на европейском континенте. Проблему торговли людьми следует рассматривать в широком смысле – как проблему, связанную с бедностью, гендерным неравенством, теневой экономикой, коррупцией, незаконной миграцией и т.п. Торговля людьми имеет в своей основе экономические, политические, социальные, моральные причины и определяется рядом факторов. В этой связи важным моментом Палермского протокола является указание на необходимость сотрудничества государств по минимизации факторов, способствующих торговле людьми. Согласно Протоколу, такими факторами являются, с одной стороны, «нищета, низкий уровень развития и отсутствие равных возможностей», а с другой – «спрос, порождающий эксплуатацию людей, особенно женщин и детей, во всех ее формах, поскольку это ведет к торговле людьми» [21].

На европейском континенте значительная часть торговли людьми сосредоточена на торговле женщинами и детьми в целях коммерческой сексуальной эксплуатации. По оценкам Международной организации по миграции, в Европу ежегодно переправляется около полумиллиона иностранных проституток. В Германии три из четырех проституток – приезжие, в Голландии – каждая вторая [25, с. 140]. По другим оценкам, доля иностранных женщин, занимающихся проституцией, варьируется от 50 до 90%. В Норвегии иностранные женщины составляют 70% рынка проституции [6, с. 214].

По территории Европы торговля людьми распределяется неравномерно. По данным ООН, 5 стран в Западной Европе являются основными странами назначения для торговцев людьми – Бельгия, Германия, Греция, Италия и Нидерланды. Вторую группу стран назначения для траффикантов составляют Австрия, Дания, Франция, Испания и Швейцария, а Австрия выступает еще и важнейшей транзитной страной, особенно для жертв из Центральной и Восточной Европы. Греция и Испания не только выступают как страны приема для жертв торговли людьми, но и являются привлекательными для транснациональных преступных организаций, которые хотят воспользоваться положением этих стран на периферии Европы для более легкого перемещения человеческого товара в пункты назначения. Позже Европол добавил в этот список Великобританию [6, с. 205–206]. Эти страны назначения являются самыми богатыми и густонаселенными странами Европы, имеют большие сексуальные рынки либо развитую туристическую индустрию.

Размеры торговли людьми в Европе трудно оценить. Несмотря на неоднократные призывы международных документов, в том числе на уровне Европейского Союза и Совета Европы, большинство государств не в состоянии представить точные сведения о количестве случаев, жертв, их характеристиках и исполнителях. Отчасти это объясняется тем, что эксплуатация человека может скрываться за други-

ми преступлениями, такими как нелегальная миграция, подделка документов, проституция и т.д. и не регистрируется как торговля людьми. Различия в национальных правовых определениях ТЛ препятствуют сравнению и оценке общих тенденций. В то же время, по мнению экспертов, европейские структуры выделяют ограниченные ресурсы для междисциплинарного и всеобъемлющего исследования и анализа торговли людьми [6, с. 197].

По оценкам Международной организации труда, число жертв принудительного труда во всем мире составляет 20,9 млн человек, в то время как в Европейском Союзе эта цифра составляет примерно 880 000 человек [22]. Масштабы жертв торговли людьми варьируются в зависимости от региона. Разница в оценках огромна: от 5000 до 150 000 жертв торговли людьми в западноевропейских странах; от нескольких тысяч до 100 000 в Центральной Европе; от десятков тысяч до более 100 000 человек в Восточной Европе; от десятков тысяч до 200 000 человек на Балканах и в Восточном Средиземноморье [1, с. 89]. В других источниках цифры намного выше: около 500 000 женщин и детей, которые ежегодно прибывают в Западную Европу из следующих регионов: свыше 200 000 женщин и детей – из Восточной Европы; 120 000 – с Балкан и через Балканы; 80 000 – из стран СНГ. Ежегодно около 200 000 детей и женщин становятся жертвами торговли на Балканах [4, с. 128].

С 2008 по 2010 г. жертвами торговли людьми в ЕС стали или предположительно являлись 23 632 человека. Почти 7 из 10 жертв торговли людьми в Европе – это женщины, 15% – дети [22]. В 2013 г., по данным Европола, было зарегистрировано 3315 жертв и 3910 подозреваемых в организации ТЛ, тогда как в 2014 г. число жертв достигло 4185 человек, а число подозреваемых увеличилось до 4127. Большинство жертв ТЛ (71%) и подозреваемых (70%), зарегистрированных в базе данных Европола в 2014 г., были гражданами ЕС [2, с. 9].

Наличие комплекса факторов, способствующих сохранению торговли людьми, дополняется заинтересованностью организованных преступных групп, готовых воспользоваться сложной ситуацией, складывающейся у потенциальных жертв. Главное отличие нынешней торговли людьми в Европе от ее исторических прецедентов состоит в том, что она контролируется и санкционируется не государством, а транснациональными группами и сетями [6, с. 67].

Наиболее опасными преступными организациями являются те, которые способны контролировать весь процесс торговли людьми. Типичная структура преступных групп, занимающихся ТЛ, состоит из свободных сетей, зачастую связанных родственными или этническими связями. Торговцы, действующие на этапе вербовки, – как правило, одной национальности или этнической принадлежности с жертвой, иногда они даже состоят в родственных связях. Мобильность и ротация жертв являются ключевыми чертами этого криминального рынка. Торговцы людьми находят в постоянном поиске, адаптируясь к изменениям со стороны законодательства и деятельности правоохранительных органов, изыскивая новые маршруты транспортировки взамен ликвидированных. Распространение Интернета привело к тому, что торговцы людьми изменили свой *modus operandi* и для вербовки жертв используют современные технологии. Жертвы торговли людьми все чаще используют настоящие документы для поездок непосредственно в страну назначения, что обусловлено отсутствием пограничного контроля между государствами – членами ЕС и облегчением визового режима для ряда стран, не входящих в Европейский Союз [1, с. 90].

По данным правоохранительных органов Германии и Нидерландов, большинство торговцев людьми составляют мужчины (в середине 2000-х гг. – свыше 80%) [1, с. 51–52], но этот показатель различается среди этнических групп. Если среди голландских траффикантов было мало женщин, то

среди российских, венгерских, румынских и болгарских торговцев доля женщин варьировалась от 30 до 39%. Высокий процент женщин, занимающихся торговлей женщинами в Молдове, Македонии, Боснии и Герцеговине, подтверждают и данные неправительственных организаций, действующих в сфере борьбы с торговлей людьми [7, с. 46]. Но со временем все большее число женщин вовлекается в ТЛ, и их роль приобретает все большее значение в вербовке, транспортировке, наблюдении за жертвами [3, с. 11]. Такая тенденция в разной степени наблюдается во всех этнических группах.

В 2014 г. 69% подозреваемых в ТЛ, зарегистрированных в Европоле, были гражданами ЕС из Болгарии, Венгрии, Румынии и Словакии. Болгарские, чешские, венгерские, румынские и словацкие криминальные сети представляют собой иерархические, но гибкие структуры, использующие физическое принуждение к жертвам. Известны случаи сотрудничества между этими группами [2, с. 13].

Торговля людьми ежегодно приносит огромную прибыль международным преступным организациям, в Европе она приносит 25 млрд евро в год [3, с. 12]. Правительство Испании сообщило, что в 2007 г. ежедневно на проституцию тратилось 50 млн евро, или более 18 млрд евро в год. В 2008 г. исследователи подсчитали, что голландская индустрия проституции произвела 400–600 млн евро [8]. Полученная прибыль может быть либо потрачена в стране эксплуатации жертв, либо отправлена обратно в страну происхождения, либо реинвестирована в преступный бизнес. Это свидетельствует о том, что необходима концентрация усилий правительств, правоохранительных органов, неправительственных организаций европейских государств на разоблачении и наказании торговцев людьми в странах происхождения, транзита и назначения.

Хотелось бы обратить внимание на еще один немаловажный момент. В Палермском протоколе оговорено, что

его нормы следует применять к случаям торговли людьми, которые носят транснациональный характер и совершены при участии организованной преступной группы. Но в большинстве стран внутренняя торговля людьми, т.е. без пересечения национальных границ, также является проблемой и должна регулироваться национальным законодательством стран [12, с. 10–11].

С внутренней торговлей сталкиваются и страны Евросоюза, и страны, не входящие в ЕС. Рынки эксплуатации различаются как в разных странах, так и в пределах одной страны и могут зависеть от специфики местных условий. Для контроля над жертвами могут применяться самые различные методы принуждения, также как и в случае транснациональной торговли людьми.

Европейский миграционный кризис 2015–2016 гг., связанный с многократным увеличением потока беженцев и нелегальных мигрантов из стран Северной Африки и Ближнего Востока, обострил и без того сложную ситуацию в сфере торговли людьми, сложившуюся в странах Европейского Союза. По сообщениям Европола, транснациональные организации, занимающиеся контрабандой и торговлей людьми, работают вместе, эксплуатируя уязвимость мигрантов. По данным заместителя командующего операцией ЕС в Средиземном море, одно судно может принести контрабандистам до 380 000 евро [13].

К настоящему времени сложился целый синдикат преступных группировок, специализирующихся на переправке беженцев в Европу. Представители преступных группировок требуют с мигрантов деньги за перевозку через границу, оформление бумаг и поиск работы. Если у них нет денег, они берут у местной мафии долг, а затем вынуждены его отрабатывать. Организованная преступность эксплуатирует мигрантов в ресторанах, подпольных мастерских, сельском хозяйстве, женщин заставляют заниматься проституцией [15, с. 44–45]. Согласно отчету Совета Европы о проститу-

ции, торговле людьми и современному рабству, в Европе 84% всех жертв работорговцев – это секс-рабство [23].

Особое беспокойство правоохранительных органов вызывает приток в Европу 90 000 несовершеннолетних, прибывших без сопровождения взрослых, которые особенно уязвимы к торговле людьми. По сообщениям Европола, по меньшей мере 10 000 несовершеннолетних без сопровождения взрослых пропали без вести [24]. С высокой долей вероятности они могут эксплуатироваться преступными группами в целях торговли людьми, сексуальной эксплуатации или рабства [16].

На основе анализа доступных источников можно согласиться с прогнозом европейских правоохранительных органов по вопросу о тенденциях в торговле людьми на европейском континенте. Хотя пик миграционного кризиса пройден, но сам кризис – долгосрочный и будет оказывать большое влияние на торговлю людьми. Нынешние тенденции в области сексуальной и трудовой эксплуатации будут сохраняться. В то же время увеличится количество фиктивных браков для получения законного права пребывания в ЕС. Жертвы из стран Восточной Европы (в основном Чехии, Венгрии, Латвии, Польши, Румынии и Словакии) будут вынуждены вступать в брак с мужчинами из Азии (Пакистана и Индии).

Торговля людьми в Республике Молдова. В Республике Молдова проблема торговли людьми стала особенно актуальной в середине 90-х гг. прошлого столетия. При этом Молдова столкнулась с различными ее формами: торговля людьми с целью трудовой эксплуатации, с целью сексуальной эксплуатации, с целью эксплуатации женщин и детей (попрошайничество), с целью продажи человеческих органов.

Определились основные направления торговли людьми. Траффикинг с целью трудовой эксплуатации осуществлялся в Западную Европу и Россию. Траффикинг с целью

сексуальной эксплуатации молодых женщин был направлен, в первую очередь, в страны балканского региона – Албанию, государства, образовавшиеся после распада Югославии. Прозрачность границ между странами, последствия войн в Югославии в 90-х гг. XX в., слабость системы противодействия трафику живых существ, сильные позиции криминалитета, многочисленные воинские контингенты – все это способствовало спросу на сексуальные услуги и созданию благоприятной почвы для торговли людьми [19, с. 19].

С начала 2000-х гг. значение этого направления падает, что обусловлено консолидацией молодых государств на Балканах и усилением борьбы с этой формой современного рабства как на национальном, так и на международном уровнях. Происходит переориентация траффинга на страны Ближнего Востока, Турцию, Россию, Западную Европу [17, с. 136]. С 2014 г. было зарегистрировано резкое увеличение числа жертв среди мужчин, в основном, с целью трудовой эксплуатации. Если до 2014 г. в Республике Молдова около 70% от общего числа жертв торговли людьми были женщины, то в 2015–2016 гг. каждой второй жертвой торговли людьми стал мужчина [14].

Имеет место усложнение и диверсификация направлений и форм торговли людьми. В докладе Государственного департамента США за 2016 г. указывается, что «Молдова является, в первую очередь, страной – источником для мужчин, женщин и детей, которые подвергаются сексуальной эксплуатации и принудительному труду. Молдавские жертвы подвергаются сексуальной эксплуатации и принудительному труду внутри страны, а также в России, Украине, странах Европы, Ближнего Востока, Африки и Восточной Азии» [11]. География сексуальной эксплуатации молдавских женщин очень широка. Молдавские женщины подвергаются принудительной проституции в Турции, России, Кипре, Болгарии, ОАЭ, Косово, Израиле, Индонезии, Малайзии, Ливане, Италии, Греции, Украине, Чехии и Румынии [10].

Все чаще девочки в возрасте от 13 до 15 лет становятся жертвами торговли людьми. Были зарегистрированы случаи приезда в Молдову с целью детского секс-туризма мужчин из стран ЕС, Австралии, Израиля, Таиланда и США [11].

Мужчины, женщины и дети подвергаются принудительному труду в России, Украине, Турции, ОАЭ, Израиле и Греции в секторах строительства, сельского хозяйства и обслуживания. Мужчины, женщины и дети также подвергаются принудительному труду и сексуальной эксплуатации в Словении, Испании и Нидерландах. Некоторые дети из Молдовы подвергаются условиям принудительного попрошайничества в соседних странах. Жертвами принудительной проституции, найденными в Кишиневе, являются украинские женщины и молдавские девочки и женщины из сельских районов. Мужчины и женщины подвергаются принудительному труду в Молдове. После возвращения в Молдову жертвы торговли людьми из Молдовы подверглись ретраффикингу. Жертвы из Молдовы часто вербуются людьми, которым они доверяют [10].

Еще одна форма торговли людьми, зафиксированная в Молдове, – торговля органами, самыми востребованными из которых являются почки. В качестве продавцов почек выступают бедные, молодые люди из сельских районов в возрасте от 18 до 28 лет. Большинство из этих людей были обмануты или принуждены к продаже своей почки. Им выплачивали за продажу почки от 2500 до 3000 дол., а реципиенты должны были заплатить от 100 000 до 200 000 дол. США за операцию [1, с. 116].

Организация «Organ Watch» зафиксировала в молдавских селах 38 доноров почек, 5 из которых покончили жизнь самоубийством [20].

Наряду с транснациональной торговлей людьми в Молдове растет доля внутреннего трафика живых существ. Для траффикантов он является менее опасным, поскольку нет необходимости пересекать государственную границу, добы-

вать реальные или фальшивые документы, визы, подкупать сотрудников пограничных и консульских служб [19; 20].

В Молдове, как и в других регионах мира, торговля и контрабанда людьми облегчается с появлением территориальных образований, которые находятся вне юрисдикции центральной государственной власти. К таким регионам относится Приднестровье, выступающее источником жертв сексуальной и трудовой эксплуатации [11].

Оценить реальные объемы торговли людьми в Молдове практически невозможно. По данным Всемирного отчета о торговле людьми, подготовленном Управлением ООН по наркотикам и преступности, в период с января 2011 г. по июль 2015 г. 1086 граждан РМ стали жертвами торговли людьми. Из них 4 человека стали жертвами торговли людьми в целях изъятия органов, 520 были подвергнуты сексуальной эксплуатации, а остальные были вынуждены попрошайничать или работать бесплатно [14].

Косвенные данные о количестве людей, вовлеченных в торговлю людьми, предоставляет статистика о жертвах траффинга, которым была оказана различная помощь, в том числе в репатриации. Международная Организация по миграции, занимающаяся защитой жертв траффинга, приводит следующие данные о количестве жертв торговли людьми в Республике Молдова: начиная с 2000 г., МОМ в Молдове оказала помощь и защиту более 3400 жертв торговли людьми в преодолении последствий от эксплуатации, а также помогла улучшению условий жизни более 9500 потенциальных жертв [5]. Можно предположить, что реальные цифры, скорее всего, выше, так как следует сделать поправку на деятельность государственных структур и неправительственных организаций в этой сфере, не учтенную статистикой МОМ [18, с. 1–2].

Республика Молдова проводит политику противодействия торговле людьми в соответствии с политикой «4 Ps» (Prosecution, Protection, Prevention, Partnership), опираясь на

институциональные и законодательные механизмы, сотрудничая с гражданским обществом и международными организациями.

Выводы. Проблему торговли людьми следует рассматривать в широком смысле – как проблему, связанную с бедностью, гендерным неравенством, теневой экономикой, коррупцией, незаконной миграцией и т.п. Торговля людьми имеет в своей основе экономические, политические, социальные, моральные причины и определяется рядом факторов.

В странах Европейского Союза значительная часть торговли людьми сосредоточена на коммерческой сексуальной эксплуатации. Основными странами назначения для торговцев людьми выступают наиболее развитые страны Западной Европы.

Европейский миграционный кризис способствовал формированию синдиката преступных группировок, специализирующихся на переправке беженцев в Европу. Долгосрочный характер кризиса позволяет предположить, что он будет оказывать влияние на процессы трафика, способствуя модернизации «традиционных» форм торговли людьми.

В Молдове сексуальная эксплуатация остается основным направлением торговли людьми. Мужчины, женщины и дети подвергаются принудительному труду и попрошайничеству внутри страны и за ее пределами. Получают распространение и другие формы торговли людьми – детский секс-туризм, торговля органами. Приднестровье, находящееся вне юрисдикции молдавских властей, является источником жертв как сексуальной эксплуатации, так и принудительного труда.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Aronowitz A. Human Trafficking, Human Misery: The Global Trade in Human Beings.* – London: Praeger Publishers, Westport, Connecticut, 2009. – 287 с.

3. Europol. Situation Report Trafficking in human beings in the EU // The Hague. – February 2016. – P. 13. – URL: <https://www.europol.europa.eu/trafficking-in-human-beings-in-the-european-union-2016.pdf>

2. Europol. Trafficking in Human Beings in the European Union // The Hague. – 1.09.2011. – P. 11. – URL: <https://www.europol.europa.eu/trafficking-in-human-beings-in-the-european-union-2011.pdf>

4. *Lehti M., Aromaa K.* Trafficking in Human Beings for Sexual Exploitation in Europe // International Journal of Comparative and Applied Criminal Justice. – 2007. – № 21 (2). – P. 123–145.

5. Prevention and protection. – URL: <http://iom.md/prevention-and-protection>

6. *Shelly L.* Human Trafficking: A Global Perspectives. – N. Y.: Cambridge University Press, 2010. – 357 p.

7. *Surtees R.* Traffickers and Trafficking in Southern and Eastern Europe: Considering the Other Side of Human Trafficking // European Journal of Criminology. – 2008. – № 5 (1). – P. 39–68.

8. *Thompson L.* The Global Supply Chain of Sexual Exploitation and the Necessity of Combating the Demand for Commercial Sex // Dignity: A Journal of Sexual exploitation and Violence. – 2017. – Vol. 2. – Issue 3. – Article 8. – URL: <http://digitalcommons.uri.edu/cgi/viewcontent.cgi?article=1079&context=dignity>

9. Trafficking in human beings, 2013. – URL: https://ec.europa.eu/anti-trafficking/sites/antitrafficking/files/trafficking_in_human_beings_dghome-eurostat_en_1.pdf

10. Trafficking in Persons Report, 2011. – URL: <https://www.state.gov/j/tip/rls/tiprpt/2011/index.htm>

11. Trafficking in Persons Report, 2016. – URL: <https://www.state.gov/documents/organization/258876.pdf>

12. Анализ торговли людьми как бизнес-модели: путь к более эффективному предотвращению преступления. – Вена, 2011. – 134 с.

13. *Баланиш Ф., Кеце С.* Европа толкает мигрантов в объятия преступников. – URL: <http://inosmi.ru/social/20160201/235237856.html>

14. Всемирный отчет о торговле людьми: в Молдове растет число жертв принудительного труда. – URL: <http://www.allmoldova.com/ru/news/vsiemirnyi-otchet-o-torghovlie-liud-mi-v-moldovie-rastiet-chislo-zhiertv-prinuditel-nogho-truda>

15. Миграционный кризис в Европе // Информационно-аналитический вестник. – 2016. – Вып. 6. – С. 44–45.

16. Миграция и торговля людьми: неразрывная связь. – URL: <http://www.osce.org/ru/magazine/315236>

17. *Мошняга В.* Республика Молдова: трафик «живых существ» и меры противодействия // Трудовая миграция и защита прав гастарбайтеров: практика посткоммунистических стран. – Кишинев, 2003. – 246 с.

18. *Мошняга В.* Противодействие торговле людьми: Республика Молдова. Апрель, 2013. – URL: http://www.carim-east.eu/media/exno/Explanatory%20Notes_2013-31.pdf

19. *Мошняга В., Руснак Г.* Политика Республики Молдова по противодействию торговле людьми (2000–2012 гг.) // MOLDOSCOPIE. – 2013. – № 3 (LXII). – С. 18–33.

20. Органы на продажу: преступление под защитой. – URL: <http://www.crime.vl.ru/index.php?p=4783&more=1&c=1&tb=1&pb=1#more4783>

21. Протокол о предупреждении и пресечении торговли людьми, особенно женщинами и детьми, и наказании за нее, дополняющий Конвенцию Организации Объединенных Наций против транснациональной организованной преступности. – URL: http://www.un.org/ru/documents/decl_conv/conventions/protocol1.shtml

22. Сопровождение высокого уровня Генеральной Ассамблеи, посвященное оценке прогресса, достигнутого в осуществлении Глобального плана действий Организации Объединенных Наций по борьбе с торговлей людьми. – URL: https://digitallibrary.un.org/record/751126/files/A_67_PV.77-RU.pdf

23. Торговля людьми не история, а наша жизнь. – URL: <http://316news.org/torgovlya-lyudmi-ne-istoriya-a-nasha-zhizn>

24. Торговля людьми. Рабочая сессия 7. СРВЧИ. 2016 г. – URL: <https://osce.usmission.gov/ru/trafficking-human-beings-statement-working-session-7-2016-hdim-ru>

25. *Тюрюканова Е.* Женская трудовая миграция и торговля людьми // Торговля людьми. Социокриминологический анализ. – М.: Academia, 2002. – С. 104–130.

НЕЗАКОННАЯ МИГРАЦИЯ КАК ОБЩЕСТВЕННО ОПАСНОЕ ЯВЛЕНИЕ И ХАРАКТЕРИСТИКА СПОСОБОВ СОВЕРШЕНИЯ ЕЕ ОРГАНИЗАЦИИ

И.А. Уварова

*кандидат юридических наук, доцент,
заведующая кафедрой уголовного права и процесса
Московского университета им. С.Ю. Витте*

Незаконная миграция относится к стратегическим рискам и угрозам национальной безопасности России. Несмотря на принимаемые меры, количество незаконных мигрантов на территории нашей страны остается значительным. В сложившихся условиях противодействие незаконной миграции становится одной из важнейших задач в деятельности правоохранительных и иных государственных органов, которая требует комплексного подхода, направленного на выявление и устранение обстоятельств, способствующих данному негативному явлению, к которым относятся несовершенство законодательства, регламентирующего миграционные отношения, недостатки в деятельности государственных органов, социально-экономические факторы.

В Стратегии национальной безопасности Российской Федерации до 2020 г. прямо указывается на рост угроз, связанных с неконтролируемой и незаконной миграцией: «...Обостряются угрозы, связанные с неконтролируемой и незаконной миграцией, торговлей людьми, наркоторговлей и другими проявлениями транснациональной организованной преступности» [12].

Несовершенство действующей системы управления миграционными процессами в нашей стране проявляется в на-

личии большого числа незаконных мигрантов. Ежегодно в стране от 3 до 5 млн иностранных граждан осуществляют трудовую деятельность без официального разрешения.

Данные из различных источников о масштабах нелегальной миграции в России, в том числе в Москву, значительно отличаются друг от друга. Разночтения в количестве нелегалов объясняются разными подходами к определению понятия незаконной (нелегальной) миграции и нелегальных мигрантов. Например, Д.Н. Рылов и Ю.В. Новикова понимают под незаконной миграцией добровольное или вынужденное перемещение населения через государственные границы с целью перемены места пребывания или проживания, совершаемое с нарушениями законодательства, действующего на территории государства миграции [15].

А.С. Прудников и С.А. Акимова в качестве нелегальной миграции рассматривают въезд на территорию Российской Федерации с нарушением установленных правил, либо отсутствие документов, подтверждающих право на пребывание (проживание) в Российской Федерации, либо утрату таких документов и необращение с соответствующим заявлением в территориальный орган федерального органа исполнительной власти, уполномоченного на осуществление функций по контролю и надзору в сфере миграции, либо уклонение от выезда из Российской Федерации по истечении срока пребывания (проживания) в Российской Федерации, а равно нарушение правил транзитного проезда через территорию Российской Федерации [13].

В.В. Масюк определяет незаконную миграцию как форму территориального перемещения физического лица через государственную границу, нарушающего порядок въезда, выезда и/или пребывания, а также транзитного проезда, установленного законодательством государства, перемещение границ которого затронуто, или соответствующими нормами международного права [7, с. 9].

И.В. Никитченко определяет незаконную (нелегальную) миграцию как нарушение установленных законода-

тельством принимающего или транзитного государства правил въезда, выезда, пребывания или транзитного проезда через территорию этих государств [9, с. 329].

По мнению В.Е. Подшивалова, незаконная миграция представляет собой одну из форм территориального перемещения населения, специфика которой заключается в том, что в процессе такого перемещения или пребывания мигрантов (иностранных граждан или лиц без гражданства) в принимающем государстве нарушаются нормы международного права и/или внутригосударственного права соответствующих стран [14].

Анализ указанных определений свидетельствует о том, что в качестве основного признака незаконной миграции выделяется нарушение порядка перемещения и пребывания иностранных граждан на территории Российской Федерации. Однако кроме иностранцев-мигрантов, незаконно находящихся на территории Российской Федерации, существует категория лиц, прибывших в Россию законно, но работающих без соответствующего разрешения. Так, большинство иностранных лиц из Молдавии, Таджикистана, Украины приехали законно, но незаконно трудятся.

На наш взгляд, в определении незаконной миграции необходимо исходить из положений Концепции государственной миграционной политики Российской Федерации на период до 2025 г., в которой под незаконной миграцией понимается «перемещение в Российскую Федерацию с нарушением законодательства Российской Федерации, касающегося въезда, пребывания (проживания) иностранных граждан на территории Российской Федерации и/или осуществления ими трудовой деятельности» [3].

В настоящее время вопросами миграции в России занимается Главное управление по вопросам миграции Министерства внутренних дел Российской Федерации (ГУВМ МВД России) [10], которое является самостоятельным структурным подразделением центрального аппарата Министерства

внутренних дел Российской Федерации, обеспечивающим и осуществляющим в пределах своей компетенции функции министерства по выработке и реализации государственной политики, а также нормативному правовому регулированию в сфере миграции.

Миграционные процессы играют значимую роль в социально-экономическом и демографическом развитии Российской Федерации. За последние два десятилетия миграционный прирост в значительной степени компенсировал более половины естественной убыли населения. Поэтому, с одной стороны, миграция позволяет сгладить последствия демографического кризиса, с другой – является крайне негативным фактором, ухудшающим криминогенную ситуацию в России.

Анализируя современные тенденции преступности мигрантов, необходимо подчеркнуть, что ее рост прямо пропорционален незаконной миграции населения. Наибольшая концентрация незаконных мигрантов на территории Российской Федерации образовалась в г. Москве и Московской обл., г. Санкт-Петербурге и Ленинградской обл., Приморском, Краснодарском, Хабаровском краях, Амурской, Иркутской, Новгородской и Калининградской областях, республиках Бурятия и Карелия, а также в Северо-Кавказском регионе [8].

В табл. 1 представлены сведения о миграционной ситуации в Российской Федерации за период 2016 г. – август 2017 г.

Основной причиной существования незаконной миграции является неравенство экономического развития государств.

К другим наиболее значимыми факторами, оказывающими влияние на развитие незаконной миграции из СНГ, относятся:

– высокий уровень бедности в большинстве государств СНГ;

Таблица 1

Сведения о миграционной ситуации в Российской Федерации

Основные показатели		2017 г. Январь-август	2016 г. Январь-август
Оформлено паспортов гражданина Российской Федерации, всего		7 700 031	6 326 775
в том числе	внутренних	4 674 569	4 596 946
	заграничных	3 025 462	1 729 829
Приобрели гражданство Российской Федерации		165 582	172 698
Прибыло в Российскую Федерацию и поставлено на учет соотечественников и членов их семей		82 571	100 401
Оформлено приглашений иностранным гражданам и лицам без гражданства		331 222	315 190
Оформлено виз иностранным гражданам и лицам без гражданства		160 067	154 478
Количество фактов постановки на миграционный учет иностранных граждан и лиц без гражданства		10 510 230	9 513 796
Оформлено разрешений на работу иностранным гражданам и лицам без гражданства, всего		94 907	97 966
в том числе	высококвалифицированным специалистам	18 519	20 222
	квалифицированным специалистам	11 589	8 032
Оформлено патентов иностранным гражданам и лицам без гражданства		1 196 082	1 114 944
Оформлено разрешений на временное проживание иностранным гражданам и лицам без гражданства		192 259	215 730
Оформлено видов на жительство иностранным гражданам и лицам без гражданства		123 524	120 505
Направлено представлений о неразрешении иностранным гражданам и лицам без гражданства въезда в Российскую Федерацию		102 234	181 681

– криминализация общества и высокий уровень коррупции [4];

– наличие в России диаспор многих государств, связи которых с этнической родиной облегчают начальный момент миграции [6];

– самая протяженная в мире государственная граница Российской Федерации [5, с. 76].

Анализ следственной практики показывает, что незаконная миграция на территории России нередко используется для занятия незаконной коммерческой деятельностью, для совершения незаконных действий с наркотическими средствами, оружием, валютой, для совершения иных преступных деяний, для поиска нелегальных каналов проникновения в другие страны. Кроме того, незаконная миграция расширяет базу для деятельности организованных преступных группировок, международных террористических и экстремистских организаций, усиливает угрозу национальной безопасности государства пребывания.

Статья 322.1 Уголовного кодекса Российской Федерации устанавливает уголовную ответственность за организацию незаконной миграции, т.е. организацию незаконного въезда в Российскую Федерацию иностранных граждан или лиц без гражданства, их незаконного пребывания в России или незаконного транзитного проезда через ее территорию.

Организация незаконной миграции представляет собой совершение любых действий, направленных на обеспечение пребывания или проживания на территории нашей страны иностранных граждан и лиц без гражданства при отсутствии у них необходимых документов или с нарушением порядка регистрации. Она может осуществляться тремя способами:

- 1) организация незаконного въезда;
- 2) организация незаконного временного пребывания, временного или постоянного проживания в Российской Федерации;
- 3) организация незаконного транзитного проезда через территорию Российской Федерации.

Впервые термин «способ преступления» использовал Б.Н. Коврижных в качестве «совокупного» понятия, объединяющего действия по приготовлению к преступлению, а также самостоятельных способов совершения преступления и способов его сокрытия [2, с. 62]. Изучение способов преступлений имеет методологическое значение, что подтверждается в неформальном принципе криминалистики – «от способа совершения преступления к способу его раскрытия». В этой связи Р.С. Белкин отмечал: «...способ совершения и сокрытия преступления, точнее, знание о нем, определяют путь познания истины по делу, т.е. метод раскрытия и расследования» [1, с. 211].

Значительное внимание способу преступления уделяется и в связи с тем, что он является одним из основных следообразующих элементов криминалистической характеристики любого вида преступления и выступает своеобразным «ключом» к их раскрытию. И расследование организации незаконной миграции не является исключением. Чаще всего организация незаконной миграции выражается в предоставлении иностранным гражданам и лицам без гражданства обустроенного помещения для проживания, работы или в оформлении документов [18]. Федеральным законом от 15 августа 1996 г. № 114-ФЗ «О порядке выезда из Российской Федерации и въезда в Российскую Федерацию» для иностранных граждан установлен визовый порядок въезда по действительным документам, удостоверяющим их личность, за исключением случаев, когда между государствами заключен договор, устанавливающий иной порядок въезда на территорию Российской Федерации [11]. Отметим, что уголовная ответственность наступает только за организацию незаконного въезда в Российскую Федерацию иностранных граждан и лиц без гражданства, т.е. за умышленные действия, направленные на обеспечение въезда в Российскую Федерацию иностранных граждан с нарушением установленных законом правил. «Незаконный въезд» означает пересечение гра-

ниц без соблюдения необходимых требований для законного въезда в принимающее государство.

Действия, направленные на организацию правомерного пересечения границы Российской Федерации с последующим умышленным нарушением правил пребывания, также квалифицируются как организация незаконной миграции в форме незаконного пребывания иностранных граждан на территории России. Именно этот способ организации незаконной миграции имеет наибольшее распространение на территории нашей страны.

Основаниями, позволяющими установить незаконность въезда или пребывания лица на территории Российской Федерации, являются:

– отсутствие соответствующих документов, удостоверяющих личность иностранного гражданина или лица без гражданства. К таким документам могут относиться как поддельные, так и недействительные документы, например, выданные несуществующим или ненадлежащим органом, просроченные и т.д.;

– отсутствие визы или других документов, предоставляющих право въезда в Российскую Федерацию или выезда из нее, либо получение визы по поддельным документам;

– отсутствие миграционной карты, содержащей сведения об иностранном гражданине или лице без гражданства, въезжающем в Российскую Федерацию, которая служит для контроля за его временным пребыванием в России.

Все указанные способы незаконной миграции носят комплексный характер и включают в себя совокупность действий по вербовке мигрантов в стране, их перемещение через государственную границу Российской Федерации, обустройство пунктов их пребывания и прочие действия.

Отметим, что характеристика способа организации незаконной миграции должна рассматриваться как структурный элемент криминалистической методики, включающая способы подготовки, совершения и сокрытия следов пре-

ступления. Организация незаконной миграции – это планирование совершения незаконных актов. Она может быть осуществлена только путем активных действий, которые заключаются как в создании группы, в том числе подбора соучастников, которая занимается обеспечением незаконной миграции, разрабатывает способы незаконного въезда в Российскую Федерацию, осуществляет поиск лиц, желающих незаконно мигрировать, обеспечивает их соответствующими документами, устанавливает незаконные контакты с лицами, осуществляющими контроль за порядком въезда на территорию страны и пребывания в ней, ведающими выдачей виз, так и в совершении иных действий, направленных на обеспечение незаконного въезда в Российскую Федерацию иностранных граждан или лиц без гражданства, а также их незаконного пребывания в Российской Федерации или незаконного транзитного проезда через ее территорию.

Стоит отметить, что при выявлении, раскрытии и расследовании организации незаконной миграции сотрудники правоохранительных органов довольно часто сталкиваются с трудностями при поиске оперативной и доказательственной информации, лежащей в основе принятия правовых решений. Поэтому при раскрытии и расследовании указанных преступлений одной из главных задач является восполнение дефицита оперативной и криминалистически значимой информации путем установления способа организации незаконной миграции.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Белкин Р.С.* Курс криминалистики: учебное пособие. – М., 2001.

2. *Коврижных Б.Н.* Деятельность органов прокуратуры по делам о нераскрытых убийствах: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. – Харьков, 1969.

3. Концепция государственной миграционной политики Российской Федерации на период до 2025 г. (утв. Президентом РФ от 13 июня 2012 г.). – URL: <http://www.consultant.ru>

4. Куликов В.А. Нелегальная миграция и ее влияние на экономическую безопасность страны // «Черные дыры» в российском законодательстве. – 2007. – № 1. – С. 298–301.

5. Кутьин А.Д. Миграция в России: проблемы, прогнозы и перспективные направления государственной политики. – М., 2007.

6. Лихолет Е.Н. Отечественные и зарубежные проблемы в области нелегальной миграции // «Черные дыры» в российском законодательстве. – 2006. – № 2. – С. 492–494.

7. Масюк В.В. Организационно-правовое обеспечение деятельности ФМС России и ее территориальных органов по противодействию незаконной миграции: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. – М., 2010.

8. Москвина М.В. Влияние миграции на социально-экономические проблемы // Миграция и внутренняя безопасность: аспекты взаимодействия. – М., 2003.

9. Никитченко И.В. Миграционная безопасность России (криминологический аспект). – М., 2013.

10. Об утверждении Положения о Главном управлении по вопросам миграции Министерства внутренних дел Российской Федерации: Приказ МВД России от 15.04.2016 № 192 – URL: <http://www.consultant.ru>

11. О порядке выезда из Российской Федерации и въезда в Российскую Федерацию: Федеральный закон № 114-ФЗ от 15.08.1996 (ред. от 29.07.2017) // Собр. законодательства РФ. – 19.08.1996. – № 34. – Ст. 4029.

12. О Стратегии национальной безопасности Российской Федерации: Указ Президента РФ № 683 от 31.12.2015 // Собр. законодательства РФ. – 4.01.2016. – № 1. – Ч. II. – Ст. 212.

13. Прудников А.С., Акимова С.А. Нелегальная миграция и административно-правовая ответственность за отдельные правонарушения в сфере миграции // Lex russica. – 2013. – № 9. – С. 953–960.

14. Подшивалов В.Е. Незаконная миграция: международно-правовой подход // Правоведение. – 2002. – № 4. – С. 185–191.

15. *Рылов Д.Н., Новикова Ю.В.* Представление ложных сведений при осуществлении миграционного учета // Миграционное право. – 2013. – № 4. – С. 38–44.

16. *Савина Л.А.* Способ совершения преступления как элемент криминалистической характеристики преступления, предусмотренного ст. 322.1 Уголовного кодекса Российской Федерации // Вестник уральского юридического института МВД России. – 2016. – № 2. – С. 37–39.

17. Уголовно-правовая и криминологическая характеристика организации незаконной миграции. – URL: <file:///C:/Users/Администратор/Downloads/ugolovno-pravovaya-i-kriminologicheskaya-harakteristika-organizatsii-nezakonnoy-migratsii.pdf> (дата обращения: 08.10.2017).

18. *Филиппов П.* Организация незаконной миграции: практика применения ст. 322.1 УК РФ и новеллы законодательства. – URL: <http://отрасли-права.рф/article/3360> (дата обращения: 08.10.2017).

19. *Шматов М.А., Шматов В.М., Хабибуллина Н.Р.* Особенности, влияющие на эффективность расследования преступлений, совершенных незаконными мигрантами. – URL: [file:///C:/Users/Администратор/Downloads/osobennosti-vliyayuschie-na-effektivnost-rassledovaniya-prestupleniy-sovershyonnyh-nezakonnymi-migrantami%20\(1\).pdf](file:///C:/Users/Администратор/Downloads/osobennosti-vliyayuschie-na-effektivnost-rassledovaniya-prestupleniy-sovershyonnyh-nezakonnymi-migrantami%20(1).pdf) (дата обращения: 08.10.2017).

ПРЕСТУПНОСТЬ МИГРАНТОВ В РОССИИ: УГРОЗЫ РЕАЛЬНЫЕ И НАДУМАННЫЕ

А.А. Матвеева

*кандидат юридических наук, доцент,
доцент кафедры уголовного права и криминологии
Московского государственного университета
им. М.В. Ломоносова*

Одной из наиболее острых и серьезных проблем в современном мире признается миграция. Миграция (от лат. *migro* – перехожу) как социальное явление представляет собой перемещение людей с пересечением административных границ с переменой места жительства либо без такового. Сама по себе миграция – это давнее историческое явление, посредством которого происходит перераспределение трудовых ресурсов и, как правило, достигается улучшение качества жизни. Вместе с тем перемещение людей на новое место жительства, как правило, сопровождающееся кардинальной сменой привычного жизненного уклада, попадание в общество иной ментальности и ценностей оказывает существенное влияние на психологию мигрантов и самым тесным образом коррелирует с совершаемыми ими преступлениями. Эту закономерность отмечали как криминологи прошлого (Ч. Ломброзо, Г. Тард, Э. Берджеесс, Р. Парк, Т. Селлин, А. Козн и др.), так и отечественные криминологи (М.М. Бабаев, М.В. Королева, Г.В. Антонов-Романовский и др.). Особую опасность представляет нелегальная миграция, под которой понимается «перемещение в Российскую Федерацию с нарушением законодательства Российской Федерации, касающегося въезда, пребывания (проживания) ино-

странных граждан на территории Российской Федерации и/или осуществления ими трудовой деятельности» [7]¹.

Миграционные процессы сегодня привлекают внимание специалистов разных отраслей науки, что объясняется не только их интенсивностью, но и появлением новых форм, обладающих признаками агрессивности. В Стратегии национальной безопасности России нелегальная миграция, наряду с международным терроризмом и экстремизмом, а также незаконным оборотом наркотиков, признается региональным вызовом и угрозой военно-политического и военно-стратегического характера [14]. Противодействие угрозам нелегальной миграции перспективно лишь в тесном международном сотрудничестве с другими государствами, что Россия осуществляет в рамках таких образований, как Организация Договора о коллективной безопасности, БРИКС и др. [4; 8; 13].

Криминологическая литература последних лет демонстрирует немало серьезных фундаментальных работ, посвященных проблемам миграции [1; 2; 6; 9 и др.]. Они, к сожалению, редко становятся предметом интереса законодателя, правоохранителя и правоприменителя. Еще дальше они стоят от основной части населения. Значительно интенсивнее, эффективнее (и агрессивнее) на основную часть населения оказывает воздействие информация, подаваемая средствами массовой информации и коммуникации. На протяжении последних 10–15 лет в СМИ основательно закрепились статьи, сконструированные по единой схеме: устрашающий заголовок («Каждое второе изнасилование в Москве совершают мигранты», «Заезжий криминал», ««Гастролеры» совершают более половины всех преступлений», «Мигранты в деле» и т.п.) и фотография мигранта азиатской (реже кавказской) наружности. Единообразие проявляется и

¹ Здесь и далее подбор нормативных документов осуществлялся при информационной поддержке ЗАО «Консультант+».

в авторстве: это либо выдержки из отчетов, либо интервью с руководителями города и силовых ведомств. Коротко содержание статей можно свести к тезису, прозвучавшему в отчете начальника ГУВД столицы перед москвичами за 2010 г.: «Милицейская статистика утверждает, что почти половину всех преступлений в Москве совершили иногородние. Речь идет только о зарегистрированных и раскрытых преступлениях. Если же учесть все остальные случаи, когда приезжий, совершив кражу, грабеж или убийство, уезжает в родные края, то доля “чужой” преступности достигнет и 70%» [11].

Результатом этих и других многочисленных публикаций стал факт, который констатировал глава Департамента региональной безопасности и противодействия коррупции Правительства Москвы А. Майоров: «Москвичи уверены: главная причина столичной преступности – в обилии мигрантов». При этом основной удар направлен на мигрантов-иностранцев.

Действительно, постоянно озвучивающиеся цифры обладают серьезным психологическим воздействием. Не умаляя опасности, связанной с миграционными процессами, в особенности нелегальными, представляется необходимым все же остановиться на некоторых количественных показателях, позволяющих более взвешенно представить масштабы этой угрозы для России и определить влияние преступности мигрантов на общие показатели преступности, для чего можно провести нехитрый статистический расклад. В 2012 г. в Москве было зарегистрировано 180 240 преступлений, раскрыто 45 057 (25%)¹. Из числа раскрытых мигрантами совершено 23 736 преступлений, а мигрантами-иностранцами – 8008, что составляет 4,4% от числа зарегистри-

¹ Следует отметить, что показатели раскрываемости в Москве – наиболее низкие и вдвое меньше среднего показателя раскрываемости в РФ.

стрированных. В 2013 г. зарегистрировано 174 990, раскрыто 54 353, мигрантами совершено 27 897, мигрантами-иностранцами – 11 486 преступлений, что составляет 6,56% от числа зарегистрированных. Цифры за 2014 г. (2015 г.): 182 873 (195 239) зарегистрированных, 48 283 (51 746) раскрытых, иностранцами совершено 9806 (9723) преступлений – 5,3 и 4,9%, соответственно¹. Статистические данные о числе преступлений, совершенных мигрантами, в том числе иностранными, в открытом доступе ГУВД и Прокуратуры Москвы за 2016 и 2017 гг. уже отсутствуют. То есть доля наиболее опасных (судя по публикациям) преступников в редкие годы превышает 5% от числа зарегистрированных преступлений. В расчетах не учтена латентная часть преступности, показатели которой в Москве достаточно высоки. Ежегодно регистрируется лишь 7–8% от общего числа заявлений и сообщений граждан о преступлениях.

Так, в 2012 г. при 2 712 752 поступивших в ГУВД Москвы заявлений и сообщений зарегистрировано 180 240 преступлений, т.е. 6,6%. Однако руководство столичной полиции и сами полицейские единодушны: при учете латентности показатели преступности мигрантов-иностранцев будут существенно выше. Однако это мнение вызывает определенные сомнения. Сомнению подвергается не профессионализм сотрудников правоохранительных органов, а искренность данного утверждения, его свобода от корпоративных интересов. Мигранты не совершают высоколатентные преступления, как правило, это общеуголовные уличные деяния. Современный мигрант, в особенности иностранец, представляет собой наименее защищенную часть населения. Его финансовые и правовые возможности весьма ограничены. К тому же сегодняшний период характеризуется существенным ослаблением роли диаспор, которые ранее

¹ Все статистические данные заимствованы автором с официального сайта Прокуратуры г. Москвы [10].

также могли оказать помощь соотечественнику. Так что возможна и противоположная картина с уменьшением доли деяний преступников-иностранцев в структуре раскрытой преступности при учете латентных преступлений.

Возникает закономерный вопрос о цели подобных весьма опасных публикаций с играми «в цифирь», по образному выражению В.В. Лунеева, которые неизбежно снижают толерантность сознания основной части жителей столицы и усиливают межнациональное напряжение. Ответы появляются в иных публикациях: «Манипуляция с данными криминальной статистики, в том числе смешивание преступников-иностранцев и выходцев из национальных республик России, позволяют подпитывать образ мигранта-врага. Это удобный предлог для ужесточения режима пребывания мигрантов – для кого-то это выгодно политически, а кто-то повысит свои неформальные доходы» [5]. Создание образа врага, приносящего криминальные проблемы извне, является, безусловно, удобной позицией для правоохранительных органов, и этот вектор чутко уловили «независимые» средства массовой информации и коммуникации. Однако такая целенаправленная, методично осуществляемая политика является крайне опасной. Более того, она прямо расходится с задачами государственной миграционной политики, в числе которых обозначено «содействие адаптации и интеграции мигрантов, формированию конструктивного взаимодействия между мигрантами и принимающим сообществом» [7].

Не умаляя общественной опасности незаконной миграции, особенно в свете последних мировых событий, представляется необходимым формирование миграционной политики нашей страны, в том числе уголовного законодательства, основанной на серьезных научных исследованиях, квалифицированных статистических изысканиях и ориентированной на максимальную адаптацию мигрантов в обществе, а не на обострение национальных и иных противоречий. В противном случае в Российской Федерации, в осо-

бенности в крупных городах, неизбежно нарастание международной конфронтации, обострение межэтнических конфликтов, что чревато весьма серьезными, в том числе криминальными, проблемами. В докладе Уполномоченного по правам человека в РФ за 2015 г. имеется емкое на этот счет заключение: «Пока еще можно констатировать, что общественное мнение окончательно не сложилось и мы не имеем дело с какой-либо устойчивой позицией, тем более установкой или стереотипом, поэтому следует не упускать вопрос формирования правовой и политической культуры по отношению к мигрантам, иначе в недалеком будущем придется иметь дело с весьма негативными последствиями негативных установок и стереотипов массового сознания» [12].

ЛИТЕРАТУРА

1. Антонов-Романовский Г.В., Литвинов А.А. и др. Преступность мигрантов-иностранцев в России и противодействие ей: криминологическое исследование. – М.: РКА, 2012.

2. Воронин С.Э., Коноваленко О.Л., Никитенко И.В. и др. Проблемы обеспечения миграционной безопасности в современной криминологии и криминалистике: в 2 ч. – Биробиджан, 2015.

3. Дикаев С.У. О так называемой этнической преступности и экстремизме // Криминология: вчера, сегодня, завтра. – 2012. – № 1 (24). – С. 38–44.

4. Договор о коллективной безопасности. Ташкент, 15 мая 1992 г. // Дип. Вестник. – 1992. – № 12. – С. 9–17.

5. Ведомости. – 5.02.2014.

6. Кобец П.Н. Противодействие миграционной преступности в Российской Федерации. – М., 2013.

7. Концепция государственной миграционной политики Российской Федерации на период до 2015 г. Утв. Президентом РФ. – URL: [http // www.rg.ru/prilog/ES/ 0710/8_1.htm](http://www.rg.ru/prilog/ES/0710/8_1.htm) (дата обращения: 13.08.2016).

8. Концепция участия Российской Федерации в объединении БРИКС. Утв. Президентом РФ. – URL: [http//www. kremlin.ru](http://www.kremlin.ru) (дата обращения: 13.08.2016).

9. Миграция и преступность: сравнительно-правовой анализ / отв. ред. И.С. Власов, Н.А. Голованова. – М.: ИздСП, 2012.
10. Официальный сайт Прокуратуры г. Москвы. – URL: <http://www.mosproc.ru/statistics>
10. Разрешите доложить // РГ. – 13.01.2011.
11. РГ. – 24.03.2016.
12. Соглашение о сотрудничестве по противодействию нелегальной трудовой миграции из третьих государств. СПб, 19.11.2010 // СЗ РФ. – 30.01.2012. – № 5. – Ст. 541.
13. Стратегия национальной безопасности. Утв. Президентом РФ № 683 от 31.12.2005 // СЗ РФ. – 4.01.2016. – № 1. – Ч. II. – Ст. 212.

**О ТЕРМИНЕ «РЕБЕНОК»
В ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВЕ РОССИИ
И ЗАРУБЕЖНЫХ СТРАН**

А.А. Атабекова

*доктор филологических наук, профессор,
заведующая кафедрой иностранных языков
Юридического института
Российского университета дружбы народов*

Л.А. Букалерева

*доктор юридических наук, профессор
заведующая кафедрой уголовного права,
уголовного процесса и криминалистики
Юридического института
Российского университета дружбы народов*

Н.А. Григорьева

*доктор исторических наук, профессор
Российского университета дружбы народов*

М.А. Симонова

*доктор исторических наук, доцент, директор
Учебно-научного института
сравнительной образовательной политики
Российского университета дружбы народов*

В Национальной стратегии действий в интересах детей
на 2012–2017 гг., утвержденной Указом Президента РФ от

01.06.2012 № 7611, которая разработана с учетом положений Стратегии Совета Европы по защите прав ребенка на 2012–2015 гг., одной из основных проблем в сфере детства названа распространенность семейного неблагополучия, жестокого обращения с детьми и всех форм насилия в отношении детей.

Одним из важнейших направлений реализации этой Стратегии является имплементация положений Конвенции Совета Европы о защите детей от сексуальной эксплуатации и сексуального насилия (СЕТС № 201), заключенной в г. Лансароте 25 октября 2007 г. Россия ратифицировала данный документ с оговорками (Федеральный закон от 07.05.2013 № 76-ФЗ).

Термин «ребенок» используется в Конвенции в отношении лиц, не достигших 18 лет. В разных странах этот термин толкуется по-разному. Так, в Российской Федерации в ст. 1 Федерального закона от 24.07.1998 № 124-ФЗ «Об основных гарантиях прав ребенка в Российской Федерации» понятие «ребенок» – это лицо до достижения им возраста 18 лет (совершеннолетия).

В соответствии с разд. 74, п. 1, пп. 1 и 3 Уголовного кодекса Австрии, несовершеннолетний ребенок – это человек, не достигший 14 лет; несовершеннолетнее лицо – это человек, не достигший 18 лет. Несовершеннолетний подросток – это человек в возрасте 14 лет, но не достигший 18 (разд. 1, подразд. 2 Закона об отправлении правосудия по делам несовершеннолетних).

В соответствии с разд. 4, подразд. 1 Федерального закона о детях и молодежи (2013 В-КJHG) дети и подростки – это лица, не достигшие 18 лет. В целом права, предусмотренные для детей в Уголовно-процессуальном кодексе (УПК), предоставляются всем лицам, не являющимися взрослыми.

Уголовным наказанием в отношении юридического лица является штраф. Сумма штрафа зависит, во-первых, от тяжести преступления (закон предоставляет скользящую

шкалу штрафа от 40 до 180 дневных ставок); во-вторых, от выручки юридического лица.

Согласно разд. 33, п. 2 УК, судимость является отягчающим обстоятельством. По австрийскому законодательству в соответствии с разд. 73 УК приговоры иностранных судов равны приговорам австрийских судов.

Важно подчеркнуть, что в соответствии с австрийской судебной уголовной статистикой (*Gerichtliche Kriminal Statistik*) подавляющее большинство лиц, виновных в сексуальном насилии и сексуальной эксплуатации детей в Австрии, – это национальные граждане без предыдущих судимостей. В 2012 г. из 532 преступников в сфере сексуальных преступлений только 21 были иностранцами с судимостями. Таким образом, на практике не очень часто возникает необходимость использовать ст. 73 УК. Общие нормы уголовного права применяются в соответствии с разд. 12, ч. 1 также и к юридическим лицам.

В Испании ст. 315 Гражданского кодекса в соответствии со ст. 12 Конституции предусматривает, что совершеннолетним считается лицо, достигшее возраста 18 лет. Также Органический закон 1/1996 «О правовой защите несовершеннолетних» действует в отношении всех детей (определяемых как лиц, не достигших 18-летнего возраста), живущих на территории Испании.

Возраст согласия в Испании – 13 лет, как указано в ст. 183 Уголовного кодекса Испании. Взрослым, которые имеют сексуальные отношения с несовершеннолетними детьми, грозит от 2 до 6 лет лишения свободы и до 12 лет, если они осуществляют оральный секс или половой акт. Более того, когда в получении согласия несовершеннолетнего до 16 лет используется обман, то лицо может быть наказано до 2 лет лишения свободы.

Уголовный кодекс Испании повышает возраст сексуального согласия несовершеннолетнего на сексуальный контакт до 16 лет. Таким образом, участие в сексуальных

действиях с ребенком ниже этого возраста будет считаться преступлением. Тем не менее исключение сделано в случае секса по обоюдному согласию, когда другая сторона того же возраста или в стадии развития.

В Румынии внутреннее законодательство использует для определения лица, не достигшего возраста 18 лет, два понятия: несовершеннолетний и ребенок.

В соответствии с Гражданским кодексом и Законом № 272/2004 о защите и укреплении прав детей, ребенок является человеком, который не достиг 18-летнего возраста. Это означает, что ребенок не обладает полной дееспособностью. Как правило, полная дееспособность наступает в возрасте до 18 лет. Это означает, что понятие «несовершеннолетний» является синонимом понятия «ребенок» и обозначает человека, который не достиг 18-летнего возраста. Но есть, однако, исключения, а именно два случая, когда в соответствии с Гражданским кодексом несовершеннолетний может приобрести ожидаемую полную дееспособность до достижения 18-летнего возраста.

Уголовное право в целом не делает различия в зависимости от приобретения полной дееспособности несовершеннолетнего, так что положения, касающиеся защиты несовершеннолетнего в области уголовного права, применимы ко всем лицам, которые не достигли возраста 18 лет.

Следовательно, несовершеннолетний, не достигший возраста 14 лет, не привлекается к уголовной ответственности, так как имеет место презумпция его невменяемости, в то время как в возрасте между 14 и 16 годами может быть привлечен к уголовной ответственности, только если будет доказано, что он совершил правонарушение. Несовершеннолетний, достигший возраста 16 лет, привлекается к уголовной ответственности, за исключением случаев, когда установлено на основе медико-судебной экспертизы, что в момент совершения преступления человек был невменяем. Кроме того, человек, который не достиг 18-летнего возраста, считается уязвимым свидетелем.

Новый Уголовный кодекс вводит санкции за половой акт в возрасте с 15 лет. Это означает, что возрастом для сексуальной деятельности можно считать 15 лет. Если несовершеннолетний не достиг 15 лет, то вводится наказание. Половой акт с согласия лиц, между которыми разница в возрасте менее 3 лет, предусматривает действие специальных санкций по отношению к любому из участников.

Что касается законодательства, то в гражданских делах есть положение, согласно которому брак считается действительным, если будущие супруги достигли 18-летнего возраста, а при обоснованных причинах несовершеннолетние, достигшие возраста 16 лет, могут вступать в брак на основании медицинского заключения – ст. 272 Гражданского кодекса.

Согласно п. (б) ст. 6, п. 1 разд. «Определения» Уголовного кодекса Турции, ребенком является любое лицо, не достигшее возраста 18 лет. Кроме того, ст. 3, п. 1 (а) Закона № 5395 «О правах на защиту ребенка» определяет любого человека, не достигшего 18-летнего возраста, вне зависимости от того, что он достиг совершеннолетия в более раннем возрасте, как ребенка.

Законодательство Турции определяет возрастной ценз для сексуальной деятельности 18 лет. Кроме того, с точки зрения уголовного права, в соответствии со ст. 104 Уголовного кодекса Турции, достижение возраста 15 лет достаточно, чтобы участвовать в сексуальных действиях. Тем не менее, несмотря на то что законодатели учитывают согласие ребенка в возрасте 15 лет для вступления в сексуальные отношения, данное согласие не является достаточным для нерассмотрения обстоятельств дела в случае обнаружения наличия признаков состава преступления, поскольку в соответствии со ст. 104 Уголовного кодекса Турции любой человек, который занимается сексуальными действиями с другим человеком, достигшим возраста 15 лет, несмотря на согласие последнего, может быть приговорен к сроку от 6 месяцев до 2 лет тюрьмы в случае подачи жалобы.

С точки зрения гражданского права ст. 124 Гражданского кодекса Турции гласит, что мужчины и женщины не могут вступить в брак до достижения ими возраста 17 лет. Что касается чрезвычайных обстоятельств и иных серьезных причин, то, согласно данной статьи, мужчины и женщины, достигшие 16-летнего возраста, могут вступать в брак только с разрешения судьи.

В правовой системе Португалии ребенком является любое лицо в возрасте до 18 лет (ст. 122 Гражданского кодекса).

Не существует конкретных положений, определяющих возраст ребенка, когда он может выразить свое согласие на сексуальные действия.

Тем не менее дети в возрасте до 18 лет получают специальную защиту в случае некоторых сексуальных действий, таких как участие в порнографии детей до 18 лет или в сексуальной деятельности по обоюдному согласию, где партнер воспользовался неопытностью несовершеннолетнего (дети в возрасте от 14 до 16 лет).

Спецификой всех правонарушений, предусмотренных ст. 18, п. 1 (б), является требование, чтобы государства защищали всех детей независимо от того, достигли ли они половозрелого возраста или нет.

Законодательства большинства стран предусматривают, чтобы все дети/несовершеннолетние лица были включены в пункты, касающиеся сексуального насилия на основе злоупотребления положением, доверия/авторитета (Албания, Австрия, Бельгия, Босния и Герцеговина, Болгария, Дания, Финляндия, Греция, Исландия, Литва, Люксембург, Мальта, Черногория, Нидерланды). Некоторые указывают, что в данном случае наказания за преступления против детей, которые в возрасте старше половозрелого возраста (Хорватия, Франция, Румыния, Испания), предусмотрены в национальном законодательстве.

Параграф 2 ст. 189 Уголовного кодекса Республики Македония относится к детям в возрасте до 14 лет. Детям старше 14 лет не гарантируется необходимая защита.

Статья 156 Уголовного кодекса Украины касается правонарушения в отношении лица, не достигшего возраста 16 лет. Детям старше 16 лет не гарантируется необходимая защита.

В Италии ст. 609 Уголовного кодекса подразумевает любого ребенка, независимо от возраста, заявленного для согласия на сексуальные отношения и ограничивает ситуации, когда имеет место злоупотребление властью. Ситуация злоупотребления позицией доверия определяется ст. 609, которая, однако, ограничивает защиту детей в возрасте до 16 лет (что старше, чем возраст сексуального согласия, который заявлен в 14 лет, но, тем не менее, наступает не ранее 18 лет). Ситуация в отношении злоупотребления положением влияния еще более не ясная. В ст. 609 не используется это выражение, но перечисляются возможные конкретные обязанности правонарушителя в отношении ребенка (например, обязанности по уходу за ребенком, воспитанию, обучению, контролю или опеке).

В Сан-Марино конкретное положение о сексуальных надругательствах над детьми (ст. 173 Уголовного кодекса) касается только детей, не достигших возраста, предусматривающего согласие на сексуальные отношения (т.е. 14 лет). Положения, касающиеся защиты детей, охватывают возрастные рамки старше 14 лет, но трудно судить, поставлены ли под охрану все случаи злоупотребления положением доверия/авторитета/влияния.

УГОЛОВНО-ПРАВОВАЯ ОТВЕТСТВЕННОСТЬ ЗА ОРГАНИЗАЦИЮ НЕЗАКОННОЙ МИГРАЦИИ В РЕСПУБЛИКЕ КАЗАХСТАН

С.М. Баймолдина

*кандидат юридических наук,
доцент кафедры уголовно-правовых дисциплин
Евразийского национального университета
им. Л.Н. Гумилева (Республика Казахстан)*

В эпоху глобализации после обретения Республикой Казахстан государственного суверенитета и прозрачности внешних границ страны особую остроту обрели вопросы, связанные с миграционными процессами.

Географическое положение, политическая и социально-экономическая стабильность способствуют активизации миграционных процессов в Казахстане. За последние 5 лет страну посетили 6,1 млн иностранных граждан, из них 5,3 млн человек заехали по частным и 300 тыс. человек – по служебным делам.

Во внешней миграции в первые годы независимости сальдо миграции было отрицательным. В период с 1991 по 2003 г. отток населения из страны в среднем составлял 225,5 тыс. человек ежегодно. С 2004 по 2011 г. сальдо было устойчиво положительным (прирост 11,7 тыс. человек ежегодно). Росла трудовая миграция. В последнюю пятилетку сальдо миграции вновь вошло в отрицательную зону.

В соответствии со статистикой Агентства Республики Казахстан, население в Казахстане в 2010 г. составляло 16 203 036 человек, в 2011 г. – 16 440 124, в 2012 г. – 16 673 077, в 2013 г. – 16 909 776, в 2014 г. – 17 160 774, в 2015 г. – 17 417 673 человек, что свидетельствуют о росте населения Казахстана во всех регионах (табл. 1) [1].

Численность населения Казахстана на 2010–2015 гг.

Регион	Численность населения, чел.								
	2010 г.	2011 г.	2012 г.	2013 г.	2014 г.	2015 г.			
Республика Казахстан	16 203 036	16 440 124	16 673 077	16 909 776	17 160 774	17 417 673			
Акмолинская обл.	735 117	733 244	731 337	732 719	735 566	736 605			
Актюбинская обл.	763 566	777 460	786 316	795 817	808 932	822 522			
Алматинская обл.	1 836 148	1 872 814	1 908 717	1 946 718	1 984 518	1 922 107			
Атырауская обл.	520 992	532 042	542 966	555 217	567 861	581 473			
Западно-Казахстанская обл.	603 828	608 280	612 498	617 640	623 977	629 951			
Жамбылская обл.	1 034 487	1 046 253	1 055 813	1 069 874	1 084 482	1 098 740			
Карагандинская обл.	1 346 810	1 352 178	1 357 878	1 362 743	1 369 667	1 378 298			
Костанайская обл.	883 333	881 544	879 454	879 941	880 776	881 456			
Кызылординская обл.	689 008	700 502	712 878	726 711	739 776	753 148			
Мангистауская обл.	503 235	524 176	545 751	567 754	587 419	606 892			
Южно-Казахстанская обл.	2 511 600	2 567 637	2 621 488	2 678 889	2 733 279	2 788 404			
Павлодарская обл.	744 334	746 122	747 004	749 019	752 793	755 778			
Северо-Казахстанская обл.	592 738	589 301	583 582	579 488	575 766	571 759			
Восточно-Казахстанская обл.	1 397 993	1 397 889	1 394 710	1 393 619	1 394 018	1 395 324			
г. Астана	649 146	697 156	742 884	778 198	814 435	852 882			
г. Алматы	1 390 701	1 413 526	1 449 801	1 475 429	1 507 509	1 642 334			

Наибольшее количество в настоящее время составляет 2 788 404 человек в Южно-Казахстанской обл., а наименьшее – 571 759 человек в Северо-Казахстанской обл. На рост численности населения влияют климатические условия жизни; в южных регионах наблюдается более активный рост населения, чем в северных.

Особый резонанс в мире вызывают миграционные процессы в Европе, нелегальный поток мигрантов из стран Азии и Ближнего Востока, который вызывает тревогу не только среди европейских граждан, но и в других странах. «Европа оказалась перед лицом кризиса. Европейские страны не знают, что делать с беженцами. В настоящее время во всем мире около 19,5 млн беженцев», – говорит представитель организации «Международная амнистия» Гоури Ван Гулик [5].

В Казахстане принята Концепция миграционной политики, благодаря которой повысилось миграционное сальдо, принят Закон Республики Казахстан «О миграции населения» от 22.07.2011 № 477-IV, регулирующие общественные отношения в области миграции. Несмотря на экономический рост Казахстана, наблюдается миграция населения в другие страны (табл. 2).

Согласно информации комитета по статистике МНЭ РК за 2014 г., в показателе сальдо внешней миграции по национальностям русские занимают верхнюю строчку. Так, за прошлый год показатель скатился в отрицательную зону – 17,4 тыс. человек, из которых 16,5 тыс. человек переехало в страны СНГ. Следом за русскими идут белорусы и украинцы (1,7 тыс. человек и 446 человек, соответственно). Представители этих национальностей также предпочитают СНГ в качестве нового места жительства.

Динамика внешней миграции за последние 5 лет демонстрирует разноплановую картину. Так, в 2010 г. количество покинувших РК русских составляло 13 тыс. человек, в то время как уже в 2011 г. этот показатель подскочил почти до 20 тыс. человек, после чего продемонстрировал снижение –

Таблица 2

Миграция населения Республики Казахстан за 2009–2014 гг. (прибыло в Казахстан человек)

Регион	Миграция населения, чел.					
	2009 г.	2010 г.	2011 г.	2012 г.	2013 г.	2014 г.
Республика Казахстан	406 166	408 094	402 654	366 137	361 372	422 400
Акмолинская обл.	15 305	15 048	14 322	13 355	13 492	14 645
Актюбинская обл.	10 437	17 369	9 540	8 365	14 627	19 304
Алматинская обл.	42 627	42 911	46 894	43 480	40 840	39 599
Атырауская обл.	9 885	9 733	8 147	8 456	8 321	11 456
Западно-Казахстанская обл.	15 567	13 967	14 303	13 147	14 862	15 527
Жамбылская обл.	17 580	12 760	8 159	13 936	14 904	16 034
Карагандинская обл.	31 597	27 602	27 601	24 625	26 031	33 176
Костанайская обл.	21 857	19 463	20 115	19 811	17 939	25 582
Кызылординская обл.	11 467	11 943	11 800	11 837	10 609	13 083
Мангистауская обл.	20 485	21 656	21 188	18 664	14 605	14 623
Южно-Казахстанская обл.	30 670	36 306	31 796	35 304	30 579	42 928
Павлодарская обл.	15 855	13 538	12 983	13 302	16 298	16 729
Северо-Казахстанская обл.	13 415	12 992	10 744	10 991	10 274	13 216
Восточно-Казахстанская обл.	33 820	31 965	33 456	28 481	27 430	30 854
г. Астана	49 863	59 391	59 228	50 834	47 839	48 107
г. Алматы	65 736	61 450	72 378	51 549	52 722	67 537

18,5 тыс. человек и 14 тыс. человек за 2012 и 2013 гг., соответственно. 2011 г. был пиковым в плане миграционных настроений. Аналогичный скачок уезжающих наблюдался у украинцев и белорусов. В то время как одни покидают РК, другие нации, такие как узбеки, турки и кыргызы, наоборот, прибывают в страну, хотя их количество незначительно по отношению к количеству уезжающих.

В разрезе регионов за прошлый год активные миграционные настроения наблюдались в Карагандинской обл. Именно эта область страны продемонстрировала наибольший отрицательный показатель по внешней миграции – 3,4 тыс. человек. В минусе также оказались Восточно-Казахстанская и Северо-Казахстанская области – с 3,1 тыс. человек и 2,6 тыс. человек, соответственно, убывших в прошлом году. Среди всех отраслей положительный показатель миграции наблюдается в Мангистауской обл. – 2 тыс. человек за 2014 г. Внешний показатель миграции в РК демонстрирует отрицательную динамику. Так, сальдо внешней миграции резко упало с 15,5 тыс. человек в 2010 г. до 12,1 тыс. человек за прошлый год [6].

Достаточно высокой уровень преступности среди иностранных граждан и лиц без гражданства в Казахстане: за 2017 г. количество уголовных правонарушений, совершенных иностранными гражданами и лицами без гражданства, направленные в суд либо разрешенные в отчетном периоде, гражданами СНГ составило 2918 преступлений, государств – участников СНГ – 2166, из них лицами из Азербайджана – 49, Армении – 12, Беларуси – 3, Кыргызстана – 286, Молдовы – 6, России – 674, Таджикистана – 93, Туркменистана – 14, Узбекистана – 971, Украины – 46. При этом граждане Узбекистана лидируют по основным криминальным позициям: убийство и покушение на убийство было совершено гражданами Узбекистана – 20 фактов, умышленное причинение тяжкого вреда здоровью – 31, изнасилование или покушение на изнасилование – 28 (табл. 3) [7].

Таблица 3

Сведения об уголовных правонарушениях, совершенных иностранными гражданами и лицами без гражданства в Республике Казахстан за 2017 г.

	Код стр.	Всего	В том числе			
			убийство и покушение на убийство	умышленное причинение тяжкого вреда здоровью	изнасилование или покушение на изнасилование	
А	Я	1	2	3	4	
Кол-во уголовных правонарушений, совершенных иностранными гражданами и лицами без гражданства, гражданами СНГ, направленные в суд либо разрешенные в отчетном периоде Государств – участников СНГ Азербайджана Армении Беларуси Казахстана Кыргызстана Молдовы России Таджикистана Туркменистана Узбекистана Украины	1	2918	41	67	55	
	2	2166	33	57	40	
	3	49		1	1	
	4	12				
	5	3				
	6					
	7	286		10	5	
	8	6				
	9	674	8	13	3	
	10	93	3	2	2	
	11	14	2			
	12	971	20	31	28	
	13	46				
В том числе гражданами из них						

Уголовный кодекс Казахстана предусматривает уголовную ответственность за организацию незаконной миграции (ст. 394). В соответствии с п. 1 данной статьи, «организация незаконной миграции путем предоставления транспортных средств либо поддельных документов, либо жилого или иного помещения, а также оказания гражданам, иностранцам и лицам без гражданства иных услуг для незаконного въезда, выезда, перемещения по территории Республики Казахстан наказывается штрафом в размере до 2 тыс. месячных расчетных показателей либо исправительными работами в том же размере, либо ограничением свободы на срок до 2 лет, либо лишением свободы на тот же срок.

В соответствии с п. 2 данной статьи то же деяние, совершенное лицом с использованием своих служебных полномочий или группой лиц по предварительному сговору, наказывается штрафом в размере до 5 тыс. месячных расчетных показателей либо исправительными работами в том же размере, либо ограничением свободы на срок до 5 лет, либо лишением свободы на тот же срок с лишением права занимать определенные должности или заниматься определенной деятельностью на срок до 3 лет или без такового.

В п. 3 данной статьи указано, что деяние, предусмотренное ч. 1 настоящей статьи, совершенное преступной группой, наказывается лишением свободы на срок от 3 до 7 лет [8].

Незаконные миграционные процессы имеют ряд негативных факторов: несвоевременная легализация мигрантов, неправильное оформление регистрации в стране пребывания мигрантов, отсутствие удостоверений, трудовых и иных договоров, обуславливающих их пребывание в стране, и ряд других правоустанавливающих документов, обосновывающих пребывание в стране. Зачастую необразованные мигранты становятся жертвами преступных группировок, особенно женщины и дети [2].

В целях предупреждения криминогенных последствий незаконной миграции необходимо разработать комплекс мер по предупреждению причин миграции, создать в странах – миграционных донорах благоприятные условия для проживания, получения образования, трудоустройства, лечения, контроля над рождаемостью [3].

ЛИТЕРАТУРА

1. Агентство Республики Казахстан по статистике, 2015.
2. *Баймолдина С.М.* Криминологическая характеристика преступлений, сопряженных с насилием, в отношении женщин в Республике Казахстан / Саратовский Центр по исследованию проблем организованной преступности и коррупции // Организованная преступность и коррупция. – Саратов, 2009. – С. 180–185.
3. *Баймолдина С.М.* Особенности миграционных процессов в Казахстане // Проблемы уголовного права, процесса и криминалистики: мат-лы Международной научно-практ. конф. – Одесса, 2009. – С. 18–21.
4. *Баймолдина С.М.* Социально-демографические и миграционные процессы в современном Казахстане // Казахстан: на пути к единству и многообразию: мат-лы Международной научно-практ. конф. «Ассамблея народа Казахстана». – Астана, 2009. – С. 307–310.
5. Голос Америки, 2015. Проблемы миграции в Европе и Африке. – URL: <http://www.golosameriki.ru/content/refugees-africa>
6. Главным ориентиром миграции из Казахстана остается Россия // Капитал.кз. – 17.07.2015.
7. Комитет по правовой статистике и специальным учетам Генеральной Прокуратуры Республики Казахстан. 2017. – URL: www.pravstat.kz
8. Уголовный кодекс Республики Казахстан. – Астана, 2014.

**ПРАВАЗАЩИТАЯ ПРАКТИКА
В СФЕРЕ ПРОТИВОДЕЙСТВИЯ
НЕЗАКОННОЙ МИГРАЦИИ И ТОРГОВЛЕ ЛЮДЬМИ
В КОНТЕКСТЕ МОДЕРНИЗАЦИИ
НАЦИОНАЛЬНОЙ ПРАВОВОЙ ПОЛИТИКИ
РЕСПУБЛИКИ КАЗАХСТАН**

А.Б. Бекмагамбетов

*кандидат юридических наук,
заместитель директора по науке
Костанайского филиала
Челябинского государственного университета
(г. Костанай, Казахстан)*

Во всем мире наряду с легальными миграционными процессами параллельно процветает бизнес, связанный с человекооборотом. В этой связи Казахстан выступает страной происхождения и транзита «живого товара» в ОАЭ, Грецию, Южную Корею, Турцию, Кипр, Францию, Италию, Португалию, Швейцарию, Бельгию, Израиль и Албанию. Казахстан является привлекательной страной сбыта для торговцев людьми из соседних государств – Кыргызстана, Узбекистана и Таджикистана.

Сопутствующими торговле людьми деяниями являются нарушения миграционного законодательства. И это иногда необоснованно приводило к отождествлению торговли людьми и незаконной миграции через консолидированное понятие «трафик».

В целом изучение данной проблематики через призму правозащитной деятельности позволяет сделать вывод, что основной спектр *концептов* (смысловых моделей) понятия «торговля людьми» сводится к следующим:

- 1) торговля людьми – международное преступление;
- 2) торговля людьми – трафик людей;
- 3) торговля людьми – криминальная эксплуатация;
- 4) торговля людьми – криминальное насилие;
- 5) торговля людьми – форма рабства;
- 6) торговля людьми – криминальный бизнес;
- 7) торговля людьми – организованная преступность.

Ранжирование концептов являются весьма условными, а сам перечень – не исчерпывающий. В методологическом отношении это обусловлено сложностью и разноплановостью феномена торговли людьми, требующего междисциплинарного подхода как в изучении самого явления, так и разработки стратегии противодействия ей. Мы обратимся лишь к одному из этих концептов.

Группа авторов анализируемое явление обозначают трафиком людей, что в этимологическом плане сводится к криминальному перемещению потерпевших.

Так, Г. Гленчиева, указывая на пробел в праве, суть которого сводится к отсутствию понятия «трафик», не предлагает своей интерпретации, хотя весьма заметным выглядит отождествление ею торговли людьми с общепринятым англоязычным термином «trafficking».

Е.Ю. Садовская в своем специальном монографическом исследовании, посвященном проблемам незаконной миграции, пишет: «Все большее распространение в Республике получает трафик женщин. Этот термин и сам феномен трафика женщин появился в Казахстане сравнительно недавно... Трафик означает вывоз и продажу людей в сексуальное и экономическое рабство с целью его эксплуатации» [5, с. 183].

А.У. Сыдыкова через призму политологического анализа оперирует этим же термином: «Трафиком людей называют осуществляемые в целях эксплуатации вербовку, перевозку, передачу, укрывательство или получение людей путем угрозы силой или ее применения или других форм принуждения, похищения, мошенничества, обмана, злоупо-

требления властью или уязвимость положения либо путем подкупа в виде платежей или выгод для получения согласия лица, контролирующего другое лицо» [7, с. 53].

В эту же категорию она относит «незаконный вывоз и продажу в рабство», «торговлю людьми» (русскоязычный аналог термина «трафик»), торговлю детьми [6]. Если такая вольная интерпретация может быть еще допустима в теоретических исследованиях, то в плане официального терминологического обозначения и дальнейшего законодательного закрепления это является вредным для правопонимания и правоприменения.

В определенной мере можно понять логику вышеназванного автора, не посвященного (или не желающего вникать) в тонкости юридической техники. Однако вызывает определенное недоумение позиция некоторых правоведов, обозначающих торговлю людьми как трафик. Так, О.К. Биктасов опубликовал статью с красноречивым названием «Противодействие трафику людей», в которой пишет: «Очень отрадно, что на базе Карагандинского юридического института МВД РК им. Б. Бейсенова создан Учебный центр подготовки специалистов по борьбе с незаконной миграцией и трафиком людей...» [2, с. 144].

В начале 2000-х гг. возобладала тенденция изучения торговли людьми в контексте исследования мировых миграционных процессов, включая криминальное перемещение людей с целью последующей сексуальной и трудовой эксплуатации. «Законодателем мод» в новейшей истории в данной сфере выступают авторитетные международные организации ООН, МОМ, МОТ.

Так, в резолюции репрезентативного научного форума «Женщины, закон и миграция» (2000 г.) содержатся до сих пор весьма актуальные положения о причинах миграционных преступлений. Одна из них, к примеру, следующая: «причинами выезда и вовлечения женщин в нелегальную миграцию, как правило, являются их низкий общественный статус, от-

сутствие работы и перспектив трудоустройства» [4]. Спустя более 7 лет специальный исследователь С.А. Алжанкулова воспроизводит тот же перечень причин возникновения и распространения торговли людьми [1]. Сам концепт «торговля людьми – трафик» стабильно используется грантополучателями МОМ и ООН. Как пример – Доклад о выполнении Конвенции о ликвидации всех форм дискриминации в отношении женщин от 2011 г. [3]. Одним из последних крупных исследований, релевантных концепту «торговля людьми – трафик», является документ «Уголовно-правовые и криминологические меры предупреждения криминальных последствий незаконной миграции», в котором также показана взаимосвязь между торговлей людьми и незаконной миграцией [9, с. 22].

На системной основе правозащитную деятельность в сфере соблюдения прав мигрантов и жертв торговли людьми осуществляет Комиссия по правам человека при Президенте Республики Казахстан, результаты которой отражены в следующих серьезных документах:

1) специальный доклад «О ситуации с правами оралманов, лиц без гражданства и беженцев в Республике Казахстан» (Астана, 2012);

2) специальный доклад «О ситуации с правами мигрантов в Республике Казахстан» (Астана, 2013);

3) специальный доклад «Актуальные проблемы защиты прав человека в сфере противодействия торговле людьми в Республике Казахстан» (Астана, 2015);

4) аналитический доклад «Актуальные проблемы защиты прав трудящихся-мигрантов и жертв торговли людьми в Республике Казахстан» (Астана, 2017).

Теоретико-прикладное значение этих документов заключается в четкой дифференциации двух социально-значимых самостоятельных явлений: незаконной миграции и торговли людьми. отождествлять их не корректно, следует также избегать термина «трафик людей», поскольку его нет в официальном законодательном обороте.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Алжанкулова С.А.* Причины возникновения и распространения торговли людьми // Вестник КазНУ. Серия «Международные отношения и международное право». – 2007. – № 3-4. – С. 44–49.

2. *Биктасов О.К.* Противодействие трафику людей // Современные проблемы и тенденции развития уголовного права, криминологии и уголовно-исполнительного права Республики Казахстан: мат-лы Междунар. научно-практ. конф.: в 2 т. – Т. 1 / отв. ред. С.Е. Еркенов, И.Ш. Борчашвили, С.В. Гирько. – Караганда: КарЮИ МВД РК им. Б. Бейсенова, 2009. – С. 143–145.

3. Доклад о выполнении Конвенции о ликвидации всех форм дискриминации в отношении женщин от 2011 г. – URL: <http://adilet.zan.kz/rus/search/docs/fulltext>

4. Резолюция международной конференции «Женщины, закон и миграция». г. Алматы, 23–24 ноября 2000 г. // Женщины, закон и миграция: мат-лы конф. / под ред. М. Чанца. – Алматы: МОМ в Казахстане, 2001. – С. 167–168.

5. *Садовская Е.Ю.* Миграция в Казахстане на рубеже XX века: новые тенденции и перспективы. – Алматы: Гылым, 2001.

6. *Сыдыкова А.У.* Проблемы трафика детей в Республике Казахстан // Всероссийский журнал научных публикаций. – 2010, ноябрь. – С. 96–99. – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/problemu-traffika-detey-v-respublike-kazahstan>

7. *Сыдыкова А.У.* Тенденции и перспективы совершенствования механизмов борьбы с трафиком людей в Казахстане // Вестник КазНУ. Серия «Политология». – 2003. – № 2. – С. 56–60.

8. *Сыдыкова А.* Роль международных организаций в предупреждении трафика людей и борьбе с ним // Саясат. – 2004. – № 2. – С. 53–57.

9. Уголовно-правовые и криминологические меры предупреждения криминальных последствий незаконной миграции: Промежуточный отчет о научно-исследовательской работе (МРНТИ: 10.77.51 УДК 343.3/.7;343.9 АО «НЦГНТЭ») / под науч. рук-вом Р.Е. Джансаревой. – Алматы: КазНУ им. Аль-Фараби, 2016.

ПРАВОВОЙ СТАТУС МИГРАНТОВ В БОЛИВИИ

Н.А. Селезнева

*кандидат юридических наук, преподаватель
кафедры уголовного права, уголовного процесса
и криминалистики
Российского университета дружбы народов*

Э.Л. Пена

*магистр 1-го курса Юридического института
Российского университета дружбы народов*

Боливия – одна из немногих стран, переживших колонизацию и сумевшую сохранить свою культуру и обычаи, которые удивительно переплетаются с европейскими традициями. Несмотря на то что Боливия считается самой бедной страной в Южной Америке, ее не обошли стороной проблемы, связанные с миграционными процессами.

Согласно переписи 2001 г., в Боливии было зарегистрировано 94 391 иностранцев. Перепись 2012 г. показала, что в стране проживает порядка 128 000 иностранцев, что составляет лишь 1,18% от общего числа населения. По состоянию на июнь 2017 г. в Боливии было зарегистрировано 53 210 человек. Большинство из них – бразильцы (16 787 человек), мексиканцы (6360), перуанцы (4618). Возраст 85,5% мигрантов составляет от 15 до 64 лет. Основными местами пребывания мигрантов являются города Санта-Крус (40%), Ла-Пас (20%), Кочабамба (13%) и Тариха (9%). При этом только 27% иностранцев, проживающих в Боливии, имеют высшее образо-

вание, 40% его либо не имеют вообще, либо владеют начальным уровнем, что говорит о том, что большую часть мигрантов составляют рабочие.

Несмотря на низкий уровень жизни, Боливия представляет также интерес для туристов, студентов и инвесторов. Основной поток мигрантов идет из Бразилии, Колумбии, Эквадора, Кубы, Венесуэлы, Аргентины, Перу.

Основные направления миграционной политики Боливии, а также вопросы правового статуса боливийских и иностранных мигрантов регламентируется Законом о миграции № 370 от 08.05.2013 (далее – Закон) [1]. Главная цель данного Закона – регулирование правил въезда, транзита, пребывания и выезда лиц на территории многонационального государства Боливии и создание правового пространства, гарантирующего обеспечение прав боливийских и иностранных мигрантов в соответствии с Конституцией Боливии, международными актами по правам человека, ратифицированными государством, и действующими нормами боливийского законодательства.

Этот Закон был принят взамен Закона о миграционном правовом режиме 1996 г. [2] и предоставил более широкие права иностранным гражданам, включая право на воссоединение с семьей, голосовать на муниципальных выборах, запрашивать и получать убежище, свободу передвижения в Боливии. Закон также устанавливает, что ассоциации мигрантов или организации, которые законно зарегистрированы в Национальном управлении миграции, могут выступать в качестве сторонних истцов в защите прав мигрантов.

В соответствии с Законом о миграции статус иностранных граждан приравнивается к правовому статусу граждан Боливии и в соответствии со ст. 12 Закона могут пользоваться теми же правами.

При этом государство гарантирует мигрантам следующие права, основанные на принципах равенства, универсальности и взаимности:

- на здоровье, сексуальные и репродуктивные права;
- на благоприятную среду обитания и достаточное жилище;
- на работу, социальное обеспечение, социальные услуги и льготы;
- на доступ к базовому и высшему образованию;
- на индивидуальный или коллективный запрос, устный или письменный, для получения оперативного и своевременного ответа;
- на свободу передвижения, проживания, выбора постоянного места жительства на любой территории Боливии;
- на воссоединение семьи с родителями, супругами, детьми-иждивенцами или детьми старшего возраста с ограниченными возможностями;
- на участие в муниципальных выборах в соответствии с конкретными правилами;
- на прошение и получение убежища в соответствии с международными договорами и соглашениями, ратифицированными Боливией;
- на свободу мысли, духовности, религии и поклонения;
- на свободное выражение и распространение мысли или мнения;
- на доступ к информации;
- на создание или участие в ассоциациях с ограничениями, установленными Конституцией государства, действующих законов и правил;
- на защиту от гендерного насилия и уязвимых ситуаций, из-за которых могут пострадать женщины-мигранты.

Однако право мигрантов свободно выразить и распространять мысли и мнения ограничивается Законом в следующих случаях:

- 1) по обоснованным причинам для обеспечения национальной безопасности и общественного порядка;
- 2) в случае любой формы политической пропаганды или вмешательства во внутренние или международные вооруженные конфликты;

3) при осуществлении любой пропаганды национальной, расовой или религиозной ненависти, которая представляет собой подстрекательство к дискриминации, вражде или насилию.

Иностранцы, находящиеся на национальной территории Боливии, в соответствии с Законом должны выполнять следующее:

- соблюдать требования и условия, требуемые государством для въезда, транзита, пребывания и отъезда;

- представлять необходимые документы компетентным органам для идентификации личности и путешествия, когда это необходимо;

- соблюдать обязательства по налогам и обязательствам в области безопасности социального обеспечения;

- соблюдать порядок оплаты ценностей и штрафов, если это необходимо;

- появляться в миграционном органе по письменному запросу и в установленный срок;

- уважать национальные символы, нормы, обычаи социально-культурные и религиозные традиции в многонациональном государстве Боливия;

- уважать и заботиться о сохранности земли, окружающей среды, биоразнообразия и природных ресурсах;

- информировать компетентный орган об изменении адреса регистрации или иных изменениях в миграционных документах.

Закон также устанавливает виды документов, удостоверяющих личность. Так, для боливийских граждан документом, удостоверяющим личность, является паспорт или удостоверение личности, действующее в соответствии с международными соглашениями; для мигрантов – путевые документы иностранных и национальных мигрантов; для иностранных граждан – действующий паспорт или действующий национальный документ, удостоверяющий личность, признанный в рамках двусторонних или многосторонних договоров, соглашений.

Закон предусматривает процедуру выдачи Главным управлением миграции разрешения на право мигранта оставаться на территории Боливии с соблюдением сроков и процедур, установленных и закрепленных в международных соглашениях или конвенциях. По цели пребывания на территории Боливии Закон вводит два основания:

1) временное пребывание:

– транзит;
– обучение для обмена студентами по соглашению и без него;

– гуманитарный визит;
– туризм или целевое посещение;
– работа;
– лечение;
– семья.

2) постоянное пребывание:

– по определенному объекту;
– работа;
– семья.

Закон устанавливает различные сроки пребывания:

– транзит на 180-дневный период;
– временное пребывание на срок не более 3 лет;
– постоянное пребывание, для которого требуется предварительное 3-летнее пребывание в стране и может распространяться на супруга, детей и нетрудоспособных родителей.

Кроме того, закон признает право мигранта на развитие любой прибыльной деятельности – им самим или сотрудником, независимо от основания пребывания. Работодатели в соответствии с законом обязаны строго выполнять трудовое законодательство независимо от миграционного статуса работника и его/ее состояния – временного или постоянного.

Лицо может быть выдворено из страны в следующих случаях:

1) нерегулярный въезд и выезд из страны без регламентации своего миграционного статуса, а также без соблюде-

ния разрешения и сроков, установленных миграционным органом, за исключением граждан, имеющих свои законные дома, находящиеся в приграничных районах;

2) нерегулярное нахождение на национальной территории без соблюдения сроков и декларации, выданной Главным управлением по миграции;

3) если лицо было осуждено без права на реабилитацию за преступления против личности, торговлю людьми и оружием, отмывание денег, контролируемых веществ, геноцид, военные преступления и терроризм в соответствии с положениями международных договоров и соглашений;

4) при уклонении от прохождения пограничного миграционного контроля;

5) представление ложных или фальсифицированных документов.

Тем не менее принудительное выдворение может быть приостановлено Главным управлением по миграции в том случае, если иностранный мигрант демонстрирует семейную связь до первой степени родства, усыновление или юридическую опеку над боливийским гражданином.

В соответствии с п. II ст. 142 Конституции Боливии [3] иностранные мигранты могут приобретать гражданство Боливии, если они проживают в стране на законных основаниях в течение 2 лет и находятся в одной из следующих ситуаций:

– имеют супруга, детей или родителей с боливийским гражданством. В случае вдовства или развода гражданство не утрачивается;

– проходят военную службу в Боливии по достижении установленного возраста и в соответствии с законодательством;

– получают гражданство Боливии, предоставленное Многонациональным законодательным собранием за определенные заслуги.

В дополнение к конституционным правам, установленным боливийскими стандартами и международными согла-

шениями, трудящиеся-мигранты могут обладать следующими правами:

- на получение информации об условиях труда, в том числе право на проживание;
- на свободу выбора своей профессиональной деятельности или поиска другой работы;
- на участие в трудовых ассоциациях;
- не быть принужденным к рабству, эксплуатации или принудительному труду;
- на обращение в консульские или дипломатические органы страны происхождения в случае их задержания;
- на получение начисленной заработной платы, социального пособия и иных причитающихся выплат;
- на перевод своего дохода и сбережений в страну происхождения или в любую другую страну при соблюдении действующих национальных правил и международных соглашений;
- на временную или сдельную работу иностранным студентам;
- на другие права, признанные международными стандартами или соглашениями по вопросам труда и социального обеспечения;
- на защиту от дискриминации по признаку пола, уязвимости и неформальности, различия в оплате труда по сравнению с коренными работниками, а также сексуальных домогательств и преследований на рабочем месте;
- на содействие к доступу к сетям информации и социальной поддержки.

Краткий обзор миграционного законодательства Боливии позволяет сделать вывод о том, что в отношении мигрантов осуществляется «лояльная» политика; правовой статус мигрантов в целом совпадает с общегражданским статусом, базирующимся не только на нормах национального законодательства, но и с учетом современных международных стандартов в области прав и свобод человека.

ЛИТЕРАТУРА

1. Агентство ООН по делам беженцев. – URL: <http://www.acnur.org/fileadmin/scripts/doc.php?file=fileadmin/Documentos/BDL/2014/9556>

2. Закон о миграционном правовом режиме от 29.11.1996 № 24432. – URL: <http://www.acnur.org/fileadmin/Documentos/BDL/2001/0082.pdf?view=1>

3. Конституция Боливии 2009 г. – URL: http://www.wipo.int/wipolex/es/text.jsp?file_id=178173

ПРАВОВЫЕ ВОПРОСЫ МИГРАЦИЯ НАСЕЛЕНИЯ ИЗ КЫРГЫЗСТАНА В РОССИЮ

О.А. Кузнецова

*кандидат юридических наук,
доцент кафедры уголовного права,
уголовного процесса и криминалистики
Российского университета дружбы народов*

А.К. Калдарбекова

*магистр 2-го курса
Российского университета дружбы народов*

В 2017 г. исполнилось 25 лет дипломатическим отношениям Кыргызстана и России. У России и Кыргызстана общее прошлое, в настоящем – крепкие связи в различных сферах, а также успешная интеграции Кыргызстана в Евразийский экономический союз, ожидаемое будущее – в виде укрепления партнерства. В течение 25 лет страны заключили и подписали около 200 межгосударственных и межправительственных договоров и соглашений, которые стали основанием для развития дружеских и союзнических взаимоотношений. Россия и Киргизия взаимодействуют в рамках таких объединений, как СНГ, ОДКБ, ЕврАзЭС и ШОС. Вхождение Кыргызстана в ЕАЭС (в августе 2015 г.) создает отличные условия для инвестиционного климата и миграционных процессов. В I квартале 2017 г. в Кыргызстан удалось привлечь прямых иностранных инвестиций в объеме 202,6 млн. Это на 35% больше, чем за тот же период 2016 г. [5].

Россия является крупным инвестором в гидроэнергетическом секторе Кыргызстана. Это связано с тем, что имеет-

ся огромный потенциал в горном Кыргызстане с выработкой электроэнергии путем сооружения каскада гидроэлектростанций. Также в ближайшие годы инвестиции «Газпрома» в Кыргызстан составят 100 млрд руб., что повысит газификацию страны до 60%, заявил Президент России Владимир Путин в интервью кыргызскому телевидению [2].

Российская Федерация, безусловно, является привлекательной экономической площадкой для трудовых мигрантов, в частности, из Кыргызстана и стран с безвизовым режимом. Низкие заработные платы и высокая безработица в стране вынуждает граждан искать доходы за рубежом. На протяжении всего периода независимости Кыргызстана происходит стабильный отток населения в другие страны, что является большой проблемой для Кыргызстана. Число выбывших на постоянное место жительства за рубеж составляет более 600 тыс. бывших соотечественников. В трудовой миграции находится около 1 млн человек. Из них по состоянию на начало 2017 г. в Россию прибыло примерно 500–600 тыс. человек. Данный факт отражает точку зрения Г.И. Глущенко: «В странах, переживающих структурную трансформацию, может возникнуть избыточное мобильное население, которое ищет доход для своей семьи или уходит от нищеты, пытается поднять свой уровень дохода и “протестует ногами” – подвергает критике национальную экономическую ситуацию и политику, эмигрирует за рубеж с целью отправки на родину денег в форме переводов, что дает возможность правительствам этих государств без финансовых вложений бороться с бедностью» [3].

В современном мире миграционные процессы усиливаются, особенно это отмечено в последние десятилетия [1, с. 3], т.е. возросла как трудовая, так и вынужденная миграция населения.

В современной политической науке миграцию рассматривают как сложный общественный феномен, который непосредственно связан с различными сторонами экономичес-

кой и социально-политической жизни общества, противоречивым образом влияя на формирование и проявление тенденций их изменения. Ее подразделяют на *внутреннюю*, связанную с пересечением административных границ (области, населенного пункта и т.д.), и *внешнюю* (эмиграцию и иммиграцию), предполагающую пересечение государственных границ и именуемую также *международной миграцией*. В различных интерпретациях этого понятия акцентируются те или иные характеристики данного социально-экономического явления. При этом ряд ученых указывают на то обстоятельство, что миграция осуществляется на основе смены места жительства и места приложения труда [9].

С образованием ЕАЭС, окончательно оформившегося на протяжении прошлого года, в трудовой миграции на пространстве СНГ произошли значительные изменения. Граждане стран Евразийского союза в плане трудоустройства уравнились с местным населением России, тогда как в отношении «неприсоединившихся» государств СНГ с безвизовым режимом Россия миграционную политику ужесточила. Теперь их жителям приходится приобретать патенты на право работать в РФ. В частности, обязательным теперь является не только наличие полиса добровольного медицинского страхования и справки об отсутствии заболеваний, но и сертификата, подтверждающего знание русского языка, истории России и основ законодательства [6]. Как результат – число трудовых мигрантов из государств ЕАЭС в РФ стало расти, а других стран СНГ – сокращаться.

На протяжении 25 лет Россия оказывает поддержку мигрантам из Кыргызстана. В Концепции демографического развития Российской Федерации в качестве одного из приоритетов в области миграции указывается необходимость привлечения иммигрантов, в первую очередь, из стран СНГ. Приток в Россию мигрантов из Кыргызстана несет наименьшую угрозу безопасности. Мигранты из Кыргызстана способны легко интегрироваться в российскую этническую

среду. Это можно объяснить тем, что «население Киргизии слабо подвержено влиянию ислама, испытывает тяготение к восточным славянам и стремится жить с ними в симбиозе» [7].

Трудовая деятельность граждан Кыргызской Республики на территории Российской Федерации была и остается одним из системообразующих основ российско-кыргызского сотрудничества как на двусторонней основе, так и в формате созданных на евразийском пространстве многосторонних интеграционных объединений. Кыргызстан после вступления в ЕАЭС получил ряд преимуществ, позволивших ему в условиях кризиса увеличить число работающих в России мигрантов, а в первом полугодии текущего года – и объем денежных переводов. По отчетам Национального банка Республики, кыргызские трудовые мигранты за январь–март 2017 г. вывели из России 433 млн дол., что является самым большим числом переводов средств из России в Киргизию за все время, так как за первые 3 месяца 2017 г. был побит рекорд января–марта 2013 г., когда в Киргизию перевели 411 млн дол. [8].

До вступления Кыргызстана в Евразийский экономический союз при пребывании на территории Российской Федерации свыше 7 суток мигранты обязаны были зарегистрироваться и встать на миграционный учет. Для осуществления трудовой деятельности они должны были купить медицинскую страховку, сдать экзамен на знание русского языка, истории и основ законодательства РФ, приобрести патент на работу. После вступления Кыргызстана в ЕАЭС срок нахождения на территории Российской Федерации без регистрации увеличился до 30 суток. Если мигранты намерены оставаться в России и дальше, то они встают на миграционный учет на срок до 90 суток с даты въезда. Если они находятся больше, то заключают трудовой (гражданско-правовой) договор либо контракт с работодателем. Срок действия контракта или договора – это срок законного пре-

бывания и легальной работы в России. Все экзамены были отменены.

Самое главное, что теперь граждане государств – членов ЕАЭС не должны получать разрешение на работу в странах союза. Также была введена норма договора о взаимном признании дипломов практически по всем специальностям. Исключение, как отмечают в представительстве Федеральной миграционной службы РФ в КР, составляют четыре вида деятельности: медицинская, юридическая, педагогическая и фармацевтическая. Был подписан договор о пенсионном обеспечении трудящихся стран – участниц ЕАЭС, который предусматривает зачет трудового стажа, полученного в государствах экономического союза.

Миграционные процессы по своей природе являются достаточно сложным системным явлением, оказывающим огромное влияние на состояние страны донора. Это имеет как положительные, так и отрицательные стороны.

Как положительные для России последствия притока мигрантов из регионов Киргизии отмечаются:

- смягчение дефицита рабочей силы, особенно на работах, не требующих высокой квалификации;
- рост экономических показателей во многих отраслях российской экономики;
- увеличение налоговых поступлений в бюджет;
- общий рынок труда – задача ЕАЭС;
- воспитание русскоговорящих кыргызов, знающих культуру, традиции русского народа и работающих в рамках правового поля России.

В качестве негативных последствий миграции для России можно выделить следующие:

- приток переселенцев и трудовых мигрантов происходит стихийно, отсутствует координация предложения с реальным спросом на рабочую силу;
- миграционный приток не способствует развитию сельского хозяйства в районах Зауралья. Поток мигрантов на-

правлен преимущественно в европейскую часть страны, на юг России, в большие города;

– часть трудовых мигрантов заняты в теневом секторе экономики.

Деятельность Евразийского экономического союза направлена на легализацию трудовой деятельности мигрантов, защиту их законных прав, формирование нормативно-правовой базы в сфере пенсионного обеспечения трудящихся государств-членов, признание документов об образовании без проведения каких-либо процедур, формирование единых условий налогообложения доходов, оказание медицинской помощи [4].

Противодействовать нелегальной трудовой миграции можно только совместными согласованными постоянными системными усилиями России и Кыргызстана и экономического сотрудничества во всех его формах (совместное предпринимательство, развитие внешней торговли, инвестирование и др.), способствующего повышению уровня социально-экономического развития и качества жизни, а также дальнейшим интеграционным процессам в регионе.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Бекяшев Д.К., Иванов Д.В.* Международно-правовое регулирование вынужденной и трудовой миграции: монография. – М.: Проспект, 2015.

2. Известия. – 16.09.2017. – URL: <https://iz.ru/646466/2017-09-16/putin-gazprom-vlozhit-v-gazifikatciiu-kirgizii-100-mlrd-rublei>

3. *Глуценко Г.И.* Миграция и развитие. Мировые тенденции // Вопросы статистики. – 2008. – № 2. – С. 65–66.

4. Договор Евразийского экономического союза // Официальный сайт Евразийского экономического союза. – URL: www.eaunion.org (дата обращения: 14.06.2017).

5. Заместитель министра экономики Кыргызстана Данияр Иманалиев во время пресс-конференции. – URL: <http://eurasia.expert/v-2017-g-kyrgyzstan-privlek-200-mln-investitsiy>

6. *Попов В.Д., Есин В.А., Шитова Ю.Ю.* Государственное и муниципальное управление: учебник / под ред. Н.И. Захарова. – М.: НИЦ ИНФРА-М, 2014. – 288 с.

7. *Ситнянский Г.Ю.* Естественные границы: Какой быть новой России // Общественные науки и современность. – 1994. – № 6. – С. 112–119.

8. Официальный сайт НБКР. – URL: <http://www.rbc.ru/economics/26/05/2017/5927b7599a7947b1e98c23ff>

9. *Филиппов В.И.* Переселение российских соотечественников из постсоветских государств: политико-правовой анализ. – Бишкек: Изд-во КРСУ, 2011.

НЕЛЕГАЛЬНАЯ МИГРАЦИЯ КАК УГРОЗА НАЦИОНАЛЬНОЙ БЕЗОПАСНОСТИ СТРАНЫ И ИСТОЧНИК КОНФЛИКТОВ

С.В. Мурашева

*кандидат педагогических наук, доцент,
доцент кафедры социального управления и конфликтологии
Орловского государственного университета
им. И.С. Тургенева*

Миграция населения – это сложный по своей природе, многообразный по формам и последствиям социальный процесс, который требует более детального и тщательного исследования. Интерес к изучению миграции усилился после того, как на международном уровне стали ощущаться негативные последствия миграционных процессов. При этом человечество столкнулось с необходимостью координации усилий многих стран по разрешению острых и проблемных ситуаций, связанных с миграцией, и осознало важность разработки механизмов ее регулирования.

В настоящее время в отечественной и зарубежной научной литературе все чаще термин «миграция» рассматривается в контексте понятия «миграция и национальная безопасность страны». Это связано, прежде всего, с тем, что каждая страна заинтересована в обеспечении национальной безопасности, удовлетворении и соблюдении своих национальных интересов.

Неконтролируемые миграционные потоки могут привести к значительным переменам в социально-экономической и политической жизни страны и смене привычного образа жизни коренного населения [3].

Проблема влияния миграционных процессов на социальную, экономическую и политическую жизнь страны является неоднозначной. В зависимости от целей перемещений и причин миграция может иметь как положительные, так и отрицательные последствия для принимающей страны. С одной стороны, миграция при неблагоприятной демографической ситуации в стране может компенсировать дефицит трудовых ресурсов, обеспечив тем самым экономический рост страны, а также восполнить состав трудоспособной части населения в условиях продолжающегося его старения. С другой стороны, на современном этапе миграция населения приобрела стихийный характер, и проблемы, связанные с миграционными потоками, находятся в центре внимания руководителей многих стран и всего мирового сообщества в целом.

В политической сфере нелегальная миграция может выступать как прямая угроза безопасности страны, ее геополитическим интересам и международному авторитету. В экономической сфере миграция может способствовать расширению масштабов теневой экономики, обострению ситуации на рынке труда и вытеснению с него работников из числа местных жителей [1, с. 889].

В связи с этим проблема регулирования миграционных процессов становится весьма актуальной по ряду причин. Среди них следует отметить следующие:

- масштабность миграционных потоков;
- обострение межнациональных конфликтов;
- несоблюдение мигрантами законодательства принимающей страны и, как следствие, медленный процесс интеграции мигрантов в принимающее сообщество;
- рост преступности, обострение криминогенной обстановки в стране;
- несоблюдение мигрантами установленных норм поведения и культурных традиций;
- угроза террористических актов;

– усиление социальной напряженности в принимающем обществе;

– нагрузка на ресурсы страны – обеспечение прибывающих людей продовольствием, жильем, решение социальных проблем;

– ухудшение психологического климата и взаимоотношений с другими странами и др.

Следствием масштабных перемещений мигрантов является все возрастающее этнокультурное и этноконфессиональное разнообразие социумов. Данные процессы детерминируют напряжение между местным населением и мигрантами, которые по этническим, конфессиональным, социальным и культурным параметрам могут существенно отличаться от членов принимающего сообщества.

Конфликты в сфере миграций нередко связаны с восприятием миграционных процессов и мигрантов как угрозы безопасности личности, общества и государства. Угрозы национальной безопасности в миграционной сфере формируются в сознании значительной массы рядовых граждан страны, транслируются СМИ и политиками, приобретая иногда мифологический характер [4].

Незаконно пребывающие на российскую территорию мигранты создают общины и анклавов, сохраняя свою самобытность и традиции. Они отчуждаются от других этносов и не стремятся адаптироваться к местной культуре, традициям и обычаям.

В качестве нелегальных мигрантов выступают следующие группы лиц:

– лица, въезжающие в страны СНГ нелегально (без документов, по поддельным, чужим документам), а также иностранцы, у которых объявленная цель въезда не соответствует их подлинным намерениям;

– иностранные граждане, обучавшиеся в странах СНГ или работавшие по трудовым контрактам и после завершения сроков учебы или работы не пожелавшие вернуться на родину;

– транзитные мигранты, которые намереваются выехать в одну из стран Запада в целях получения там работы или статуса беженца.

К нелегальным мигрантам следует также относить тех беженцев, которые уклоняются от выезда из страны после получения отказа от убежища [5].

Мигранты преимущественно имеют низкий уровень образования, порой даже не знают русского языка, они не стремятся адаптироваться к местной культуре, традициям и обычаям [2]. Это приводит к нарушению межэтнического согласия, что, в свою очередь, является фактором обострения межэтнических противоречий, усиления социальной напряженности и роста межэтнических конфликтов.

Таким образом, только комплексный подход к решению проблемы нелегальной миграции, повышение эффективности действующей системы управления миграционными процессами будет способствовать обеспечению национальной безопасности страны.

В целом меры, направленные на противодействие нелегальной миграции, должны включать в себя следующие действия:

1) укрепление государственных границ, а также проведение соответствующей визовой политики, в том числе:

– усиление пограничного контроля с привлечением современных технологий сканирования и идентификации личности (дактилоскопия, создание информационных баз данных и др.);

– ужесточение визового режима, особенно применительно к государствам возможного исхода нелегальных мигрантов;

– размещение сотрудников иммиграционного контроля в аэропортах и морских портах других государств;

– применение санкций против авиакомпаний и пароходов, доставивших в страну нелегальных мигрантов;

2) ужесточение санкций против организаторов нелегальной миграции и траффинга;

3) ужесточение контроля за пребыванием иностранных граждан, а именно:

– контроль за рынком труда и применение административных, уголовных и гражданских санкций против работодателей, посредников и мигрантов, находящихся в стране на незаконных основаниях;

– повышение уровня защиты документов внутри страны, выдаваемых на руки иммигрантам, с целью предупреждения подделки или подлога;

– строгая проверка браков, заключенных с иностранцами, с целью предупреждения фиктивных браков ради получения вида на жительство;

– привлечение местных общин к решению проблемы нелегальной миграции;

4) международное сотрудничество в области противодействия незаконной миграции, в том числе:

– международные соглашения, в частности, по совместной охране границ, борьбе с организованной преступностью, реадмиссии и др.;

– сотрудничество со странами исхода, общий контроль границ (распространение информации между странами о миграционной ситуации); связи с агентствами по рекрутменту трудовых мигрантов; меры по интеграции мигрантов;

5) ужесточение процедур депортации незаконных иммигрантов, контролирование численности лиц с незаконным статусом посредством высылки и программ регуляризации.

Особое внимание следует уделить таким инструментам государственного регулирования миграции, как содействие адаптации и интеграции мигрантов в принимающее общество, формирование толерантного отношения к ним и соблюдение прав человека.

Учитывая складывающуюся миграционную ситуацию в мире, необходимо также совершенствовать законодательную и организационную базу регулирования потоков ми-

грации как на национальном, так и на международном уровнях с целью выявления угроз территориальной целостности страны и предупреждения внутривнутриполитической социально-экономической и политической нестабильности.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Амирова Д.Р., Храмова А.И.* Регулирование миграционных процессов как фактор обеспечения национальной безопасности страны // Современные научные исследования и инновации. – 2016. – № 6 (62). – С. 889–893.

2. *Махова О.А.* Проблемы национальной безопасности России сквозь призму оценки динамики естественных и миграционных процессов // Управление экономическими системами: электронный научный журнал. – URL: http://uecs.ru/index.php?option=com_flexicontent&view=items&id=4124

3. *Резник Г.А., Амирова Д.Р.* Миграция как угроза национальной безопасности страны: международные и национальные аспекты // Наукоедение: интернет-журнал. – 2016. – Т. 8. – № 6. – URL: <http://naukovedenie.ru/PDF/82EVN616.pdf> (дата обращения: 25.09.2017).

4. *Ткачева Н.А.* Миграционная безопасность как фактор предупреждения социальных конфликтов. – URL: <https://refdb.ru/look/1600490-p12.html>

5. *Хейфец Б.А.* Нелегальная миграция – масштабы и перспективы // Альманах «Восток». – 2006. – № 5. – С. 41–47.

МИГРАЦИЯ ИНОСТРАННЫХ ГРАЖДАН И ЛИЦ БЕЗ ГРАЖДАНСТВА И НАЦИОНАЛЬНАЯ БЕЗОПАСНОСТЬ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

Ю.В. Паукова

*кандидат юридических наук,
доцент кафедры конституционного и муниципального права
Международного юридического института*

Стратегия национальной безопасности Российской Федерации, утвержденная Указом Президента Российской Федерации от 31.12.2015 № 683 (далее – Стратегия национальной безопасности), определяет, что «национальная безопасность Российской Федерации (далее – национальная безопасность) – состояние защищенности личности, общества и государства от внутренних и внешних угроз, при котором обеспечиваются реализация конституционных прав и свобод граждан Российской Федерации, достойные качество и уровень их жизни, суверенитет, независимость, государственная и территориальная целостность, устойчивое социально-экономическое развитие Российской Федерации» [11, абз. 2, п. 6].

Стратегия национальной безопасности в качестве одной из угроз выделяет «деятельность преступных организаций и группировок, в том числе транснациональных», связанную с организацией незаконной миграции, и указывает на необходимость соблюдения баланса интересов граждан России и трудовых мигрантов, их распределение, исходя из потребностей российских регионов. Учитывая, что в российском законодательстве не закреплено определение понятия «незаконная миграция» или «нелегальная миграция», полагаем возможным в данной статье под данными терминами понимать незаконный

въезд иностранных граждан или лиц без гражданства (далее – иностранные граждане) в Россию либо их незаконное пребывание на территории страны, незаконный транзитный проезд через территорию государства либо незаконное осуществление трудовой деятельности на территории России.

В Концепции внешней политики Российской Федерации, утвержденной Президентом Российской Федерации 12.02.2013, среди новых вызовов и угроз также упоминается нелегальная миграция. Кроме того, указан международный терроризм, радикализация общественных настроений, провоцирующая религиозный экстремизм и этноконфессиональные антагонизмы [3, п. 16]. Все перечисленные вызовы и угрозы взаимообусловлены и в большей или меньшей степени связаны с миграцией иностранных граждан.

Относительно терроризма необходимо отметить, что, например, деятельность террористических организаций в Сирии и Ираке стимулировала резкое увеличение миграционных потоков граждан этих стран в Турцию и страны Евросоюза. В этой связи Президент России В.В. Путин отметил, что «сильные мира сего... создали и накачали оружием террористические группировки, жестокость которых толкает миллионы мирных людей к бегству, переселению, миграции, а целые регионы ввергает в хаос» [2].

Мигранты добирались в европейские страны преимущественно через Средиземное море. Так, например, 1 млн беженцев и мигрантов прибыл по Средиземному морю преимущественно в Грецию (как минимум 3771 человек пропал без вести) [14]. Альтернативный «Арктический маршрут» прибытия в Скандинавские страны через территорию России показал, что наша страна ими использовалась в качестве страны транзита и не являлась страной, привлекательной для пребывания. Полагаем, что это вызвано несущественной социальной поддержкой лиц, признанных беженцами, и суровыми климатическими условиями на большинстве территории Российской Федерации.

Миграционный поток в страны ЕС (по данным Евростата, в 2014 г. в компетентные органы государств – членов Евросоюза за убежищем обратилось 562 700 человек, в 2015 г. – 1 257 000, в 2016 г. – 1 204 300 [16]) вызвал увеличение конфликтов на национальной, религиозной и бытовой почвах, а также радикализацию настроений в обществе и рост угрозы терроризма. Президент России В.В. Путин в конце 2016 г. заявил, что теракты последних лет «показывают, что террористам уже не нужны ни ячейки, ни организационные структуры, они могут действовать и в одиночку, автономно, достаточно лишь идеологически их мотивировать и направить на врага, на нас с вами» [2].

В п. 16 Стратегии национальной безопасности указано, что активизация миграционных потоков из стран Африки и Ближнего Востока в Европу показала несостоятельность региональной системы безопасности в Евро-Атлантическом регионе, построенной на основе НАТО и Европейского союза.

Вместе с тем для обеспечения национальной безопасности необходимо сделать выводы из европейского миграционного кризиса и предпринять превентивные меры по созданию системы по работе с иностранными гражданами в случае их массового прибытия в Россию. В частности, органам государственной власти федерального и регионального уровней следует предпринять ряд мер по созданию первичных пунктов временного размещения у пунктов пропуска через государственную границу; организации предоставления необходимой медицинской помощи; распределению людей по территории России, исходя из социально-демографических потребностей регионов; размещению иностранных граждан в частном секторе и в пунктах временного размещения, созданных региональными органами государственной власти; проведению информирования о необходимости своевременного оформления разрешительных документов для пребывания на территории Российской Федерации.

Для скорейшей интеграции иностранцев необходимо организовывать обучение русскому языку, основам российского законодательства и истории; в случае необходимости осуществлять профессиональную подготовку и переподготовку; при необходимости, соответственно, создавать дополнительные рабочие места, а также проводить работу по трудоустройству людей и по устройству детей в сады и учебные заведения. Следует привлекать общественные организации к работе по интеграции людей [8].

Для обеспечения национальной безопасности необходимо бороться с незаконной миграцией: осуществлять полноценный контроль за въездом и пребыванием иностранных граждан на территории России, в том числе за их трудовой деятельностью.

Таким образом, миграция иностранных граждан тесным образом связана с национальной безопасностью. Обеспечение национальной безопасности напрямую связано с деятельностью соответствующих компетентных органов государственной власти. Надлежащее исполнение каждым компетентным органом своих функций возможно только в случае наличия достаточного количества сотрудников и достойного уровня оплаты их труда.

ЛИТЕРАТУРА

1. Автоматизированная система обеспечения законодательной деятельности // Государственная Дума: официальный сайт. – URL: <http://asozd.duma.gov.ru> (дата обращения: 12.09.2017).

2. Заседание Международного дискуссионного клуба «Валдай» с участием Владимира Путина // Международный дискуссионный клуб «Валдай» : официальный сайт . – URL: <http://ru.valdaiclub.com/events/posts/articles/zasedanie-kluba-valday-s-uchastiem-vladimira-putina> (дата обращения: 10.09.2017).

3. Конституция Российской Федерации, принята всенародным голосованием 12.12.1993 // СЗ РФ. – 2014. – № 31. – Ст. 4398.

4. Концепция внешней политики Российской Федерации, утвержденная Президентом России 12.02.2013 // Администрация Пре-

зидента России : официальный сайт. – URL: <http://static.kremlin.ru/media/events/files/41d447a0ce9f5a96bdc3.pdf> (дата обращения: 10.09.2017).

5. ООН: официальный сайт. – URL: <http://www.un.org/ru/index.html> (дата обращения: 01.09.2017).

6. О порядке выезда из Российской Федерации и въезда в Российскую Федерацию: Федеральный закон № 114-ФЗ от 15.08.1996 // СЗ РФ. – 1996. – № 34. – Ст. 4029.

7. О правовом положении иностранных граждан в Российской Федерации: Федеральный закон № 115-ФЗ от 25.07.2002 // СЗ РФ. – 2002. – № 30. – Ст. 3032.

8. *Потемкина О.Ю., Паукова Ю.В.* Шенген скорее жив, чем мертв? Доклад международного дискуссионного клуба «Валдай» // Международный дискуссионный клуб «Валдай» : официальный сайт. – URL : <http://ru.valdaiclub.com/a/reports/shengen-skoree-zhiv-chem-myertv> (дата обращения: 01.09.2017).

9. РИА Новости: официальный сайт. – URL: <https://ria.ru> (дата обращения: 11.09.2017).

10. Российская газета: интернет-портал. – URL: <https://rg.ru> (дата обращения: 01.09.2017).

11. Стратегия национальной безопасности Российской Федерации: Указ Президента Российской Федерации от 31.12.2015 № 683 // СЗ РФ. – 2016. – № 1. – Ст. 212.

12. УВКБ ООН: официальный сайт. – URL: <http://unhcr.org> (дата обращения: 10.09.2017).

13. European Commission. Migration and Home Affairs.: официальный сайт. – URL: <https://ec.europa.eu> (дата обращения: 01.09.2017).

14. Forced Displacement Hits a Record High // УВКБ ООН: официальный сайт. – URL: <http://www.unhcr.org/5748413a2d9> (дата обращения: 10.09.2017).

15. Interfax: сайт. – URL: <http://www.interfax.ru> (дата обращения: 09.09.2017).

16. 1,2 million first time asylum seekers registered in 2016. News-release // Европейская Комиссия. Евростат : официальный сайт. – URL: <http://ec.europa.eu/eurostat/documents/2995521/7921609/3-16032017-ВР-EN.pdf/e5fa98bb-5d9d-4297-9168-d07c67d1c9e1> (дата обращения: 10.09.2017).

МЕЖДУНАРОДНЫЕ СТАНДАРТЫ В СФЕРЕ ПРОТИВОДЕЙСТВИЯ НЕЗАКОННОЙ ТРУДОВОЙ МИГРАЦИИ

И.И. Тюнина

*кандидат юридических наук, преподаватель
кафедры конституционного и муниципального права
Воронежского государственного университета*

Масштабы международного трудового обмена резко возросли за последние десятилетия и стали одним из самых заметных явлений международной жизни в связи с разделением стран мира на экспортеров и импортеров рабочей силы в зависимости от их социально-экономического развития [3, с. 124]. В своем докладе о деятельности Уполномоченного по правам человека в Российской Федерации за 2016 г. Т.Н. Москалькова отметила: «Серьезное напряжение создает так называемая нелегальная трудовая миграция. Несмотря на большую работу, проведенную законодательными и правоприменительными органами государственной власти, в том числе миграционными подразделениями МВД России, по экспертным оценкам, в Российской Федерации находится от 8 до 10 млн нелегальных мигрантов, что не может не породить, с одной стороны, социальной напряженности среди российского населения, а с другой – нарушения прав самих мигрантов» [7].

В международном праве сформирован массив документов, регулирующих миграционные отношения [1, с. 54]. Среди них отдельно выделяются международные правовые акты, определяющие основные направления сотрудничества государств по предотвращению незаконной миграции, в том

числе трудовой. Г.Ю. Нуфер отмечает, что «для противодействия нелегальной миграции принимаются различные международные правовые акты, которые можно подразделить на две группы: всемирные и межгосударственные» [5, с. 150].

В первой группе основным международным документом, рассматривающим вопросы нелегальной трудовой миграции, является Конвенция МОТ № 143 о злоупотреблениях в области миграции и об обеспечении трудящимся-мигрантам равенства возможностей и обращения от 24 июня 1975 г. (вступила в силу 9 декабря 1978 г.) (далее – Конвенция МОТ № 143) [4]. Согласно данному документу, государства должны выявлять на своей территории нелегальную миграцию и принимать необходимые меры по ее сокращению [12, с. 47]. В ст. 3 Конвенции № 143 закрепляется: каждый член Организации принимает все необходимые и соответствующие меры как в рамках своей юрисдикции, так и в сотрудничестве с другими государствами-членами для пресечения тайного миграционного движения и незаконного найма мигрантов; против организаторов незаконного или тайного передвижения мигрантов, ищущих работу, начинается ли это движение с его территории, проходит ли через эту территорию или прибывает на нее, а также против тех, кто нанимает трудящихся, иммигрировавших в незаконных условиях. Члены Организации принимают необходимые меры на национальном и международном уровнях для осуществления систематических контактов и обмена информацией по этому вопросу с другими государствами, при консультациях с представительными организациями предпринимателей и трудящихся в целях обеспечения возможности преследования лиц, ответственных за незаконную миграцию, независимо от страны, из которой они осуществляют свою деятельность (ст. 4, 5 Конвенции № 143) [4]. Однако до сих пор Конвенция МОТ № 143 не ратифицирована Российской Федерацией.

Во второй группе следует выделить некоторые договоры и соглашения, заключенные в рамках СНГ, для противодействия потокам нелегальных трудовых мигрантов и пресечения их нелегальной трудовой деятельности. Основными актами в этой сфере являются: Соглашение о сотрудничестве в области трудовой миграции и социальной защиты трудящихся-мигрантов от 15.04.1994 (с изм. от 25.11.2005) [10] (ратифицировано Федеральным законом от 24.04.1995 № 47-ФЗ [9]), регулирующее основные направления сотрудничества сторон в области трудовой деятельности и социальной защиты лиц и членов их семей, которые постоянно проживают на территории одного из государств сторон и осуществляют свою трудовую деятельность на предприятиях, в учреждениях, организациях всех форм собственности на территории другого государства сторон в соответствии с законодательством стороны трудоустройства; Декларация о согласованной миграционной политике государств – участников Содружества Независимых государств от 5 октября 2007 г. [6], где закрепляется, что государства – участники Содружества Независимых Государств намерены, в частности, осуществлять меры, направленные на предупреждение и предотвращение незаконной миграции, оказывать взаимную помощь в предупреждении, выявлении и пресечении каналов незаконной миграции.

В последние годы наметилась тенденция перехода от взаимодействия в рамках СНГ к двусторонним и трехсторонним соглашениям, заключенным между правительствами отдельных стран Содружества [5, с. 153]. Так, правительствами Российской Федерации, Республики Беларусь, Республики Казахстан в г. Санкт-Петербурге 19 ноября 2010 г. было заключено Соглашение о сотрудничестве по противодействию нелегальной трудовой миграции из третьих государств [11] (вступило в силу 1 января 2012 г.) (далее – Соглашение), определяющее направления и формы сотрудничества сторон по противодействию нелегальной

трудовой миграции из третьих государств. В соответствии со ст. 3 Соглашения стороны осуществляют взаимодействие по таким основным направлениям, как разработка и реализация согласованной политики по противодействию нелегальной трудовой миграции, а также осуществление согласованных мер в отношении нелегальных трудящихся-мигрантов, физических и юридических лиц, организующих и/или оказывающих содействие нелегальной трудовой миграции.

В целях реализации Соглашения стороны осуществляют:

- согласование общих подходов и принципов в сфере противодействия нелегальной трудовой миграции;
- выявление и учет нелегальных трудящихся-мигрантов;
- выявление и пресечение каналов и структур, организующих или оказывающих содействие нелегальной трудовой миграции;
- мониторинг объемов нелегальной трудовой миграции;
- разработку и совершенствование механизма высылки (выдворения, депортации) нелегальных трудящихся-мигрантов;
- выработку согласованных мер, ограничивающих въезд с целью осуществления трудовой деятельности на территории государств сторон, ранее высланных (выдворенных, депортированных) лиц;
- реализацию мер, направленных на предотвращение распространения недостоверной информации в сфере трудовой миграции (ст. 4 Соглашения).

Вышеуказанные международные документы накладывают на страны, ратифицировавшие их, обязательство разрабатывать стандарты в сфере противодействия незаконной трудовой миграции. Российская Федерация должна стремиться развивать в своем законодательстве выработанные

международным сообществом прогрессивные положения. В этой связи необходима ратификация международных конвенций и дальнейшее заключение международных соглашений в рассматриваемой области.

От принятия своевременных мер по противодействию нелегальной трудовой миграции зависит положительное влияние иммиграционных потоков на развитие экономики и обеспечение безопасности страны.

ЛИТЕРАТУРА

1. Андриченко Л.В., Васильева Л.Н. Привлечение и использование иностранной рабочей силы: международные стандарты и законодательство Российской Федерации // Международно-правовые стандарты в конституционном праве: сборник научных трудов / отв. ред. И.А. Конюхова. – М., 2007. – С. 54–77.

2. Воронина Н.А. Международное право и миграционное законодательство стран СНГ (историко-правовой анализ): монография / Институт государства и права РАН. – М.: Изд. дом ГУУ, 2015. – 303 с.

3. Ковалева Е.А. Незаконная трудовая миграция // Проблемы укрепления законности и правопорядка: наука, практика, тенденции. – 2016. – Т. 2. – № 9. – С. 124–130.

4. Конвенция МОТ 1975 г. № 143 о злоупотреблениях в области миграции и об обеспечении трудящимся-мигрантам равенства возможностей и обращения // Сб. международных документов, регулирующих вопросы миграции. – М., 1994. – URL: http://www.conventions.ru/view_base.php?id=91 (дата обращения: 01.08.2017).

5. Нуффер Г.Ю. Международно-правовое регулирование противодействия незаконной миграции // Юридическая наука. – 2013. – № 4. – С. 150–154.

6. Решение Совета глав государств СНГ «О предложениях по согласованной миграционной политике государств – участников Содружества Независимых Государств» (вместе с Декларацией..., проектами Конвенции о правовом статусе трудящихся-мигрантов и членов их семей..., Концепции...) (принято в г. Душанбе 05.10.2007). – URL: http://www.conventions.ru/view_base.php?id=9138 (дата обращения: 01.08.2017).

7. Российская газета. – 17.05.2017.
8. Сборник международных правовых документов, регулирующих вопросы миграции. – М.: Междунар. орг. по миграции, 1994. – 368 с.
9. Собр. законодательства Российской Федерации. – М., 1995. – № 17. – Ст. 1457.
10. Соглашение о сотрудничестве в области трудовой миграции и социальной защиты трудящихся-мигрантов (заключено в г. Москве 15.04.1994). – URL: http://www.conventions.ru/view_base.php?id=17019 (дата обращения: 01.08.2017).
11. Соглашение о сотрудничестве по противодействию нелегальной трудовой миграции из третьих государств. – URL: http://www.conventions.ru/view_base.php?id=1781 (дата обращения: 01.08.2017).
12. Тюнина И.И. Конституционно-правовой статус трудящихся-мигрантов в Российской Федерации: монография / Воронежский государственный университет. – Воронеж: Изд-во Воронеж. гос. ун-та, 2008. – 192 с.

**СОДЕРЖАНИЕ ПРИЗНАКА
«ИСПОЛЬЗОВАНИЕ ДОЛЖНОСТНЫМ ЛИЦОМ
СВОЕГО СЛУЖЕБНОГО ПОЛОЖЕНИЯ»
В СОСТАВЕ КОНТРАБАНДЫ
АЛКОГОЛЬНОЙ ПРОДУКЦИИ
И/ИЛИ ТАБАЧНЫХ ИЗДЕЛИЙ
(СТ. 200.2 УГОЛОВНОГО КОДЕКСА РФ)**

З.Ф. Зайнуллина

*аспирант кафедры уголовного права,
уголовного процесса и криминалистики
Российского университета дружбы народов*

Традиционным уголовно-правовым постулатом является идея о том, что квалифицированные виды преступления есть свидетельство его повышенной общественной опасности. В связи с этим исследование квалифицированных видов специальных случаев экономической контрабанды является необходимым. В рамках настоящей публикации сосредоточим внимание на одном из квалифицирующих признаков, предусмотренных ст. 200.2 («Контрабанда алкогольной продукции и/или табачных изделий») Уголовного кодекса Российской Федерации (далее – УК РФ).

В п. «б» ч. 2 ст. 200.2 УК РФ указывается на такой квалифицирующий признак, как совершение контрабанды должностным лицом с использованием своего служебного положения.

Понятие должностного лица является легальным и определено в примечании к ст. 285 УК РФ. Согласно закону, должностными являются лица, постоянно, временно или по специальному полномочию осуществляющие функции пред-

ставителя власти либо выполняющие организационно-распорядительные, административно-хозяйственные функции в государственных органах, органах местного самоуправления, государственных и муниципальных учреждениях, государственных корпорациях, государственных компаниях, государственных и муниципальных унитарных предприятиях, акционерных обществах, контрольный пакет акций которых принадлежит Российской Федерации, субъектам Российской Федерации или муниципальным образованиям, а также в Вооруженных Силах Российской Федерации, других войсках и воинских формированиях Российской Федерации.

Согласно Постановлению Пленума Верховного Суда РФ «О судебной практике по делам о злоупотреблении должностными полномочиями и о превышении должностных полномочий» [4], к исполняющим функции представителя власти следует относить лиц, наделенных правами и обязанностями по осуществлению функций органов законодательной, исполнительной или судебной власти, а также, исходя из содержания примечания к ст. 318 УК РФ, иных лиц правоохранительных или контролирующих органов, наделенных в установленном законом порядке распорядительными полномочиями в отношении лиц, не находящихся от них в служебной зависимости, либо правом принимать решения, обязательные для исполнения гражданами, организациями, учреждениями независимо от их ведомственной принадлежности и форм собственности.

Под организационно-распорядительными функциями следует понимать полномочия должностного лица, которые связаны с руководством трудовым коллективом государственного органа, государственного или муниципального учреждения (его структурного подразделения) или находящимися в их служебном подчинении отдельными работниками с формированием кадрового состава и определением трудовых функций работников, организацией порядка про-

хождения службы, применения мер поощрения или награждения, наложения дисциплинарных взысканий и т.п.

К организационно-распорядительным функциям относятся полномочия лиц по принятию решений, имеющих юридическое значение и влекущих определенные юридические последствия (например, по выдаче медицинским работником листка временной нетрудоспособности, установлению работником учреждения медико-социальной экспертизы факта наличия у гражданина инвалидности, приему экзаменов и выставлению оценок членом государственной экзаменационной (аттестационной) комиссии).

Как административно-хозяйственные функции надлежит рассматривать полномочия должностного лица по управлению и распоряжению имуществом и/или денежными средствами, находящимися на балансе и/или банковских счетах организаций, учреждений, воинских частей и подразделений, а также по совершению иных действий (например, по принятию решений о начислении заработной платы, премий, осуществлению контроля за движением материальных ценностей, определению порядка их хранения, учета и контроля за их расходом).

Исполнение функций должностного лица по специальному полномочию означает, что лицо осуществляет функции представителя власти, исполняет организационно-распорядительные или административно-хозяйственные функции, возложенные на него законом, иным нормативным правовым актом, приказом или распоряжением вышестоящего должностного лица либо правомочным на то органом или должностным лицом (например, функции присяжного заседателя). Функции должностного лица по специальному полномочию могут осуществляться в течение определенного времени или однократно, а также могут совмещаться с основной работой.

Согласно Постановлению Пленума Верховного суда РФ «О судебной практике по делам о взяточничестве и об

иных коррупционных преступлениях» [3], под входящими в служебные полномочия действиями (бездействием) должностного лица следует понимать такие действия (бездействие), которые оно имеет право и/или обязано совершить в пределах его служебной компетенции (например, сокращение установленных законом сроков рассмотрения обращения взяточдателя, ускорение принятия должностным лицом соответствующего решения, выбор должностным лицом в пределах своей компетенции или установленного законом усмотрения наиболее благоприятного для взяточдателя или представляемых им лиц решения).

В отмененном на сегодняшний день Постановлении Пленума Верховного Суда РФ «О судебной практике по делам о контрабанде» указывалось, что к должностным лицам, в частности, относятся должностные лица, обладающие правом находиться в зонах таможенного и пограничного контроля, осуществлять надзор за перемещением грузов; должностные лица, освобожденные на основании таможенного законодательства от определенных форм таможенного контроля и использующие свое положение для совершения контрабанды.

И.А. Клепицкий справедливо отмечает, что буквальное толкование закона позволяет прийти к выводу, что для квалификации содеянного с учетом рассматриваемого квалифицирующего признака необходимо, чтобы должностное лицо было исполнителем преступления. Другие лица могут быть подстрекателями, организаторами или пособниками в совершении контрабанды должностным лицом [2, с. 485].

Обратимся к конкретным должностным лицам, которые могут быть ответственны за совершение преступлений, предусмотренных ст. 200.2 УК РФ.

Б.В. Волженкин применительно к такому же квалифицирующему признаку ст. 188 УК РФ писал, что для привлечения к ответственности за совершение контрабанды должностным лицом с использованием своего служебного полномочия необходимо установить, что служебное положение

использовалось именно для незаконного перемещения через таможенную границу. Исходя из этого, автор отмечает, что субъектами данного вида контрабанды могут быть должностные лица, являющиеся сотрудниками таможенных органов, осуществляющих таможенный контроль, таможенное оформление и проводящие таможенную идентификацию товаров, должностные лица пограничных органов, иные должностные лица, использующие свое служебное положение для осуществления контрабанды [1, с. 562].

Помимо должностных лиц таможенных органов, потенциально служебное положение для незаконного перемещения предметов через таможенную границу могут использовать также иные должностные лица, в частности, лица, дающие разрешение на вывоз или ввоз предметов, перемещение которых через таможенную границу ограничено.

Применительно к ст. 200.2 УК РФ, согласно действующему законодательству, все таможенные процедуры осуществляют сотрудники таможенных органов. Однако для других видов контрабанды такая ситуация потенциально возможна. Например, согласно ст. 19 Закона РФ «О вывозе и ввозе культурных ценностей» при принятии решения о возможности вывоза культурных ценностей соответствующим государственным органом выдается свидетельство на право вывоза культурных ценностей. Данное свидетельство является основанием для пропуска культурных ценностей через таможенную и государственную границы Российской Федерации. Вывоз культурных ценностей без указанного свидетельства запрещается.

Согласно действующему законодательству, данное разрешение выдается Министерством культуры РФ и его территориальными органами. Исходя из этого, должностные лица Министерства культуры РФ, ответственные за выдачу разрешения на вывоз культурных ценностей, также подлежат ответственности за контрабанду в том случае, если они сами перемещают культурные ценности через таможенную или государственную границу или соучаствуют в таком перемещении.

Сложнее решается вопрос с оценкой действий лиц, фактически влияющих на выдачу такого разрешения, например, проводящих экспертизу, обязательную для перемещения предмета. Согласно Положению о проведении экспертизы и контроля за вывозом культурных ценностей [5], заявленные к вывозу или временному вывозу с территории Российской Федерации, а также возвращенные после временного вывоза культурные ценности подлежат обязательной экспертизе. Экспертизу культурных ценностей осуществляют уполномоченные на это Министерством культуры РФ и Федеральной архивной службой России специалисты музеев, архивов, библиотек, реставрационных и научно-исследовательских организаций, иные специалисты, являющиеся внештатными экспертами Министерства культуры РФ и/или членами экспертных комиссий Министерства культуры РФ или его территориальных органов по сохранению культурных ценностей.

Исходя из положения ст. 285 УК РФ, круг должностных лиц является четко очерченным. Лица, осуществляющие экспертизу, не являются представителями власти, не осуществляют административно-хозяйственные и организационно-распорядительные полномочия.

Значимым представляется решение вопроса о возможности привлечения к уголовной ответственности по российскому закону за квалифицированную контрабанду сотрудников таможенных органов других государств, входящих в Евразийский экономический союз. По сути должностное лицо таможенных органов в ряде случаев, используя свое служебное положение, может воздействовать на принятие решения о перемещении товаров через границу Таможенного союза.

В пользу возможности привлечения к ответственности должностных лиц таможенных органов других государств ЕврАзЭС, на наш взгляд, говорит и то, что позитивное таможенное законодательство является общим для всех государств ЕврАзЭС. Уголовная ответственность в данном случае связана с нарушением правил, установленных непосредственно в таможенном законодательстве, следовательно,

возникновение уголовно-правовых отношений напрямую определено нарушением отношений по перемещению предметов через таможенную границу. А посягательство на такие отношения могут осуществлять должностные лица любого из государств ЕврАзЭС.

Следовательно, должностные лица таможенных органов любого государства, входящего в ЕврАзЭС, потенциально могут нести ответственность за квалифицированную контрабанду, совершенную должностным лицом с использованием своего служебного положения, по УК РФ в том случае, если они не были привлечены к ответственности на территории того государства, где преступление было совершено (согласно территориальному принципу) или на территории того государства, гражданином которого они являются (принцип гражданства), и, соответственно, выданы России в соответствии со ст. 13 УК РФ.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Волженкин Б.В.* Преступления в сфере экономической деятельности. – СПб: Юрид. центр-пресс, 2007. – 641 с.

2. *Клепицкий И.А.* Система хозяйственных преступлений. – М.: Статут, 2005. – 572 с.

3. Постановление Пленума Верховного суда РФ № 24 от 09.07.2013 «О судебной практике по делам о взяточничестве и об иных коррупционных преступлениях» // Российская газета. – 17.07.2003.

4. Постановление Пленума Верховного Суда РФ № 19 от 16.10.2009 «О судебной практике по делам о злоупотреблении должностными полномочиями и о превышении должностных полномочий» // Бюллетень Верховного Суда РФ. – 2009. – № 12. – URL: <https://rg.ru/2009/10/30/postanovlenie-vs-dok.html> (дата обращения: 01.08.2017).

5. Постановление Правительства РФ № 322 от 27.04.2001 «Об утверждении Положения о проведении экспертизы и контроля за вывозом культурных ценностей» // Собрание законодательства РФ. – 2001. – № 19. – Ст. 1938.

УГОЛОВНАЯ ОТВЕТСТВЕННОСТЬ ЗА ОРГАНИЗАЦИЮ НЕЗАКОННОЙ МИГРАЦИИ В РОССИИ И ЗАРУБЕЖНЫХ СТРАНАХ

М.А. Игнатова

*кандидат юридических наук, старший преподаватель
кафедры уголовного права, уголовного процесса
и криминалистики
Российского университета дружбы народов*

Ю.А. Карева

*студентка 3-го курса Юридического института
Российского университета дружбы народов*

Одной из угроз безопасности для государства является незаконная миграция, что отражается в положениях Указа Президента РФ от 31.12.2015 № 683 «О Стратегии национальной безопасности Российской Федерации» [8].

Отечественные и зарубежные исследователи отмечают, что сформировавшаяся ситуация обусловлена связью такой миграции с наиболее опасными формами преступности, например, терроризмом, торговлей оружием, незаконным оборотом наркотиков и многих других.

В многочисленных потоках мигрантов на территорию Российской Федерации, которые недостаточно контролируются, могут проникать участники незаконных вооруженных формирований, а сами нерациональные потоки миграции представляют угрозу территориальной целостности всей страны.

Внутренняя и внешняя миграция постоянно растет благодаря современному развитию транспортной системы и

расширению мирового сообщества. Значительные потоки рабочей силы перемещаются из развивающихся стран в экономически более сильные государства. По прогнозу Международной организации по миграции (МОМ), к 2030 г. показатель миграционной активности населения земного шара достигнет около 300 млн человек [10]. Незаконная миграция имеет значительную долю в структуре этих потоков.

Первая проблема роста незаконной миграции связана с привлекательностью высокого уровня жизни экономически развитых государств [5, с. 24]. Однако различные культурные традиции сильно замедляют ход интеграции мигрантов в принимающее общество, пробуждают протестные, в том числе экстремистские, выступления, а также приводят к формированию этнических криминальных объединений.

Вторая проблема заключается в том, что мигранты зачастую используют туристические визы и туристический обмен в целях легального въезда на территорию государства, в котором в дальнейшем пребывают незаконно [4, с. 79].

Третьей проблемой является различная ограничительная миграционная политика государства. В зависимости от оценки влияния миграционных потоков на социально-экономическую ситуацию страны государства могут проводить различную политику – от создания режима открытых дверей для мигрантов до использования жестких ограничительных мер. Некоторым исследователям представляются наиболее эффективными меры, основанные на скоординированной политике группы государств, например, одной из целей заключения Шенгенского соглашения 1985 г. стала необходимость облегчить движение рабочей силы и товаров на территории стран Евросоюза с сохранением контроля за ним в отношениях с другими регионами мира [9, с. 13].

Очевидна угроза незаконной международной миграции для национальной безопасности Российской Федерации, поскольку она создает опасность для жизненно важных инте-

ресов личности, общества и государства, угрозу территориям, ценностям, культуре в целом [1].

Учитывая высокую степень криминогенности незаконной миграции, целесообразным является введение уголовной ответственности за ее организацию.

Уголовный кодекс Российской Федерации в 2004 г. установил ответственность за совершение преступлений, связанных с миграционными процессами в ст. 322.1 «Организация незаконной миграции». Она включена в гл. 32 «Преступления против порядка управления». Как следует из диспозиции этой нормы, уголовно-наказуемым деянием является не сама по себе миграция с нарушением закона, а именно ее организация. Известно, что в настоящее время организация незаконной миграции превратилась в доходный криминальный бизнес.

Однако введение в УК ст. 322.1 не решило всех уголовно-правовых проблем. Прежде всего, следует отметить, что УК не раскрывает понятие «организация незаконной миграции». Это связано с тем, что существует огромное количество подходов к определению понятия миграции, что является определенной проблемой [3, с. 304]. В российском законодательстве и юридической науке не выработано единого и четко определенного понятия «незаконная миграция».

УК предусматривает три способа организации незаконной миграции: «Организация незаконного въезда в Российскую Федерацию иностранных граждан или лиц без гражданства, их незаконного пребывания в Российской Федерации или незаконного транзитного проезда через территорию Российской Федерации» (ч. 1, ст. 322.1). Квалифицированный состав представляют указанные деяния, совершенные группой лиц по предварительному сговору или организованной группой, в целях совершения преступления на территории Российской Федерации (ч. 2, ст. 322.1).

На наш взгляд, обоснованным представляется мнение ученых, включающих в понятие незаконной миграции так-

же и «выезд с территории Российской Федерации». Именно с этой стороны незаконной миграции связаны многие криминальные явления, например, торговля людьми, незаконный оборот наркотических средств, оружия и др.

Правоприменительная деятельность в сфере ответственности за организацию незаконной миграции осложняется тем, что в Российской Федерации правовые нормы, регламентирующие миграционные процессы, рассредоточены по большому количеству нормативных правовых актов, среди которых – федеральные законы, межгосударственные договоры и соглашения, а также значительное количество подзаконных нормативных правовых актов [7].

Эффективное противодействие организации незаконной миграции требует не только совершенствования уголовно-правовых норм, но и принятия более жестких мер административно-правового противодействия, например, таких как увеличение запрета на въезд на территорию Российской Федерации до 12–15 лет для лиц, проживающих в России нелегально более 270 суток, а также рассмотреть возможность введения пожизненного запрета на въезд на территорию Российской Федерации за неоднократное совершение правонарушений, послуживших причиной выдворения или депортации из страны [6].

Организация незаконной миграции затрагивает интересы многих стран мирового сообщества. В законодательстве ряда стран этой проблеме уделяется более пристальное внимание, чем в УК РФ. Однако в зарубежном праве не существует единого подхода к уголовно-правовому запрету организации незаконной миграции.

По степени определенности уголовно-правовых норм можно выделить несколько групп уголовного законодательства зарубежных стран, устанавливающих ответственность за незаконную миграцию.

Первая группа включает в себя нормативные акты, устанавливающие ответственность за организацию незаконной

миграции максимально конкретно, предусматривая ответственность за такую деятельность в самостоятельных статьях уголовных кодексов. К этой группе относятся уголовные кодексы таких стран, как Республика Беларусь, Республика Таджикистан, Республика Казахстан, Польша, Китайская Народная Республика и др.

Вторую группу составляет уголовное законодательство стран, занимающих противоположную позицию, в которых самостоятельной ответственности за данное деяние нет вообще. К таким странам относятся ФРГ, Дания, Швейцария, Азербайджан, Туркменистан, Армения, Киргизия, Украина, Грузия, Узбекистан и др. Уголовное законодательство данных стран в решении проблемы незаконной миграции опирается на нормы, регламентирующие ответственность за пересечение государственной границы и смежные с ней посягательства, имеющие непосредственное отношение, скорее, к нарушению правил пограничного контроля, а не собственно незаконного проявления миграции.

Третью группу составляет законодательство стран, в которых нормы, предусматривающие ответственность за анализируемое деяние, отличаются высокой детализацией признаков объективной стороны преступления, определяемых в нескольких уголовно-правовых нормах (Италия, Франция, Испания, Латвия, Литва, Эстония, Болгария и др.) [2, с. 85].

Изучение зарубежного опыта правового регулирования ответственности за организацию незаконной миграции представляет несомненный интерес, прежде всего, с позиции совершенствования отечественного уголовного законодательства, устранения пробелов правового регулирования и коллизий правовых норм.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Авдеев Ю., Пушкарев С.* Угрожают ли мигранты национальной безопасности России // Миграция. XXI век. – 2011. – № 3. – С. 10–12.

2. *Андрюшенков В.А.* Ответственность за организацию незаконной миграции: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. – Омск, 2016.

3. *Ионцева В.А. и др.* Введение в демографию. – М., 2002.

4. *Красинец Е., Кубишин Е., Тюрюканова Е.* Нелегальная миграция в Россию. – М.: АCADEMIA, 2014.

5. *Метелев С.Е.* Нелегальная миграция и ее влияние на социально-экономическое развитие страны // Закон и право. – 2015. – № 1. – С. 3–5.

6. *Салов П.В.* Незаконная миграция и меры по борьбе с ней. – URL: http://pnu.edu.ru/media/ejournal/articles-2015/TGU_6_229.pdf (дата обращения: 09.10.17).

7. *Тюркин М.Л.* Миграционная система России. – М.: Изд. дом «Стратегия», 2005. – 382 с.

8. Указ Президента РФ от 31.12.2015 № 683 «О Стратегии национальной безопасности Российской Федерации». – URL: <https://rg.ru/2015/12/31/nac-bezopasnost-site-dok.html> (дата обращения 15.09.2017).

9. *Шликайте В.Й.* Проблемы незаконной миграции в России // Правовое регулирование общества: проблемы, приоритеты и перспективы: сборник научных трудов по мат-лам IV Международной научно-практ. конф. 31.01.2017. – Уфа, 2017. – С. 186–191.

10. *Юдина Т.М.* Миграция: словарь основных терминов. – URL: <http://nashaucheba.ru/v19860> (дата обращения: 09.10.17).

ПРОБЛЕМЫ ТРУДОВОЙ МИГРАЦИИ ВО ВЬЕТНАМЕ

Н.А. Селезнева

*кандидат юридических наук, старший преподаватель
кафедры уголовного права, уголовного процесса
и криминалистики
Российского университета дружбы народов*

Фам Тхи Бао Нгок

*магистрант кафедры уголовного права,
уголовного процесса и криминалистики
Российского университета дружбы народов*

На современном этапе трудовая миграция приобретает важное политическое и социально-экономическое значение. Вьетнам активно включился в процессы глобализации в начале XXI в. X съезд Коммунистической Партии Вьетнама поставил задачу вывести страну из разряда изолированного закрытого общества со слаборазвитой экономикой к 2010 г., а к 2020 г. превратить ее в индустриальную. Бесспорно, современная политика «открытых дверей» и международной интеграции Вьетнама, с одной стороны, направлена на развитие страны, но с другой – несет также и новые социальные проблемы и угрозы [3, с. 97]. Преступность, бедность населения в провинциях, безработица, коррупция и прочие негативные факторы становятся препятствием на пути развития правового общества.

Нерешенность ряда социальных проблем, низкий уровень жизни подталкивает людей на поиск работы, в том

числе за рубежом. Трудовые мигранты как наиболее уязвимые социальные группы, зачастую лишены официального статуса в стране своего пребывания, часто становятся жертвами торговли людьми и рабского труда.

В соответствии с Конвенцией ООН против транснациональной организованной преступности и Протоколом о предупреждении и пресечении торговли людьми, особенно женщинами и детьми, от 15 ноября 2000 г., которые Вьетнам ратифицировал 29 декабря 2011 г., «торговля людьми» означает осуществляемые в целях эксплуатации вербовку, перевозку, передачу, укрывательство или получение людей путем угрозы, силой или ее применения или других форм принуждения, похищения, мошенничества, обмана, злоупотребления властью или уязвимостью положения либо путем подкупа в виде платежей или выгод для получения согласия лица, контролирующего другое лицо. Эксплуатация включает как минимум эксплуатацию проституции других лиц или другие формы сексуальной эксплуатации, принудительный труд или услуги, рабство или обычаи, сходные с рабством, подневольное состояние или извлечение органов [4].

Вьетнам является страной происхождения, транзита и, в редких случаях, пребывания для лиц, ставших жертвами торговли людьми. Граждане Вьетнама переезжают за рубеж в целях поиска свободного труда через государственные или частные предприятия трудового найма. Иностранные компании имеют высокую прибыль от принудительного труда наемных рабочих. Люди становятся жертвами принудительного труда в разных отраслях: строительной промышленности, рыболовстве, сельском хозяйстве, горнодобывающей и обрабатывающей промышленности, промышленности лесозаготовок, в основном, в Тайване, Малайзии, Республике Корея, Лаосе, Анголе, ОАЭ и Японии [2]. Работников вынуждают трудиться на неоплачиваемых или малооплачиваемых работах, в плохих условиях, загоняют в

долговую кабалу при полном отсутствии юридического механизма рассмотрения нарушений трудового законодательства. Женщины и дети во Вьетнаме часто становятся жертвами сексуального рабства [3].

Многих работников вводят в заблуждение о возможности хорошего заработка, а впоследствии продают в бордель пограничных районов Китая, Камбоджи, Лаоса и других азиатских стран, в том числе Таиланда, Малайзии, Республики Корея, Тайваня и Сингапура. Некоторые женщины из Вьетнама выезжают за рубеж, в основном в Китай, чтобы выйти замуж при содействии международных брачных агентств или в целях поиска работы в ресторанах, барах, клубах-караоке, массажных салонах. Большое количество людей продаются в Малайзию и Сингапур, где они становятся рабами-прислугами или принуждаются к проституции [5].

Ложная реклама, принуждение к работе для оплаты долга, отбирание паспорта, угроза депортацией являются распространенными методами порабощения во Вьетнаме. Торговцы людьми все чаще используют Интернет, игровые сайты и социальные сети, чтобы заманить потенциальных жертв в уязвимые ситуации. Например, мужчины соблазняют молодых женщин и девушек, склоняют к близким отношениям и убеждают их уехать за границу, а затем превращают их в жертв принудительного труда или сексуального рабства. Часто бывает, что жертвы вербуются родственниками, знакомыми или соседями. В таком случае члены семьи обычно объединены преступными намерениями и убеждают несчастных уехать за границу [1, с. 16].

Внутри страны мужчины, женщины и дети, особенно беспризорные и дети-инвалиды, также становятся жертвами принудительного труда, но информация об этом умалчивается. Дети вынуждены действовать в одиночку, попрошайничать на улицах крупных городов Вьетнама. Некоторые дети являются жертвами принудительного труда и втягива-

ются в трудовую кабалу по производству одежды или кирпича и работают на неофициальных заводах, в семьях в городах или на золотых рудниках в сельских районах либо становятся жертвами сексуального рабства. Организации НПО сообщают, что некоторые правительственные чиновники Вьетнама, в основном в коммунах и селах, являются соучастниками и пособниками в торговле людьми или эксплуатации жертв путем получения взятки от торговцев людьми, не обращая внимания на сложную криминогенную ситуацию, и даже задействованы в вымогательстве денег у жертв в обмен на обещание оказать им помощь в воссоединении со своими семьями.

На сегодняшний день криминальная обстановка торговли людьми во Вьетнаме осложняется и имеет тенденцию к увеличению.

В целях стимулирования взаимодействия всех государственных структур на всех региональных уровнях Правительство Вьетнама приняло конкретные меры и санкции для борьбы и предотвращения торговли людьми, в частности:

– Решение № 130/QD-TTg от 14.07.2004, утвердившее программу по предупреждению и борьбе с торговлей женщинами и детьми в 2004–2010 гг.;

– Решение № 1427/QD-TTg от 18.08.2011, утвердившее программу действий по предупреждению и борьбе с торговлей людьми в 2011–2015 гг.;

– Решение № 2546/QD-TTG от 31.12.2015, утвердившее программу действий по предупреждению и борьбе торговлей людьми в 2016–2020 гг.

В рамках проводимой правовой реформы 27.11.2015 Парламент Вьетнама принял новый Уголовный кодекс. В Уголовном кодексе 2015 г. ответственность за торговлю людьми предусмотрена ст. 150–151, что создает правовую основу для противодействия торговле людьми, а также способствует благоприятным условиям интеграции и глобализации уголовного законодательства Вьетнама.

Одновременно во многих случаях все еще трудно провести различие между деянием «торговля людьми» и другими уголовными правонарушениями, вызывая трудности в процессе уголовного расследования и судебного разбирательства.

Так, положения нового Уголовного кодекса Вьетнама признают детьми лиц в возрасте до 16 лет. В то время как в соответствии с Протоколом о предупреждении и пресечении торговли людьми ООН детьми являются лица в возрасте до 18 лет. В связи с этим для унифицирования международного определения целесообразно уголовно-правовую охрану осуществлять в отношении лиц, не достигших 18-летнего возраста.

Уголовный кодекс устанавливает строгие санкции за торговлю людьми, такие как лишение свободы на срок от 5 до 20 лет вплоть до пожизненного лишения свободы (если преступление совершено в отношении лиц, не достигших 16-летнего возраста), а также может быть наложен штраф в размере от 20 до 100 млн донгов, запрет занимать определенные должности или заниматься определенной работой на срок от 1 года до 5 лет или конфискация имущества (полная или частичная).

Изменения уголовного законодательства свидетельствуют о том, что в стране законодательство в борьбе с торговлей людьми стало ближе к международным нормам. Правительство продолжает организовывать подготовку квалифицированных сотрудников по вопросам борьбы с торговлей людьми и построению механизмов межсекторального сотрудничества. Так, Вьетнам подписал меморандум о взаимопомощи с 11 странами и обновил соглашение с Малайзией о запрете изъятия работодателями документов рабочих (паспорта, визы).

В 2015 г. Правительство Вьетнама добилось прогресса в создании электронной базы данных для ведения статистических данных о торговле людьми. Правительство также

направило международные делегации в другие страны для участия в расследовании по каждому делу о принудительном труде граждан Вьетнама, в том числе в Камбоджу, Китай, Казахстан, Лаос, Польшу, Россию, Сингапур, Таиланд, Англию и другие страны.

ЛИТЕРАТУРА

1. Вопросы–ответы о Законе о предупреждении и борьбе с торговлей людьми / Департамент юстиции провинции. – Ланг Сон, 2010.

2. *Нгуен Там Тхань*. Современные проблемы борьбы с преступлениями, связанными с торговлей людьми во Вьетнаме // Криминологический журнал Байкальского государственного университета экономики и права. – Иркутск: Изд-во БГУЭП. – 2014. – № 2 (28). – С. 217–220.

3. *Нгуен Хкак Хай*. Торговля людьми во Вьетнаме в период рыночных реформ // Бизнес в законе. – 2007. – № 4. – С. 96–97.

4. Сборник методических пособий по борьбе с незаконным ввозом мигрантов. – Нью-Йорк, 2011. – URL: http://www.unodc.org/documents/human-trafficking/Migrant-Smuggling/UNODC_2010_Toolkit_to_Combat_Smuggling_of_Migrants_RU.pdf

5. The Secretary of State for the Home Department, First annual report of the Inter-Departmental Ministerial Group on Human Trafficking, Oct. 2012. – URL: http://ec.europa.eu/anti-trafficking/publications/first-annual-report-inter-departmental-ministerial-group-human-trafficking_en

ПРОБЛЕМА КОНТРОЛЯ ЗА ОБОРОТОМ ОРУЖИЯ И ЕВРОПЕЙСКИЙ ОПЫТ ЕЕ ПРАВОВОГО РЕШЕНИЯ

М.И. Муркилис

*кандидат юридических наук, доцент
кафедры уголовного права, уголовного процесса
и криминалистики
Российского университета дружбы народов*

Проблема международно-правового контроля за оборотом оружия и специальных средств в современных условиях имеет особое значение. Развитие технологий, сверхскоростная глобализация всех сфер жизни, к сожалению, не приводят к сокращению насилия между людьми. Количество вооруженных конфликтов в мире в конце XX – начале XXI в. существенным образом не уменьшается. Как указывает В.В. Лунев, насилие в современном мире растет и изощренно использует все достижения науки и техники [8, с. 399]. «Самым опасным и широко распространенным насилием в современном мире, – отмечает ученый, – является совершение преступлений против жизни и здоровья людей с применением холодного и огнестрельного оружия, гранат, мин и других взрывных устройств, в том числе радиоуправляемых, с часовыми механизмами, вмонтированных в бытовые приборы, игрушки и другие предметы» [8, с. 444]. Причинами тому является легкая доступность соответствующих предметов и высокая эффективность их применения в достижении криминальных целей.

Может показаться, что после выбора во второй половине XX в. большинством развитых государств гуманитарных

ценностей в качестве основного вектора дальнейшего развития в мире должны были сократиться объемы оборота предметов вооружений и специальных средств. Однако эти предположения ошибочны. Частичное сокращение оборота оружия и спецсредств произошло лишь в региональном масштабе.

В целом же само по себе сверхвыгодное и весьма высокодоходное криминальное явление, выраженное, как правило, в купле-продаже оружия и спецсредств, не сошло на нет. Процессы глобализации, вызвавшие среди прочего рост трансграничной, транснациональной и организованной преступности, способствовали и росту рынка нелегального оборота оружия. Специалисты подчеркивают, что совокупность геополитических причин привела к тому, что именно в конце XX в. произошли серьезные изменения в оружейном бизнесе и сформировалась современная мировая система торговли оружием [13, с. 3].

Доступность оружия и боеприпасов во всех регионах мира приводит к человеческим страданиям, росту репрессий, преступности и террора среди гражданского населения. По оценкам ООН, от 40 до 60% мировой торговли стрелковым оружием является незаконной [11].

Ввиду вышесказанного на межгосударственном уровне потребовались скоординированные взаимные усилия для организации контроля в этой сфере. Преступления в сфере оборота оружия сегодня относятся к разряду так называемых конвенционных преступлений, поскольку ответственность за них регламентирована договорными отношениями в сфере международного права. Привлечение к уголовной ответственности во исполнение соответствующих международных обязательств происходит на основании национальных уголовно-правовых запретов. Проблема незаконного оборота оружия, справедливо отмечается в литературе, является одновременно внутригосударственной и общемировой [6, с. 42].

Известно, что даже самое плодотворное международное сотрудничество не сможет разрешить существующие проблемы, если на внутригосударственном уровне контроль за оборотом оружия и специальных средств слабо организован. Между тем роль международной координации не следует недооценивать. Как отмечается в одном из докладов Генерального секретаря ООН по проблемам борьбы с незаконным оборотом оружия, всем государствам – членам этой организации следует оказывать помощь другим государствам в пресечении незаконного оборота оружия [3].

Результаты совместной многосторонней работы над созданием международно-правовых механизмов контроля за оборотом оружия на сегодняшний день выразились в принятии ряда международных документов регионального и универсального характера. В рамках настоящей публикации сосредоточим внимание лишь на некоторых из них, содержание которых предопределяет современное состояние и перспективы развития сотрудничества в исследуемой сфере на европейском пространстве.

Одним из первых юридических документов наднационального уровня в сфере контроля за оборотом оружия стала Европейская конвенция о контроле за приобретением и хранением огнестрельного оружия частными лицами, принятая в 1987 г. [4]. Этим документом договаривающиеся стороны определили обязанности оказания друг другу взаимной помощи через соответствующие административные органы в целях борьбы с незаконной торговлей огнестрельным оружием, поиска и обнаружения огнестрельного оружия, перемещенного с территории одного государства на территорию другого (ст. 2). В соответствии со ст. 4 Конвенции ее положения не применимы к ситуациям торговли оружием, осуществляемым специальными субъектами (государствами или лицами, действующими по поручению государств).

Для облегчения международного взаимодействия Конвенция определила ряд ключевых понятий. Так, в п. 1 При-

ложения 1 к документу содержится определение огнестрельного оружия, под которым предлагается понимать:

1) любой предмет, (i) изготовленный и приспособленный в качестве оружия, из которого могут быть выпущены свинец, пуля или другой снаряд или вредоносное газовое, жидкое или иное вещество с помощью взрывного, газового или воздушного давления или других способов, и (ii) соответствующий одному из перечисленных ниже описаний, при этом понимается, что пп. от «а» до «f» включительно, а также пп. «i» содержат лишь предметы со взрывной тягой:

- а) автоматическое оружие;
- б) короткоствольное, полуавтоматическое, многозарядное или однозарядное ружье;
- с) длинноствольное, полуавтоматическое или многозарядное оружие хотя бы с одним нарезным стволом;
- д) длинноствольное, однозарядное оружие хотя бы с одним нарезным стволом;
- е) длинноствольное, гладкоствольное, полуавтоматическое или многозарядное оружие;
- ф) переносные ракетные пусковые устройства;
- г) любое оружие или иное устройство, представляющее опасность для жизни или здоровья людей посредством выброса веществ токсичных, едких или одурманивающих;
- h) огнемет для нападения или обороны;
- i) длинноствольное, однозарядное, гладкоствольное оружие;
- j) длинноствольное оружие с использованием газа для выброса заряда;
- к) короткоствольное оружие с использованием газа для выброса заряда;
- l) длинноствольное, пневматическое оружие;
- т) короткоствольное, пневматическое оружие;
- п) оружие с использованием только пружины для выброса заряда;

2) ударно-спусковой механизм, патронник, барабан, или ствол любого вышеуказанного предмета;

3) любой заряд, явно предназначенный для выброса с помощью предметов, указанных в пп. от «а» до «f» включительно, «i», «j», «k» или «n» в п. 1, а также любое вещество или материал, явно предназначенные для выброса с помощью предметов, указанных в пп. «d» п. 1;

4) оптические прицелы с подсветкой или оптические прицелы с электронным светоусилительным или инфракрасным устройством, предназначенные для установки на одном из предметов, указанных в п. 1;

5) глушитель для насадки на любой предмет, указанный в п. 1;

б) любая граната, бомба или иной снаряд, содержащий взрывное или зажигательное устройство.

При этом из разряда огнестрельного оружия, перечисленного выше, согласно положениям Конвенции, подлежат исключению следующие предметы:

а) ставшие окончательно непригодными к употреблению;

б) которые не подпадают из-за слабой мощности под контроль в стране их происхождения;

в) изготовлены в целях подачи сигнала тревоги, другого сигнала, проведения спасательных работ, убоя скота, охоты или рыбной ловли с помощью гарпуна либо в промышленных или технических целях при условии, что они могут быть использованы только для указанных целей.

Как можно заметить, столь объемное определение оружия построено на описании видовых характеристик предмета. Однако самой дефиниции, определяющей сущностные черты оружия, в исследуемом международном правовом акте не содержится.

В Приложении к анализируемому международному документу содержится описание разновидностей и характеристик оружия, используемых в самом тексте Конвенции. Так,

под «автоматическим» оружием для целей Конвенции предлагается понимать такое оружие, которое способно выстреливать очередями каждый раз при нажатии спускового крючка; под «полуавтоматическим» оружием – выстреливающее по одному заряду при каждом нажатии на спусковой крючок. «Многозарядное» оружие описано как требующее, помимо нажатия на спусковой крючок, использовать спусковой механизм при производстве каждого выстрела. «Одноразовым» в документе названо такое оружие, ствол или стволы которого должны заряжаться перед каждым выстрелом. Помимо этого договаривающиеся стороны определили, какое оружие следует считать «короткоствольным» и «длинноствольным». В первом случае это такое оружие, длина ствола которого не превышает 30 см или вся длина такого оружия составляет не более 60 см. В случае превышения указанных характеристик оружие следует признавать длинноствольным.

Результаты изучения Приложения к Конвенции, как подчеркивают исследователи, позволяет заметить, что по смыслу этого документа контролю за приобретением и хранением огнестрельного оружия подлежит не только непосредственно огнестрельное оружие в том значении, как это принято понимать в нашей стране, но в том числе газовое и пневматическое оружие, а также основные части, боеприпасы и патроны к нему [1; 9 и др.].

Важным достижением Конвенции явилось установление системы учета за приобретением оружия частными лицами. В частности, договаривающиеся стороны определили, что приобретение оружия частным лицом на территории другого государства – участника Конвенции возможно лишь в случае наличия согласия на совершение этой сделки между властями страны, где приобретается оружие, и страны, гражданином которой является это лицо. При этом если предметы, определяемые в Конвенции в качестве огнестрельного оружия, продаются, перемещаются или иным

образом передаются лицу, проживающему на территории другого государства, то в этом случае государство, на территории которого происходили подобные операции, уведомляет об этом страну – участницу Конвенции, гражданином которой является гражданин – приобретатель оружия (в том числе посредством передачи подобных уведомлений посредством Международной организации уголовного розыска (Интерполом)).

Следует заметить, что в современных условиях вопросы правового регулирования приобретения оружия иностранными гражданами в Российской Федерации решены схожим образом с правилами Европейской конвенции. Так, в ст. 14 Федерального закона от 13.12.1996 г. № 150 «Об оружии» определено, что иностранные граждане могут приобретать на территории Российской Федерации гражданское оружие по лицензиям, выданным федеральным органом исполнительной власти, уполномоченным в сфере оборота оружия, на основании ходатайств дипломатических представительств иностранных государств в Российской Федерации, гражданами которых они являются, при условии вывоза ими оружия из Российской Федерации не позднее 10 дней со дня приобретения оружия [12]. И хотя на сегодняшний день Россия не ратифицировала положения Европейской конвенции 1978 г., сам факт подписания этого документа свидетельствует о серьезных намерениях и взятых нашей страной на себя обязательствах, исполнение которых имеет важное политико-правовое значение.

В свою очередь, нельзя не заметить, что выбор российских властей в пользу нератификации положений Европейской конвенции 1978 г. не свидетельствует об игнорировании международного опыта или неподготовленности правовой базы для реализации положений Конвенции. Напротив, Российская Федерация, используя в своем законодательстве несколько иной подход к определению оружия, на национальном уровне устанавливает более широкие гарантии за-

щиты. Специалисты отмечают, что различия в сферах правового регулирования сферы незаконного оборота оружия на национальном и региональном уровнях, включая не единообразный подход сторон к ключевым понятиям, во многом затрудняет международное сотрудничество [5, с. 19].

Между тем исследователи проблем международно-правового регулирования оборота оружия отмечают, что содержащийся в Европейской конвенции о контроле за приобретением и хранением огнестрельного оружия частными лицами понятийный аппарат, наряду с закрепленными в ней механизмами учета и уведомления за оборотом оружия, определяющими усложненный порядок его приобретения, существенно повысил эффективность международного сотрудничества в сфере борьбы с незаконным оборотом оружия [10, с. 48], а сам этот международный документ регионального характера внес значительный вклад в укрепление международной безопасности [13, с. 8].

Активное развитие международного сотрудничества в исследуемой сфере продолжилось, что отразилось на расширении его нормативно-правовых границ.

В частности, 18 июня 1991 г. Советом Европейских Сообществ была принята Директива № 91/477/ЕЭС «О контроле за приобретением оружия и владением оружием» [2]. Ее принятию, как известно из истории развития европейского права, способствовал ряд обстоятельств, наиболее значимыми из которых можно назвать создание свободного рынка товаров и услуг, упразднение таможенных и полицейских формальностей на границах стран внутри Сообщества, потребности в унификации законодательства в части ответственности за незаконный оборот оружия, определении понятий и установлении юридических границ законного оборота оружия и др.

В указанном европейском законодательном акте определено понятие огнестрельного оружия, под которым понимается любое ручное ствольное оружие, которое выстреливает дробь, пулю или иной снаряд под действием приводя-

щего их в движение воспламеняющегося заряда либо которое предназначено или может быть трансформировано для этого, кроме оружия, исключенного по одному из оснований, перечисленных в ч. III Приложения I¹.

Кроме того, в Директиве № 91/477/ЕЭС получили закрепление понятия, описывающие конструктивные элементы оружия, боеприпасы, категории лиц, включенных в сферу оборота оружия, осуществляемые в сфере контроля за оборотом оружия действия и др. (деталь, существенная часть, боеприпас, отслеживание, маклер, оружейник).

Среди иных положений нормативного правового акта, имеющих важное значение, особое внимание в контексте предмета настоящего исследования следует уделить терминологии, используемой европейским законодателем для описания незаконных действий с оружием. Речь идет о зафиксированных в п. 2bis и 2ter определениях незаконных производства и оборота оружия.

Так, под незаконным производством оружия в Директиве понимается производство или сборка огнестрельного оружия, его деталей и боеприпасов:

i) из любой существенной части огнестрельного оружия, являвшейся объектом незаконного оборота;

ii) без разрешения, выданного согласно ст. 4 компетентным органом государства-члена, в котором осуществляется производство или сборка; или

iii) без маркировки собранного огнестрельного оружия в момент его производства согласно § 1 ст. 4.

Незаконный оборот оружия определен как приобретение, продажа, поставка, транспортирование или передача

¹ Перечень подобных исключений в целом совпадает с теми, что отражены в Приложении к Европейской конвенции 1978 г. Отличает в этом отношении Директиву № 91/477/ЕЭС указание на то, что не могут быть отнесены к огнестрельному оружию предметы, рассматриваемые в качестве антикварного оружия или его копий в той мере и с учетом того, как это урегулировано национальным законодательством.

огнестрельного оружия, его деталей или боеприпасов с территории или по территории одного государства-члена на территорию другого государства-члена, если любое из соответствующих государств-членов не разрешает это согласно положениям настоящей Директивы либо если собранное огнестрельное оружие не маркировано согласно § 1 ст. 4.

Одним из наиболее значимых положений, содержащихся в Директиве № 91/477/ЕЭС, с точки зрения повышения эффективности борьбы с незаконным оборотом оружия является требование внутригосударственной маркировки, а также создания компьютеризированной системы учета и регистрации огнестрельного оружия. Это, по мнению разработчиков документа, должно позволить любому государству – члену Сообщества с легкостью оперативно установить собственника огнестрельного оружия¹. Для этого в Директиве дополнительно оговорено, приобретение и владение какого оружия запрещено (категория А), какое оружие подлежит санкционированию (категория Б), декларированию (категория С) или мерам отслеживания (категория D).

Таким образом, можно заключить, что общая для мирового сообщества проблема незаконного оборота оружия и контроля за его законным производством, перемещением и утилизацией решается на основании широкого спектра документов с различной степенью обязательности действия, значительную роль среди которых по праву занимают региональные (европейские) международные правовые акты. Благодаря им на международном уровне во многом удалось достичь договоренностей относительно базовых понятий, принципов и подходов в противодействии незаконному обороту оружия. Эти же документы, как следует из результатов изучения общеевропейской практики борьбы с оборо-

¹ По сути эта идея идет в развитие положений Брюссельской конвенции о взаимном признании испытательных клейм ручного огнестрельного оружия [7].

том оружия, показывают неплохую эффективность, поскольку позволяют учесть «местную» специфику рынка нелегальных вооружений. На сегодняшний день европейские международные документы в сфере контроля за оборотом оружия позволили достичь значительного прогресса в вопросах сокращения вооружений, минимизации криминальных рисков, уничтожения и контроля за оружием.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Дербюк З.Г.* Основания криминализации деяний, предусмотренных ст. 221, 226 и 229 УК РФ в международном уголовном праве // *Общество и право.* – 2013. – № 4. – С. 104–107.

2. Директива от 18.06.1991 № 91/477/ЕЭС «О контроле за приобретением оружия и владением оружием» // СПС «Право.ру». – URL: <http://docs.pravo.ru/document/view/21828759/21120417>

3. Доклад Генерального Секретаря ООН на 68-й сессии ООН «Организация государствам помощи в пресечении незаконного оборота и в сбыте стрелкового оружия и легких вооружений». – URL: <https://library.un.org>

4. Европейская конвенция о контроле за приобретением и хранением огнестрельного оружия частными лицами (ЕТС № 101) (заключена в г. Страсбурге 28 июля 1978 г.). Российская Федерация подписала документ (Постановление Правительства Российской Федерации от 10 декабря 1999 г. № 1373) // *Сборник документов Совета Европы в области защиты прав человека и борьбы с преступностью.* – М.: Спарк, 1998. – С. 140–147.

5. *Журавлев Р.А., Нечевин Д.К., Толстухина Т.В., Стандзюнь Л.В.* Имплементация норм международного права в сфере борьбы с коррупцией в российском законодательстве // *Известия Тульского государственного университета. Экономические и юридические науки.* – 2013. – № 3-2. – С. 10–27.

6. *Задоян А.А.* Незаконный оборот оружия: международно-правовой аспект // *Юрист.* – 2011. – № 14. – С. 41–47.

7. Конвенция о взаимном признании испытательных клейм ручного огнестрельного оружия (принята 1.07.1969 в г. Брюссель).

ле). Россия присоединилась к Конвенции (Постановление Правительства РФ от 20.11.1992 № 891 (в ред. от 8.12.2008)). Конвенция вступила в силу для России 3.11.1994 // Официальный интернет-портал правовой информации. – URL: <http://pravo.gov.ru/proxy/ips/?docbody=&nd=102019807&tdk=&backlink=1>

8. *Лунеев В.В.* Преступность XX века: мировые, региональные и российские тенденции. – М.: Волтерс Клувер, 2005.

9. *Никитина О.А.* Международно-правовое сотрудничество в борьбе с незаконным оборотом оружия: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. – М., 2002.

10. *Сошина Л.А.* Международно-правовые основы противодействия незаконному обороту оружия // Сибирский юридический вестник. – 2007. – № 3. – С. 46–49.

11. Стрелковое и легкое оружие и практическое разоружение. – URL: <http://www.un.org/ru/peace/disarmament/smallarms.shtml>

12. Федеральный закон от 13.12.1996 № 150 (в ред. от 29.07.2017) «Об оружии» // Собрание законодательства РФ. – 1996. – № 51. – Ст. 5681.

13. *Харуца А.* Актуальные проблемы международно-правового регулирования продажи оружия в современном мире: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. – Кишинев, 2011.

CYPRUS IS A CASE-STUDY OF MIGRATORY PHENOMENA

A. Vorea

MSc. Real Estate, Neapolis University (Cyprus)

Cyprus presents a migratory phenomena as they affect the island. There are several distinct yet overlapping migrations away from, into, and within the ‘divided island’, making it a multi-diasporic island space. The relative scale of migration is one of the highest in the EU-27: an ‘emigrant stock’ of 150,000, equivalent to 17 per cent of the island’s population, and an immigrant stock of 154,000, out of a total island population of 900,000.

Return migration, both of the first generation emigrants as ‘retirees’ and of the second generation as well-educated professionals wishing to relocate to their parental homeland; the British (post-)colonial migrants, who are soldiers connected to the military bases on the island and largely retired ‘expats’; and ‘new immigrants’ from a wide diversity of origins, including East European labour migrants and sex workers, Russian businessmen, Palestinian refugees, and Sri Lankan and Filipino domestic workers.

As a former UK colony, many Cypriots – both Greek and Turkish – migrated to the UK, as well as to other Commonwealth destinations including Australia, South Africa, Canada and the United States. It is estimated that the number of Cypriots living abroad approximates half the population of the island. The UK was a preferred choice during this period of postwar (1945) emigration for various reasons, such as familiarity with the colonial power and the economic boom in Britain at the

time, whilst Cyprus was moving into a sphere of greater political uncertainty and experiencing rural economic deprivation. Therefore, the (rather limited) literature on the Cypriot diaspora mainly focuses on the UK. Though a small number of Cypriots settled in the UK during the 1930s, the bulk of the migration took place during the 1950s and 1960s. The majority of Cypriot migrants to the UK came from a rural background, where family loyalty was paramount (Oakley 1979). Many had been forced to internally migrate to urban areas in Cyprus due to the stagnation of the rural economy, following the failure of the colonial government to provide resources and staff for the improvement of agriculture. However, the government's support of local industrial development failed too; hence the high levels of unemployment and the instability in the urban labour market encouraged the Cypriots to seek material improvement elsewhere. A further wave of migration took place in 1974.

A separate set of migration dynamics – both internal and external – has resulted from the 1974 partition of the island and more recent moves to open up the Green Line dividing the Turkish and Greek sectors. In 1974 and subsequent occupation of 36,2% of the territory of Cyprus, 170,000 Greek Cypriots, who constituted 2/3 of the inhabitants of the occupied area, were forced to flee from their homes. According to the 1964 Land Registry Office Records, Greek Cypriots owned approximately 78% of the privately owned land in the territory now under Turkish occupation, while persons belonging to the Turkish Cypriot community owned approximately 21%.

The forcibly displaced persons from their main are to this day prevented by the Turkish armed forces from returning to their homes and peacefully enjoying their properties. However, under Human Rights Conventions, as well as international and national law, they retain their title to their property in the occupied part of Cyprus, whilst in the government of Cyprus recognizes them as refugees as well as the descendants of the original refugees in the male line regardless of place of birth.

All the refugees that needed state assistance for housing received it 40 and 30 years ago; many were given houses in refugee estates, others were given state land to build on and others cash assistance to build their own house. The housing programs for refugees should have ended 20 years ago.

The problem is that Cyprus politicians made refugee status a hereditary right and there are now twice as many refugees as there were in 1974, all eligible for housing assistance. They have created a sense of entitlement that cannot end. Now, the children of the 1974 refugees are applying to government housing schemes and, in a few years, their grandchildren will be doing the same.

After financial crises of 2013 people with refugee IDs became not the only citizens of Cyprus eligible for housing assistance from the state. A lot of Cypriots lost their jobs, unemployment rate is 11% (2017). This is the issue that Cyprus politicians should be solving instead of talking about the injustices suffered by people that were not even born in 1974 and should never have been classed as refugees. If the state has to provide housing assistance, applicants should be means-tested because there are many people on low incomes more deserving of help than people with refugee IDs. The government of Cyprus must reconsider the housing policy, which should not be exclusively for the benefit of so-called refugees.

The arrival and presence of migrants, together with the island's accession to the EU in 2004 and the failure so far to resolve the Cyprus problem, are factors that have shaped the institutional and political climate since.

As it is known, Cyprus, due to its geographical location, its political problems and that it is the most accessible member of the European Union for many countries, it is one of the most accessible points of entry for migrants, the large numbers of which cause Cyprus large and serious problems.

Moreover, Cypriot society is faced with new challenges such as problems of racism, xenophobia, social exclusion and

discrimination towards migrants as well as other vulnerable groups. It is a phenomenon which has to be solved on an international level.

The question of multiculturalism is now a vital element in educational reform; questions around hybridity and inter-ethnic marriages have emerged. Furthermore, there are questions that require scrutiny of the structural, socio-economic and political institutions to address discriminatory patterns.

Much attention is paid nowadays to the program “Positive Images” which was to do with the preparation and use of educational material in Primary Schools in order to try and encourage the children to adopt a more positive approach towards migrants.

Mass tourism, the expansion of the service sector, including offshore companies, and considerable financial investment from Lebanese refugees drove the economic growth experienced in southern Cyprus during the 1980s and 1990s; an ‘economic miracle’ which, as mentioned earlier, was partly made possible by the cheap labour supplied by the Greek-Cypriot refugees, who fled from the northern part of the island. Cyprus’ transformation to a prospering service society led to a demand for menial, low-pay labour that exceeded the supply of the native population. Consequently, restrictive immigration policies have been abandoned and during the 1990s Cyprus started granting a large number of temporary work visas to foreign workers.

Additionally, there are political and global factors that opened the doors to migrants. The collapse of the Soviet Union and the sweeping away of communist regimes throughout its satellite states brought many Eastern Europeans, both business people as well as temporary workers, to Cyprus. This was linked with the migration of a large number of Pontic Greeks from the Caucasus region who received Greek nationality and were, thus, able to migrate to Cyprus with minimum formalities.

Pontian migration to Cyprus started in the early 1990s and the number of Pontian Greeks in Cyprus was estimated in 2004

at around 12,000, of whom about two-thirds live in Paphos, in a specific area which is frequently referred to as the ‘Greek Pontian ghetto’. Although most of them were skilled workers, they entered the labour market as unskilled workers, with the men mainly working in construction and the women in retail, hotel and cleaning services. Despite their official Greek identification, they frequently fall victim of prejudice and discrimination. Often stereotyped in public discourse and by the media as ‘troublemakers’ and ‘criminals’, Greek Pontians have been treated with xenophobia and racism by Greek Cypriots (Gregoriou 2009). In fact, the term ‘Russo-Pontiacs’ (Rossopóntii) is often used when denoting criminal activity, whilst ‘Greek-Pontians’ (Ellinopóntii) is the preferred nomenclature when emphasising the aspect of Greek ethnicity.

While half of the Greek Pontians in Cyprus are women, this group is almost always gendered as ‘male’, whether in reference to their alleged ‘trouble-making’ (police reports, school disobedience, youth violence etc.), or to the Pontian men who express the ‘voice of the community’ or ‘talk back’. Pontian women, on the other hand, are invisible or mute as workers (being employed in positions such as hotel maids, saleswomen in large department stores or in food-chain shops), and as mothers and wives. Their ‘silence’ may be due to the fact that the Pontian family seems more patriarchal and ‘traditional’ than the Cypriot family, though no empirical material is available to confirm this.

Nevertheless, compared to some other migrant groups in Cyprus, the Pontic Greeks are in a relatively advantageous position since, although generally low-paid and excluded, they hold permanent residency, and hence cannot be expelled from the country. They have an 18 Greek citizens (including Greek passport holders of Pontic origin) enjoy permanent residence rights as well as the right to work in Cyprus. 17 active community life, with a number of cultural and social associations. Furthermore, their Greek language skills are often much better (if not fluent),

which, in theory, facilitates better social integration as well as active participation in trade unions.

Russians, Yugoslavs (primarily Serbs), Bulgarians and Romanians were also attracted to Cyprus because of their common religion (Christian Orthodoxy). The war in Yugoslavia in 1999 also brought a significant number of Serbs to Cyprus. Several thousands of the Eastern Europeans in Cyprus are wealthy businesspeople working in offshore industries. Prior to its accession to the EU, Cyprus was the only country allowing Russian nationals to enter without visas in an effort to attract business, holidaymakers and capital. After its EU accession, Cyprus was forced to adopt a more restrictive policy. However, many of those who came to Cyprus in the 1990s reside under a temporary residence permit, which is easily renewable provided that they operate or hold a position in a business enterprise in Cyprus.

The Russian community in Cyprus is quite large and well organised, active in the fields of business, education and culture, with its own newspapers and magazines and private Russian schools, particularly in the coastal town of Limassol. However, many of these activities and institutions are run by private companies, aimed at the wealthier business community. The less affluent Russian and other Russian-speaking migrant workers are more organised around religion, particularly the Russian Church of Limassol, where sermons are delivered in various Slavic languages, and attended by Russians, Serbs and sometimes Pontian Greeks. The church acts as a cultural and social meeting place and offers advice to migrants about their rights. The church has also founded a shelter for victims of sex-trafficking, who mostly come from the former USSR and other eastern European countries.

Alliantza Romana, a group founded in 1995 by Romanian immigrants, organises social and cultural activities for the (largely) female Romanian migrants, in association with the Romanian Embassy and the Romanian Church. Another small group active in the field of culture and social networking is The Cyprus-Bulgarian Friendship Association.

The long-running unrest in the Middle-East region and especially in Israel and Palestine has contributed to the influx of both economic migrants as well as political refugees from these regions, many from affluent backgrounds. In recent years, Lebanese and Palestinians have become two of the largest groups of migrants to Cyprus, whilst since the turn of the 21st century smaller numbers of economic migrants from other parts of the Middle East and North Africa have arrived. Nicosia has a well-established Arab community, which is reflected by the wide range of community centres, restaurants, shops etc. that can be found across the capital. There has been observed a dominant tendency amongst their participants (both first- and second-generation migrants) of dissociation from the status of ‘immigrant’. Rather, they preferred to identify themselves as ‘cosmopolitans’, a discourse, they claim, which was much more widespread amongst the Arab community in Cyprus, than in any of the other European countries.

Female migrants from South and East Asia (especially Sri Lanka and the Philippines) –are mainly employed as domestic workers. Asian men tend to be employed in agriculture, construction or manufacturing. The Asian domestic and agricultural workers are generally the lowest-paid migrant workers in Cyprus. While the domestic workers – being a rather large community, of the same gender, mainly residing in urban areas – are fairly active in self-help groups and social networks, such activities are low amongst the male agricultural workers, mainly because they reside in countryside locations, away from the urban centres. This isolation may also account for the fact that the widespread violations of their terms of work by employers often remain unpunished, resulting in long hours of work with little time for engaging in any form of civic activities.

Migrants from Eastern Europe – mainly from the Balkans – generally work in the trade and catering business and agriculture, or females as ‘artistes/dancers’ (prior to the collapse of the Eastern European Regimes the latter occupation was dominated by Filipino and Thai women).

Workers from Middle Eastern countries are concentrated in production, services and farming, with the exception of the Lebanese (and to a lesser extent the Jordanians), who include a large proportion of managers/qualified personnel and technicians.

Finally, it is important to consider the significant number of migrants from various western countries in Europe and the US – including the large British expatriate community, the military staff, and the returnees from the diaspora – groups which have, combined with recent forces of globalisation and mass tourism, to a certain extent ‘Anglicised’ and ‘Europeanised’ the island.

Today the English language has significantly penetrated into day-to-day and is widely used for social and professional exchange on the island, albeit without enjoying official status, as well as being the lingua franca of the large numbers of foreign residents from other countries including, inter alia, Sri Lankans, Filipinos and refugees from Africa. It is worth noting that these developments have provided many foreign-born Cypriot ‘returnees’ with an accommodating social and professional setting.

Thus far, our overview has drawn attention to the rapid social transformation that Cyprus has undergone over the last decades in terms of migration – a development that has changed the social and cultural fabric of everyday life in Cypriot society. Today, Cyprus has a large and diverse migrant population – diverse in terms of social, cultural and economic background, as well as in terms of migrants’ social position in contemporary Cyprus. These various migrant ‘waves’ and diasporas all inhabit the island space that is Cyprus.

Furthermore, the development of relationships between members of various migrant groups, and the impact that migrants and multi- and intercultural spaces have on the social, cultural and political fabric of the ‘host’ society, have been left unexplored. The island of Cyprus with its vibrant and newly emerging sociocultural context, and its highly diverse migrant population, serves as an ideal space to observe such new proc-

esses. From these developmental aspects of Cyprus' contemporary evolution derives the hypothesis of Cyprus as a 'multi-diasporic space' (or as a home for various 'multidiasporic spaces').

The idea of the multidiasporic space can be explored on various levels. On an island-wide level, Cyprus is exemplary as a multi-diasporic space, with migrants from various countries of origin (Eastern European, Balkan, Asian, Middle Eastern etc., as well as British 'expats' and those with 'hyphenated belongingness', such as British-born Cypriots and Cypriot 'return' migrants from the wider Anglophone world) contributing to its cultural and social fabric and associated politics of identification.

Hence, rather than looking at the various migrant and diasporic groups in isolation from each other, Cyprus today should also be explored as a multi-diasporic space, which, in turn, is made up by various sub-multi-diasporic spaces that overlap, interact and influence one another – moving beyond primordial cultural referents, challenging the simple dichotomy of 'home' versus 'away' and revealing new similarities (and differences). The relatively small scale of an 'island-space' such as Cyprus – which is also a highly complex insular, multi-diasporic space – has the potential to illustrate the building blocks for new, contemporary, ways and spaces of belonging.

ЗАЩИТА ИНФОРМАЦИОННЫХ ПРАВ ДЕТЕЙ МИГРАНТОВ

А.В. Остроушко

*кандидат юридических наук, доцент,
доцент департамента «Правовое регулирование
экономической деятельности»
Финансового университета при Правительстве РФ*

Вопросы информационной безопасности несовершеннолетних становятся основополагающими при развитии в ходе построения современных институтов социализации, образования и просвещения нового поколения. Основное направление правового регулирования в данной области направлено на защиту ребенка от дестабилизирующего воздействия информационной продукции и создания позитивной информационной среды для его развития. По мнению профессора И.М. Рассолова, в настоящее время наблюдается процесс закрепления в нормативных правовых актах новых блоков общественных отношений [5], в связи с чем информационные права ребенка и вопросы его защиты в виртуальном пространстве, несомненно, должны найти свое адекватное отражение в российском законодательстве.

Это относится абсолютно к любым детям, находящимся на территории Российской Федерации. Статистика показывает, что в настоящее время в нашу страну прибыло довольно большое количество детей из стран бывшего Советского Союза. Эти дети в школе, социальных сетях при общении со сверстниками входят в нашу информационную среду, однако проблема заключается и в том, что дети-мигранты зачастую плохо владеют русским языком, а дома

чаще вообще не говорят по-русски и замкнуты в среде своих соотечественников. Такое положение дел способствует тому, что эти дети, попав на территорию России, все равно не разрывают связь с информационной средой своего отечества. Соответственно, угрозы информационной безопасности и риски для них гораздо выше, чем для российских детей, однако это не нашло отражение в действующем законодательстве.

В марте 2016 г. Комитет министров Совета Европы, членом которого является Россия, принял Стратегию Совета Европы по обеспечению прав ребенка (2016–2021 гг.) [7] (далее – Стратегия). Документ продолжил серию международных актов о правах несовершеннолетних, таких как: Декларация прав ребенка (принята 20.11.1959 Резолюцией 1386 (XIV) на 841-м пленарном заседании Генеральной Ассамблеи ООН) [4]; Конвенция о правах ребенка (заключена 20.11.1989) [1]; Европейская конвенция об осуществлении прав детей (заключена в г. Страсбурге 25.01.1996) [3]; Конвенция о юрисдикции, применимом праве, признании, исполнении и сотрудничестве в отношении родительской ответственности и мер по защите детей (заключена в г. Гааге 19.10.1996) [6]; Модельный закон об основных гарантиях прав ребенка в государстве (принят в г. Санкт-Петербурге 16.10.1999 Постановлением № 14-9 на 14-м пленарном заседании Межпарламентской Ассамблеи государств – участников СНГ) [2].

В целом стратегия направлена на рассмотрение всех категорий прав человека и подтверждает приверженность Совета Европы и государств – членов Совета Европы сделать эти права реальностью для всех детей. Конвенция охватывает пять приоритетных областей, гарантирующих права ребенка, такие как:

- 1) равные возможности для всех детей;
- 2) содействие всем детям;
- 3) жизнь без насилия для всех детей;

- 4) правосудие, отвечающее интересам всех детей;
- 5) соблюдение прав ребенка в цифровом пространстве.

Данная Стратегия не имеет юридически обязывающего характера и не создает для России обязательств по немедленной интеграции ее положений в свое внутреннее законодательство. Однако ее положения напрямую затрагивают права ребенка в мире цифровых технологий, вопросы участия несовершеннолетних в информационной среде, а также защиту детей от угроз информационной среды.

Заметим, что в Российской Федерации уже сформировалась определенная правовая база, направленная на обеспечение информационной безопасности несовершеннолетних. Ее основой являются: Федеральный закон от 24.07.1998 № 124-ФЗ «Об основных гарантиях прав ребенка в Российской Федерации», Национальная стратегия действий в интересах детей на 2012–2017 гг. (утверждена Указом Президента РФ от 1.06.2012 № 761), Концепция долгосрочного социально-экономического развития Российской Федерации на период до 2020 г. (утверждена распоряжением Правительства РФ от 17.11.2008 № 1662-р), Концепция демографической политики Российской Федерации на период до 2025 г. (утверждена Указом Президента РФ от 09.10.2007 № 1351).

Вопросы безопасности (в том числе информационной) несовершеннолетних нашли свое отражение в Указе Президента РФ от 31.12.2015 № 683 «О Стратегии национальной безопасности Российской Федерации», Федеральном законе от 29.12.2010 № 436-ФЗ «О защите детей от информации, причиняющей вред их здоровью и развитию», Концепции информационной безопасности детей (Распоряжение Правительства РФ от 02.12.2015 № 2471-р), Доктрине информационной безопасности Российской Федерации (Указ Президента РФ от 05.12.2016 № 646) и ряде других актов.

Концепция информационной безопасности детей одними из приоритетных задач государственной политики в об-

ласти информационной безопасности детей указала: формирование у детей навыков самостоятельного и ответственного потребления информационной продукции; повышение уровня медиаграмотности детей; формирование у детей позитивной картины мира и адекватных базисных представлений об окружающем мире и человеке; ценностное, моральное и нравственно-этическое развитие детей; воспитание у детей ответственности за свою жизнь, здоровье и судьбу, изживание социального потребительства и инфантилизма; усвоение детьми системы семейных ценностей и представлений о семье; развитие системы социальных и межличностных отношений и общения детей; удовлетворение и развитие познавательных потребностей и интересов ребенка, детской любознательности и исследовательской активности; развитие творческих способностей детей; воспитание у детей толерантности; развитие у детей идентичности (гражданской, этнической и гендерной); формирование здоровых представлений о сексуальной жизни человека.

Особо актуальны данные положения для детей мигрантов, так как они попадают в незнакомую им информационную среду и могут стать легкой наживой для всевозможных злоумышленников, чья деятельность происходит в Интернете. Не стоит упускать из виду, что дети-мигранты владеют своим родным языком и, находясь на территории нашей страны, могут быть вовлечены в противоправную деятельность извне, так как Интернет и социальные сети широко используются для разжигания вражды, радикализации и распространения идеологии терроризма среди молодежи.

В качестве ответных мер Совет Европы продолжит кампанию по борьбе с разжиганием вражды (No Hate Speech Movement Campaign of Young People for Human Rights Online [8]). Российское государство должно закладывать в сфере образования мигрантов соответствующие программы по борьбе с пропагандой или агитацией, возбуждающие социальную, расовую, национальную или религиозную нена-

висть и вражду, а также с пропагандой социального, расового, национального, религиозного или языкового превосходства. Концепция информационной безопасности детей Российской Федерации, к сожалению, не затрагивает вопросы информационной безопасности детей мигрантов, подразумевая, что это обязанность контролирующих и правоохранительных органов. К сожалению, полномочия последних ограничены только деятельностью по пресечению фактов незаконного распространения на территории страны печатной и аудиовизуальной продукции, запрещенной к обороту законодательством Российской Федерации, в том числе пропагандирующей культ насилия и жестокости, порнографию, экстремистскую деятельность, потребление наркотических средств и психотропных веществ, а также информационной продукции, запрещенной или ограниченной для реализации несовершеннолетним.

Однако означенная деятельность не всегда имеет признак публичности и не обязательно для этого использовать печатную и аудиовизуальную продукцию. Современные информационные технологии позволяют оказывать негативное персональное воздействие через личные разделы в Интернете, электронные адреса, мессенджеры и т.п. В связи с этим актуальным становится создание ориентированных на детей мигрантов ресурсов в Интернете. По нашему мнению, это должны быть не только соответствующие сайты, но и специальные приложения для мобильных устройств, в том числе доверенные зоны персональной коммуникации, позволяющие реализовать все возможности по защите детей мигрантов от информации, причиняющей вред их здоровью и развитию.

Назрела необходимость совершенствования российского законодательства, в частности, должны быть решены некоторые частные проблемы информационной безопасности детей мигрантов.

ЛИТЕРАТУРА

1. Ведомости СНД СССР и ВС СССР. – 7.11.1990. – № 45. – Ст. 955.

2. Межпарламентская Ассамблея государств – участников Содружества Независимых Государств: Информационный бюллетень. – 2000. – № 23. – С. 134–154.

3. Международные акты о правах человека: сборник документов. – М.: Норма; ИНФРА-М, 2002. – С. 733–740.

4. Права и свободы личности. Библиотечка «Российской газеты» совместно с библиотечкой журнала «Социальная защита». – Вып. 11. – М., 1995. – С. 191–194.

5. *Рассолов И.М.* Информационное право и информационное законодательство в условиях инновационного развития // Актуальные проблемы российского права. – 2016. – № 4. – С. 92–96.

6. Собрание законодательства РФ. – 12.08.2013. – № 32. – Ст. 4297.

7. <https://rm.coe.int/CoERMPublicCommonSearchServices/DisplayDCTMContent?documentId=090000168066cff8>

8. <https://www.nohatespeechmovement.org/campaign>

**ПРОБЛЕМЫ ИЗБРАНИЯ МЕРЫ ПРЕСЕЧЕНИЯ
В ВИДЕ СОДЕРЖАНИЯ ПОД СТРАЖЕЙ
В ОТНОШЕНИИ ИНОСТРАННЫХ ГРАЖДАН,
ПОДОЗРЕВАЕМЫХ И ОБВИНЯЕМЫХ
В СОВЕРШЕНИИ ПРЕСТУПЛЕНИЙ**

Е.К. Даурембеков

*докторант PhD 2-го курса
кафедры уголовно-правовых дисциплин
юридического факультета
Евразийского национального университета
им. Л.Н. Гумилева*

Происходящие глобальные процессы в мировом сообществе привели к усилению контроля режима миграционных процессов для стран СНГ, в частности, Казахстана. Как видно, проведенные социально-экономические и политические реформы Республикой Казахстан коренным образом укрепили основы правового государства и миграционной политики.

Правовое положение иностранных граждан регулируется в ряде международных и национальных нормативно-правовых актах, таких как Венская конвенция о дипломатических сношениях 1961 г., Венская конвенция о консульских сношениях 1963 г., Международный пакт о гражданских и политических правах от 16 декабря 1966 г., Конвенция против пыток и других жестоких бесчеловечных или унижающих достоинство видов обращения и наказания (принята Резолюцией Генеральной Ассамблеи ООН 36/46 от 10 декабря 1984 г.), Конвенция о правовой помощи и правовых отношениях по гражданским, семейным и уго-

ловным делам (заключена в Минске от 22 января 1993 г.), Гражданский процессуальный кодекс РК от 31 октября 2015 г., Уголовно-процессуальный кодекс РК от 4 июля 2014 г., Закон РК «О миграции населения» от 22 июля 2011 г., Закон РК «О порядке и условиях содержания лиц в специальных учреждениях, обеспечивающих временную изоляцию от общества» от 30 марта 1999 г., и других нормативно-правовых актах и международных договорах.

В ст. 12 Конституции РК указано, что «иностранцы и лица без гражданства пользуются в Республике правами и свободами, а также несут обязанности, установленные для граждан, если иное не предусмотрено Конституцией, законами и международными договорами» [1]. Необходимо подчеркнуть, что в рамках исследуемой проблематики иностранные граждане, вследствие упущения срока пребывания на территории республики, пытаются всячески обойти препятствия и избежать требования закона.

Изучение отчета о состоянии законности в стране за 2016 г., предоставленный Комитетом правовой статистики и специального учета Генеральной прокуратуры РК, показало, что в результате проведенных проверок, связанных с миграционными процессами, органами прокуратуры выявлено 2471 (7674) нарушение законности. В итоге внесено 574 (707) акта реагирования, к различным видам ответственности привлечено 3867 (3738) лиц, в ЕРДР зарегистрировано 15 (15) фактов, а по актам надзора взыскано 12,8 млн тенге [5].

Сегодняшнее состояние и перспективы реализации уголовного судопроизводства непосредственно связано с реализацией его задач, в частности, пресечение, быстрое и полное раскрытие, расследование уголовных правонарушений, изобличение и привлечение к уголовной ответственности лиц, их совершивших. Предупреждение и профилактика преступности является одним из приоритетных задач уголовной политики Казахстана.

На сегодняшний день в действующем Уголовно-процессуальном кодексе РК (далее – УПК РК) ст. 147 предусмотрено применение меры пресечения в виде содержания под стражей, например, если подозреваемый, обвиняемый или подсудимый, обвиняется в совершении преступлений, за которые предусмотрено уголовное наказание не менее 5 лет лишения свободы, то лицо, осуществляющее досудебное расследование, выносит постановление о возбуждении ходатайства перед судом для дачи санкции на применение заключения под стражу.

При наличии одних из следующих оснований органами уголовного преследования применяется содержание под стражей, если:

- 1) он не имеет постоянного места жительства на территории Республики Казахстан;
- 2) не установлена его личность;
- 3) им нарушена ранее избранная мера пресечения или мера процессуального принуждения;
- 4) он пытался скрыться или скрылся от органов уголовного преследования или суда;
- 5) он подозревается в совершении преступления в составе организованной группы или преступного сообщества (преступной организации);
- 6) он имеет судимость за ранее совершенное тяжкое или особо тяжкое преступление;
- 7) имеются данные о продолжении им преступной деятельности [4].

Учитывая требования уголовно-процессуального законодательства, прокурор, согласовавшись с лицом, осуществляющее досудебное расследование о возбуждении ходатайства о санкционировании содержания под стражей, не позднее чем за 12 ч направляет его с подтверждающими материалами в суд. Изучение правоприменительной практики следственных судей по санкционированию меры пресечения в виде экстрадиционного ареста в районном суде № 2

Алматинского района, в районном суде № 2 Есильского района, в районном суде № 2 Сарыаркинского района г. Астаны выглядят следующим образом: за 2015 г. – 10, 2016 г. – 28, а за первое полугодие 2017 г. – 7.

Представляется заслуживающей внимания точка зрения профессора А.П. Рыжакова, который утверждал, что «мотив задержания – это наличие опасений, что лицо скроется от дознания, предварительного следствия или суда; может продолжать заниматься преступной деятельностью; может угрожать свидетелю, иным участникам уголовного судопроизводства, уничтожить доказательства либо иным путем воспрепятствует производству по уголовному делу» [3]. В действительности существует возможность потерять из поля зрения незаконно находящиеся иностранных граждан и лиц без гражданства, что создает им реальные условия для девиантного поведения. Избрание меры пресечения в виде заключения под стражу есть мера превентивного воздействия на лиц, подозреваемых или обвиняемых которые могут совершить уголовное правонарушение.

Необходимо обратить внимание на различные проблемы, которые возникают при депортации данных лиц: во-первых, требуется сопровождение и перевозка за счет государства: во-вторых, лица без гражданства, ведущие кочевой образ жизни на территориях государства.

Кроме того, существует проблема социальной адаптации иностранных граждан, отбывших наказание либо признанных невиновными спустя долгое время нахождения в следственном изоляторе.

Весьма интересное предложение по социальной адаптации лиц, отбывших наказания, предлагает д.ю.н., профессор В.И. Селиверстов. По его мнению, в частности, «для облегчения социальной адаптации предусмотрена специальная система норм, призванная, с одной стороны, помочь освобожденному в решении наиболее важных проблем, которые он в целом ряде случаев сам решить не может (трудно-

вое, бытовое, жилищное устройство), а с другой – установить социальный контроль за теми освобожденными, от которых можно ждать каких-либо антиобщественных проявлений, в том числе совершения новых преступлений» [2]. С данным мнением нельзя не согласиться, ведь лица, отбывшие наказания, а также лица, к которым применялась мера пресечения в виде содержания под стражей, испытывают ряд проблем, связанных с социальной адаптацией. Необходимо проводить эффективные общесоциальные меры к данной категории лиц.

На сегодняшний день в целях решения некоторых вопросов избрания меры пресечения в виде содержания под стражей в отношении иностранных граждан, оказавшихся в следственном изоляторе, а также спустя определенное время признанных невиновными, имеет место основание для разработки эффективных механизмов следующим образом:

- с момента привлечения иностранного гражданина в качестве подозреваемого или обвиняемого необходимо предоставление бесплатной правовой помощи и поэтапного наблюдения со стороны государственных и общественных структур;

- повысить эффективность профилактической работы, а также совершенствовать работу при социальной адаптации данной категории лиц;

- интенсивная работа психолога с иностранными гражданами, находящимися в следственном изоляторе, в целях предотвращения суицида;

- установление максимальной безопасности иностранных граждан в досудебном производстве.

В результате решение проблемы избрания меры пресечения в виде содержания под стражей в отношении иностранных граждан позволит снизить количество нарушенных прав и свобод подозреваемых и обвиняемых в досудебном производстве, а также рост рецидивных преступлений и антиобщественных действий со стороны иностранных граждан.

ЛИТЕРАТУРА

1. Конституция Республики Казахстан от 30 августа 1995 г. (с изм. и доп. по состоянию на 10.03.2017). – URL: www.zakon.kz

2. *Михлин А.С., Селиверстов В.И.* Уголовно-исполнительное право: вопросы и ответы / под ред. проф. В.И. Селиверстова. – 5-е изд., испр. и доп. – М.: Юриспруденция, 2006. – 192 с.

3. *Рыжаков А.П.* Уголовный процесс: учебник для вузов. – 3-е изд., перераб. – М.: Норма, 2004. – 704 с.

4. Уголовно-процессуальный кодекс Республики Казахстан от 4 июля 2014 г. № 231-V (с изм. по состоянию на 10.02.2017). – URL: www.zakon.kz

5. www.prav.stat.kz

НЕЛЕГАЛЬНАЯ МИГРАЦИЯ И ОРГАНИЗОВАННАЯ ПРЕСТУПНОСТЬ

Д.Е. Гапеев

*аспирант кафедры уголовного права,
уголовного процесса и криминалистики
Российского университета дружбы народов*

Нелегальная миграция – чрезвычайно опасное социальное явление, которое негативно влияет на устойчивость политической ситуации в стране, экономическое развитие, а также дестабилизирует общественный правопорядок.

В Концепции национальной безопасности Российской Федерации упоминается, что важнейшими задачами в области борьбы с преступностью выступают: выявление, устранение и предупреждение причин и условий, порождающих преступность; укрепление системы правоохранительных органов, прежде всего, структур, противодействующих организованной преступности и терроризму; создание условий для их эффективной деятельности; усиление роли государства как гаранта безопасности личности и общества, создание необходимой для этого правовой базы и механизма ее применения [1].

Потеря государством механизмов стабилизации социальных процессов применительно к организованной преступности состоит в том, что они порождают ее социальную базу, т.е. группы людей, оказавшиеся из-за социально-экономического кризиса невостребованными в позитивных сферах жизнедеятельности общества, вынуждены адаптироваться к усложнившимся условиям через девиантное, в том числе преступное, поведение [5, с. 103].

Опыт ряда стран показывает, что процессы нелегальных миграций неизбежно включают в себя криминальную составляющую и ведут к усложнению криминогенной ситуации в стране, а также созданию организованных преступных групп [1, с. 29; 3, с. 45].

К факторам, детерминирующим организованную преступность, относятся:

1) экономические (низкий уровень жизни населения, отсутствие необходимого стабильного заработка, безработица);

2) социальные и социально-психологические (стремление отдельных лиц, в том числе ранее судимых, к совместной преступной деятельности; нравственная деградация лиц, отбывших наказание в местах лишения свободы; пропаганда в средствах массовой информации способов и методов совершения преступлений; недооценка общественной опасности проявлений организованной преступности);

3) организационно-правовые (высокая латентность организованной преступности; недостаточная профилактическая работа органов внутренних дел; недостаточная материально-техническая оснащенность подразделений по борьбе с организованной преступностью; ошибки в применении условно-досрочного освобождения; разрозненная нормативная правовая база в сфере предупреждения преступлений);

4) факторы политического характера (нестабильность политической системы, коррумпированность).

Таким образом, следует подчеркнуть, что значительная доля наиболее прибыльных и распространенных сфер организованной преступности, в том числе международной организованной преступности, напрямую связана с незаконной миграцией.

Организованная преступность невозможна без систематического поступления денежных средств. Непосредственное выявление и пресечение каналов и источников финансирования организованной преступности позволит в существенной мере снизить ее активность, а в некоторых случаях – сделать невозможным ее существование.

Определяющими компонентами в системе экономических мер противодействия организованной преступности могли бы стать:

- экономические и правовые механизмы, обеспечивающие отслеживание движения и своевременное блокирование средств физических и юридических лиц, подозреваемых в причастности к финансированию организованной преступности;

- организация оперативно-розыскных мер, препятствующих обороту и сращиванию с легальным бизнесом финансовых средств, принадлежащих коммерческим структурам, имеющим на российском или зарубежном рынках сомнительную репутацию.

Основная цель правовых мер – выявление и пресечение каналов и источников финансирования организованной преступности:

- блокирование финансовых ресурсов, принадлежащих лицам, причастным к преступным организациям, правовыми средствами;

- приостановление деятельности и отзыв лицензии коммерческих и финансово-кредитных организаций, фондов и других структур, прямо или косвенно оказывающих финансовое содействие преступным организациям.

Составной частью противодействия финансированию преступных организаций является криминологическое предупреждение, которое, в свою очередь, предполагает:

- отслеживание денежных потоков путем своевременного выявления каналов и источников финансирования. В данном случае правоохранительные органы сталкиваются с большими трудностями, обусловленными наличием множества каналов и источников [2, с. 57];

- создание соответствующей системы, обеспечивающей прозрачность доходов, их движение, возможность оперативной проверки источников формирования капитала, исключающей направление средств на финансирование организованной преступности;

– своевременное обнаружение и блокирование финансовых и иных материальных ресурсов, принадлежащих организациям и физическим лицам, связанным с деятельностью преступных организаций;

– международное сотрудничество в борьбе с организованной преступностью и финансированием организованной преступности. Такое сотрудничество служит одним из основных условий эффективного осуществления противодействия финансированию организованной преступности, нелегальной миграции. Меры по созданию эффективной системы контроля за нелегальной миграцией должны разрабатываться как на внутригосударственном, так и на международном уровнях.

Итак, анализ правоприменительной практики позволяет сделать вывод о том, что основные направления деятельности правоохранительных органов по борьбе с организованной преступностью посредством перекрытия каналов и источников их финансирования уже существуют. Полагаем, что эти меры во многом будут способствовать объединению общих усилий при решении задач по противодействию организованной преступности в целом, а также финансированию организованной преступности и нелегальной миграции.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Ахмедов М.Н.* Противодействие нелегальной миграции: уголовно-правовой и криминологический аспекты: дис. ... к.ю.н. – М., 2016.

2. *Королев И.А., Ганеенок Д.Е.* Контроль деятельности предприятий и организаций как стратегия ликвидации источников финансирования организованной преступности // Научный портал ФГКУ «ВНИИ МВД России». 2012. – URL: http://sartraccc.ru/Press/special/miaris_portal_3_12.pdf

3. *Савина П.Г.* Миграционная политика современной России и национальная безопасность: дис. ... к.п.н. – М., 2013.

4. Указ Президента РФ от 31.12.2015 № 683 «О Стратегии национальной безопасности Российской Федерации» // Собрание законодательства РФ. – 04.01.2016. – № 1. – Ч. II. – Ст. 212.

5. *Шеслер А.В.* Групповая преступность: криминологические и уголовно-правовые аспекты: дис. ... д.ю.н. – Екатеринбург, 2000.

УГОЛОВНЫЕ НАКАЗАНИЯ, НАЗНАЧАЕМЫЕ ИНОСТРАННЫМ ГРАЖДАНАМ И ЛИЦАМ БЕЗ ГРАЖДАНСТВА В РФ: ПРОБЛЕМЫ ИХ ИСПОЛНЕНИЯ

Т.С. Хван

*адъюнкт факультета подготовки
научно-педагогических кадров
Академии права и управления
Федеральной службы исполнения наказаний*

К такой категории преступников, как иностранные граждане и лица без гражданства, применяется большинство уголовных наказаний, предусмотренных ст. 44 Уголовного кодекса Российской Федерации. В связи с закреплением в Конституции РФ принципа равенства перед законом они пользуются правами и несут обязанности наравне с гражданами РФ кроме случаев, установленных федеральным законом или международным договором Российской Федерации (ст. 62 Конституции РФ).

В течение 2016 г. всего было осуждено 27 576 чел., из них 19 405 чел. являются гражданами СНГ. Свыше 2/3 от общего числа осужденных-иностранцев составляют граждане из стран ближнего зарубежья. В основном это трудовые мигранты.

Иностранные граждане и лица без гражданства в 2016 г. были осуждены к следующим видам уголовных наказаний [2]:

1) лишение свободы – 12 474 чел. (из них граждане СНГ – 8377 чел.);

2) штраф (основное наказание) – 9315 чел. (из них граждане СНГ – 7317 чел.);

3) обязательные работы – 1732 чел. (из них граждане СНГ – 1129 чел.);

4) исправительные работы – 387 чел. (из них граждане СНГ – 219 чел.);

5) ограничение свободы (основное наказание) – 21 чел. (из них граждане СНГ – 15 чел.);

6) ограничение по военной службе – 1 чел. (гражданин СНГ);

7) принудительные работы – 1 чел. (гражданин СНГ).

Следовательно, основными видами уголовных наказаний для осужденных указанной категории являются лишение свободы, штраф и обязательные работы.

Необходимо отметить количество иностранных граждан и лиц без гражданства, которые осуждены условно, – 2222 чел. (из них граждане СНГ – 1323 чел.).

Проблем по исполнению наказания в виде *лишения свободы* в отношении осужденных указанной категории достаточно, начиная от выбора места отбывания наказания и заканчивая «постепенитенциарным» контролем.

В большинстве случаев решение проблем видится в необходимости оказания помощи осужденным-иностранцам со стороны дипломатических представительств и консульских учреждений не только на основании реализации его права на поддержание связи с ними, но и в результате установления тесного взаимодействия с иностранными дипломатическими представителями – сотрудниками уголовно-исполнительной системы.

Актуальной проблемой привлечения анализируемой категории осужденных к уголовным наказаниям, не связанным с изоляцией от общества, является их выезд за пределы Российской Федерации. Незаконное нахождение иностранных граждан или лиц без гражданства на территории Российской Федерации, отсутствие жилья и работы, социальных связей приводит к тому, что часть из них самостоятельно выезжает за пределы Российской Федерации либо их

принудительно выдворяют за нарушение правил пребывания на территории РФ. То есть исполнение приговоров к наказаниям без изоляции от общества в отношении иностранных граждан и лиц без гражданства становится невозможным из-за возникающей коллизии между уголовным, уголовно-исполнительным и миграционным законодательством [1].

Существенной проблемой при исполнении того или иного вида уголовного наказания является отсутствие документов, удостоверяющих личность, у осужденного – иностранного гражданина и лица без гражданства, в результате чего огромную часть времени занимает восстановление утраченных документов.

Что касается *штрафа*, то проблема выплаты в качестве уголовного наказания осужденным различной категории чаще всего заключается в его платежеспособности (например, выполнение мигрантами работ с низкой оплатой). Также в соответствии с ч. 1 ст. 16 УИК РФ штраф исполняется по месту жительства (работы) осужденного, что подразумевает собой регистрацию по месту жительства или «официальную» работу, что у многих осужденных – иностранных граждан и лиц без гражданства отсутствует.

В соответствии со ст. 50 УК РФ *исправительные работы* назначаются осужденному, имеющему основное место работы, а равно и не имеющему его. Если осужденный, который имеет основное место работы, отбывает данный вид наказания по основному месту работы, то для осужденного, не имеющего основного места работы, необходимо постараться найти и определить органам местного самоуправления по согласованию с уголовно-исполнительными инспекциями место, где он мог бы отбыть свое уголовное наказание в районе места его жительства.

Проблема привлечения к труду в рамках исправительных работ осужденных – иностранных граждан и лиц без гражданства, а именно тех, у кого нет или истек срок раз-

решения на осуществление трудовой деятельности, уже долгое время является актуальной.

Лишь с 31 декабря 2012 г., благодаря Соглашению о правом статусе трудящихся – мигрантов и членов их семей (Санкт-Петербург, 19 ноября 2010 г.), граждан Республики Беларусь и Республики Казахстан, постоянно или временно проживающих в Российской Федерации, можно привлекать и использовать в качестве иностранных работников без специального разрешения.

С мая 2014 г., также благодаря сотрудничеству членов Евразийского экономического союза (ЕАЭС) по согласованию политики в сфере регулирования трудовой миграции, привлечение к трудовой деятельности в РФ граждан иностранных государств – Республики Беларусь, Казахстана, Армении, Кыргызской Республики, осуществляется в упрощенном порядке с учетом положений Договора о Евразийском экономическом союзе (г. Астана, 29 мая 2014 г.), что предполагает:

- право привлечения к осуществлению трудовой деятельности в РФ таких иностранцев без учета ограничений по защите национального рынка труда;

- отсутствие требования о получении разрешения на работу или патента;

- признание документов об образовании, выданных образовательными организациями указанных государств, без проведения установленных законодательством РФ процедур признания документов об образовании;

- иные преференции, значительно облегчающие осуществление трудовой деятельности на территории страны работодателя.

Данные судебной статистики показывают, что назначение уголовного наказания в виде *ограничения свободы* иностранным гражданам имеет место быть, несмотря на то что ч. 6 ст. 53 УК РФ прямо указывает на то, что ограничение свободы не назначается иностранным гражданам, лицам без

гражданства, а также лицам, не имеющим места постоянного проживания на территории Российской Федерации. Причинами, возможно, могут быть как занесение в статистику осужденных, имеющих двойное гражданство, так и ошибка в правоприменительной деятельности.

С 1 января 2017 г. применяется новый вид наказания – *принудительные работы*, который был введен в российскую систему наказаний Федеральным законом от 7 декабря 2011 г. № 420-ФЗ «О внесении изменений в Уголовный Кодекс Российской Федерации и отдельные законодательные акты Российской Федерации» (ст. 8). Говорить о каких-либо проблемах исполнения данного вида наказания в отношении осужденных – иностранных граждан и лиц без гражданства, по нашему мнению, пока рано из-за отсутствия достаточного опыта его исполнения.

В заключение хотелось бы отметить, что, конечно, это не полный перечень проблем, связанных с исполнением уголовных наказаний в отношении осужденных – иностранных граждан и лиц без гражданства.

Наибольшая эффективность применения уголовных наказаний и их исполнение может быть достигнута при условии адаптирования уголовного и уголовно-исполнительного законодательства, а также миграционного законодательства современным реалиям жизни общества.

ЛИТЕРАТУРА

1. Голик Н.М., Жиляев Р.М., Медведева И.Н. К вопросу о совершенствовании некоторых видов уголовных наказаний, не связанных с изоляцией от общества, в отношении иностранных граждан // Назначение и исполнение наказаний, не связанных с лишением свободы, и иных мер уголовно-правового характера: материалы III Всероссийской научно-практической конференции / под общ. ред. А.А. Вотинова. – Самара, 2015. – С. 46–49.

2. Официальный сайт Судебного департамента при Верховном Суде Российской Федерации. – URL: <http://cdep.ru/index.php?id=79> (дата обращения: 17.10.2017).

РЕГИОНАЛЬНАЯ МИГРАЦИОННАЯ ПОЛИТИКА: ОСНОВАНИЯ РАЗВИТИЯ

И.Ю. Кошель

*аспирант кафедры общественных наук
и социальной работы
Керченского государственного морского
технологического университета*

Постановка вопроса о разработке концепции или стратегии региональной миграционной политики предполагает наличие программной стратегии на государственном, национальном уровне. Сегодня такая целостная концепция в Российской Федерации утверждена официально [1], при этом действующая ее редакция находится в стадии осмысления и уточнения. Важно то, что потребность проведения продуманной и целостной миграционной политики осознается не только сообществом профессионалов, экспертов, но и широким кругом общественных сил, работодателями, а также руководством государства.

Итак, существенной предпосылкой для формулировки направленной региональной политики и управленческой стратегии в отношении проблемы миграции на региональном уровне является наличие продуманной перспективной государственной миграционной политики. Задача региональной администрации в таком случае состоит, прежде всего, в налаживании механизма системного информационного мониторинга миграционных процессов в границах субъекта федерации и анализе их влияния на различные сферы его жизнедеятельности, а также анализе характера их воздействия на экономическую и политическую ситуацию в

стране. Именно с учетом региональных демографических и социальных изменений и тенденций должна складываться и вся государственная миграционная стратегия.

Очевидно, что характер и социальная значимость региональной проблематики, связанной с миграционными флуктуациями в масштабах сложной социальной проблематики различных субъектов, достаточно разнообразна, неоднозначна. В России есть регионы с более выраженной и менее выраженной демографической динамикой. Этот факт делает возможным постановку вопроса о соотношении и согласованности универсальной миграционной проблематики, общей для всех регионов, и региональной, или местной.

Одной из активных миграционных зон является Крымский полуостров. В Республике Крым проблема содержания и направленности миграционной политики совпадает с ключевой демографической проблемой полуострова, т.е. проблемой естественного воспроизводства населения, которое происходит вследствие притока переселенцев, а не по причине превышения рождаемости над смертностью. Вместе с тем, по оценкам специалистов, полуостров не является достаточно привлекательным местом для трудоспособного населения, не обладает большим потенциалом рабочих мест, в особенности для высококвалифицированных специалистов. Наоборот, немало молодежи, активного трудового населения, уезжает из Крыма либо в поисках временного хорошего заработка, либо навсегда, не связывая свои жизненные перспективы с местом своего рождения [2].

Поэтому основанием концептуальной демографической и миграционной политики для крымской республиканской администрации и местного сообщества должны выступать проблема стабилизации демографической ситуации, укоренения социума, сформированного в регионе, в основном, в послевоенные десятилетия – во второй половине XX в.

Второй принципиальной направляющей идеей региональной политики должна выступать идея развития и эф-

фективного использования специфического природного, хозяйственного и социального потенциала полуострова и его населения с учетом всех его привлекательных географических, культурных и социально-исторических характеристик в контексте миграционных процессов разного измерения и масштаба.

Еще одним аспектом сущностных оснований потенциальной региональной миграционной политики в Крыму должна быть, безусловно, сформированность ценностной системы приоритетов, учитывающих идеологическую, геополитическую и социально-культурную составляющие демографической общности.

Необходимо отметить, что идеологическая составляющая миграционной политики на полуострове осложняется также своеобразием межнациональных и межконфессиональных отношений на его территории, продолжающегося процесса политической реабилитации и идентификации различных этнических общностей. Поэтому проблема инициации любой миграционной программы по переселению здесь должна быть скрупулезно продумана в контексте формулировки ее этнической нейтральности или компромиссности с учетом перспектив укоренения в Республике основных этнических групп, а также возможности пресечения различных межэтнических конфликтов и провокаций.

Акцентированной зоной миграционной политики следует сделать ее экономическую составляющую, а именно: направить усилие на расширение внутренней базы трудовых ресурсов, формирование площадок для реализации современных и перспективных видов производственно-хозяйственной, рекреационной, туристической и этнокультурной деятельности.

Указанные меры должны послужить сдерживающим фактором для предотвращения хронического оттока перспективной молодежи из региона. Не только миграционная политика, но и вся социальная стратегия молодой Респуб-

лики должна сегодня решать программную задачу – превращение полуострова в привлекательную и перспективную зону реализации современных инновационных социально-экономических и коммуникационных проектов и технологий как успешного российского и международного кластера эффективных социальных инвестиций.

ЛИТЕРАТУРА

1. Концепция государственной миграционной политики Российской Федерации на период до 2025 г. – URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_131046 (дата обращения: 16.09.2017).

2. Совещание по вопросу реализации государственной миграционной политики в Крыму. – URL: <http://mtrud.rk.gov.ru/rus/index.htm/news/327758.htm> (дата обращения: 17.09.2017).

THE LEGAL STATUS OF MIGRANTS IN MONGOLIA

L. Tserensuren

*undergraduate of the Criminal Law, Criminal Procedure
and Criminalistics Department
of the Russian People's Friendship University*

G. Sangidorj

*postgraduate of the International Law Department
of the Russian People's Friendship University*

Mongolia is a landlocked country located in Central Asia and split in to 21 provinces (*aimags*); the municipality of Ulaanbaatar, the capital of the country, which has provincial status. It covers area of 1 564 100 square kilometers. The eighteenth largest country in the world by area, Mongolia stretches about 2400 km from west to east and about 1260 km from north to south. It is bounded on the north by the Russian Federation, and on the southeast and west by the People's Republic of China. The population of Mongolia is presently estimated at 3 119 935 million people [17].

Throughout its history, Mongolia has been the land of nomadic people. During the 70 years of command economy, urban centres and industries have been established, and Mongolia became more urban than rural. Migration movements were controlled and associated with work opportunities.

The right to freedom of movement within the country and to freedom to choose the place of one's residence is enshrined in the Constitution, people are moving freely, from the rural to the urban areas, but this time, in an uncontrolled manner.

Migration in Mongolia, like in most countries of the world, is a survival strategy. Migration is not a new strategy in Mongolia – it now takes a new form to face new challenges, and is led by individuals' and families' choices, not by the state's plans. The present urban population is above one million. In recent years, Mongolia has experienced as continued rural to urban migration flows, particular to Ulaanbaatar, in search of better life.

The Constitution adopted in 1992 guarantees the citizen's right to freedom of movement and residence. The movement of citizens from rural areas in search of better conditions and opportunities for education, health-care and greater opportunities to improve livelihood has intensified in the 90's and continue to nowadays.

Increasing flow of rural-to-urban migration is resulting in migrants not being able to fully enjoy their political, economic, social and cultural rights, which continues to be a major challenge to be resolved. Migrants are not able to exercise their right to elect and to be elected; there is no access to decent housing. Children of migrants have no access to primary education, and safe and adequate living conditions are not created for these citizens.

The number of impoverished population who lost their herds to natural disasters, and those pushed out from their jobs due to inadequate mining regulations, is growing at high pace. The rights of indigenous population to live the traditional nomadic lifestyle and engage in nomadic livestock husbandry are severely violated, as their fertile pasture and hay lands, best fresh water source sites are lost to owners of mining licenses and concessions.

The adverse impact of climate change is affecting Mongolia at higher than international average rate (2140) causing more frequent occurrence of winter disasters, snow and sandstorms, floods and wildfire. Increased migration from bagh to soum, from soum to aimag centre and on to cities is triggered by a combination of adverse effects of desertification, soil and water

degradation contaminated by chemicals used in mining on the quality of pasture lands, which are crucial to the traditional nomadic animal husbandry – the sole source of herding population's livelihood.

Rural to urban movement, especially migration to capital Ulaanbaatar is growing faster in recent years. A survey shows that 39,1% of migrants settle [15] in Ulaanbaatar to form almost one third [10] of the population living in Ger districts. The rapid growth of population in Ger districts outpaces the governments' ability to provide basic services and economic opportunities, and leading to further increase in population living in extreme poverty. There are no economic or social programs and services to assist the migrants in adapting to urban life, to assist them with accessing education, health and social benefits services aimed at easing the change for these internally displaced citizens.

The migrants live in gers heated by wood coal fired stoves lacking access to water supply, sanitation and waste removal services. A considerable number of households are still not connected to the city power supply line.

Migrants who are not registered as residents with the local authorities are denied access to primary and diagnostic medical care as one third of this population is not covered by health insurance. Majority of migrants are those who lost herds and were driven off their lands by grinding poverty, move to cities in search of jobs, while some move to cities to get access to culture and better education opportunities. Most of these migrants end up serving as entrance guards living under the stairs and earning pennies to make ends meet.

Rural to urban migrants face the following challenges: high fines, lengthy and bureaucratic process of registration with the local authorities to obtain residency ID's. Without registration migrants are denied to have rights to land, access to decent housing and are forced to put up their ger near flood dams or power transmission infrastructure to be exposed to flood and fire disasters. Migrants are discriminated based on low education

and skills levels often falling into financial constraints further pushing them to join the army of unemployed and impoverished.

The Law on Sending Labour Force Abroad and Receiving Labour Force and Specialists from Abroad [11] enacted in 2001 regulates implementation of rights of Mongolian citizens leaving the country in search of jobs and foreign citizens coming to Mongolia to work. Enforcement of this law provided chance to thousands of citizens to leave the country to seek better paid jobs overseas.

In addition to the above, outbound migration of labour is regulated by relevant provisions of the Constitution of Mongolia, Labour Law, Law on Legal Status of Foreign Citizens and the Law on Social Insurance.

South Korea, Japan and Sweden are the three countries which officially contract workers from Mongolia. Official sources claim that 130 000 immigrants from Mongolia work and study in 80 countries around the world.

The list of countries receiving labour force from Mongolia is led by South Korea, where an estimated 32 000 [7] Mongols live and work. 60% of these people work under official contracts signed with the employers. However, 326 of these workers have died under various circumstances between 2004 and 2017. The cause of these tragic events lies in poor implementation of work safety regulations and lack of monitoring implementation for compliance with the terms and conditions of bilateral agreements. The procedure that requires all applicants to pass medical examination is strictly followed and only healthy citizens are recruited to go abroad. Workers returning after 3–5 years of work overseas come back with one or other form of health conditions. To date, the government has not taken any effective action to address this issue.

As of June 2017, an estimated 42 000 foreign citizens including stateless persons reside in Mongolia. These numbers evidence the fact, that Mongolia has become a sender and receiver of migrants. Meanwhile the government is still reluctant

to ratify conventions protecting rights of immigrants and their families and is not creating favorable legal framework to deal with the flow of immigrants into the country.

There is also a need to develop and implement programs aimed at providing workplace and basic social services to migrants voluntarily returning home from overseas and for those deported back to Mongolia. Reports on cases of violation of human rights and freedoms of people captured and deported back to Mongolia in on the increase.

The pressing issue of providing jobs, creating job opportunities and assisting migrants in adjusting back to the society is not supported by a unified government policy or plan. Returned immigrants who have not been able adapt to current social conditions seek to leave the country in search of jobs again and in some occasions resort to use of illicit means. Thus, they face the risks of becoming victims of transnational organized crime involved in human trafficking and drug smuggling.

Migration predetermined a new round of interstate relations between Mongolia and Kazakhstan. In recent years, the intensity of migration of Kazakhs from Mongolia to Kazakhstan has significantly decreased, and there has been a trend of migration of labour migrants of «Kazakh repatriates». It should be noted that there is no direct border between Mongolia and Kazakhstan, so in 2014 the Russian Federation signed the Declaration on the crossing of the Russian-Mongolian border without a visa regime for Mongolian citizens, which greatly facilitated the movement of citizens between these states [1].

The initial development of relations between the two countries was characterized by the establishment of diplomatic relations on January 22, 1992. From 1991 to the present, Kazakhstan and Mongolia signed more than 45 bilateral treaties and agreements.

The main document between the countries is the agreement on the employment contract. The Government of the Republic of Kazakhstan and the Government of Mongolia, based on the

Treaty on Friendly Relations and Cooperation between Countries of October 22, 1993, guided by the Protocol on the Results of the Talks between the President of the Republic of Kazakhstan and the President of Mongolia of October 22, 1993, on the basis of mutual interest in creating conditions for the employment of citizens of the two countries, agreed within the framework of the agreement on coordination of work «on the direction of citizens of their Party and the arrival of citizens of the other Party for the performance of labour activities in business units and organizations, hereinafter referred to as «organizations». «Authorized bodies of the Parties» coordinating the implementation of this agreement and monitoring its implementation were: from the Kazakh side – the Ministry of Labour of the Republic of Kazakhstan, from the Mongolian side – the Ministry of Population and Labour Policy of Mongolia.

This agreement played an important role for Kazakh migrants who wanted to move to Kazakhstan as a historic homeland. Only for 1991–1992 more than 7000 families or 40 000 people were resettled from Mongolia to Kazakhstan [2].

The interstate migration process between the Republic of Kazakhstan and Mongolia is characterized by an increase in the number of labour migrants from western Mongolia to Kazakhstan. This trend remains stable in terms of selected migration strategies (education, culture and economy).

The migrant movements for education and job search are dominant. Moves to permanent residence are not predominant. The most attractive places for settling migrants are large settlements (cities). The process of adaptation of different categories of migrants varies, depends on the reasons for the move, the degree of satisfaction of the anticipated expectations and their own desires.

Mongolia has not started addressing the issue of refugees. The issue of refugees was first encountered during the era of political persecution when citizens were forced trumped-up charges. First Mongolian refugees were 4 Mongolian citizens who

applied in the 1960s to India to provide them political asylum.

As mentioned above, the issue of political asylum seekers was put on table in early 60s, however up until now this right guaranteed by the UDHR to be handled as a priority matter is treated as classified operation opening no information on whether these rights are respected and implemented. There is no information on asylum seekers and refugees leaving Mongolia.

There is also information that another citizen from China's Inner Mongolian region was deported in 2009. Reportedly, this person was repatriated when the UNDP Refugee Agency was reviewing his application, dully filed by him and in accordance with the procedures. We were informed that this act is considered to be in serious violation of international practices and human rights conventions, including CAT.

Mongolia is not party to international conventions dealing with the rights of refugees. The reason for the reluctance is explained by the National Security Council not having delivered an opinion on its impact. Cabinet used the absence of NSC opinion to not to discuss and deliver decision on this submission.

There is informal unconfirmed information that North Korean citizens seeking asylum enter Mongolia via China. Government lacking financial resources leaves these matters to be handled by international organizations. Due to secrecy surrounding this issue and lack of information human rights organizations have no material to work with. Therefore, one of the priorities of the government of Mongolia should be to provide opportunity to human rights watchers to work with refugees by giving access to information and making the process of granting asylum transparent.

In May 2014, the Mongolian government deported refugees from Inner Mongolia Autonomous Region to China. At that time, the UN High Commissioner for Refugees checked into one of them as refugee status, which violated the principle of «non-refoulement» [13]. At present, Mongolian laws do not provide

this principle of customary international law. As the Mongolian government does not implement and regulate the asylum procedure, the UN High Commissioner for Refugees is paying close attention to documenting of asylum seekers in Mongolia and seeking refugee status in Mongolia. However, the number of asylum-seekers with UNHCR remains limited.

Recommendations:

- to develop an umbrella strategy to cover all forms of migration, to include legal instruments and mechanisms to deal with internal and international migration, means of prevention, protection, creating favorable conditions for rehabilitation;

- to study the possibility of conducting negotiations and concluding consular conventions on dual citizenship to migrants, in countries where a considerable number of Mongolian citizens reside and where newly born children automatically obtain citizenship of the receiving country [7];

- to improve existing legislation to ensure mechanisms for protection rights of outbound immigrants, create a unified database to register citizens living abroad;

- to appoint Human Rights Attaches to embassies in the countries where considerable number of Mongolian immigrants reside;

- in order to protect the rights of citizens working overseas and inbound migrants ratify the International Convention on the Protection of the Rights of All Migrant Workers and Members of Their Families.

Current situation of absence of information and verifiable statistics on refugees, lack of legal environment protecting the rights of all refugees speaks for the urgent need to address these issues and information open to the general public and human rights watchers.

While Mongolia within the framework of its national legislation has procedures regulating international and internal migration, there are no policies aimed at addressing the needs of migrants in a more favorable manner. Due to inadequate coordi-

nation of internal movement of the citizens, migrants lack the means to enjoy the rights provided for in the Constitution of Mongolia and the Universal Declaration of Human Rights. Specifically these include right to adequate housing, protection of health, right to education and right to elect and be elected.

Mongolia has not ratified international conventions addressing the rights of refugees and this status creates obstacles in addressing issues concerning foreign citizens seeking asylum in Mongolia. It is important for the government to create legal procedures in conformity with international practices that will allow protection of basic human rights and freedoms, create favorable condition for fair and humane treatment of asylum seekers.

BIBLIOGRAPHY

1. Agreement between the Government of the Russian Federation and the Government of Mongolia on the conditions of mutual trips of citizens of the Russian Federation and citizens of Mongolia. 3 September 2014. – URL: http://www.mid.ru/foreign_policy/international_contracts/2_contract/-/storage-viewer/bilateral/page-66/44668

2. Archival materials of the Ministry of Labour and Social Protection of the Republic of Kazakhstan. – URL: <https://www.enbek.gov.kz/ru/node/330063> (accessed: 8.09.2017).

3. *Chimni B.S.* International refugee law. – New Delhi, 2000.

4. Convention on the Rights of Person with disabilities. 13 December 2006. – – URL: <https://www.un.org/development/desa/disabilities/convention-on-the-rights-of-persons-with-disabilities.html>

5. *Edwards A., Ferstman C.* Human Security and Non-Citizens: Law, Policy and International Affairs. – Cambridge: Cambridge University Press, 2010.

6. *Goodwin-Gill G.S., McAdam J.* The Refugee in International Law. – Oxford: Oxford University Press, 2007.

7. Implementation of Rights of workers living in the Republic of Korea. The National Human Right Comission of Mongolia. 2007. – URL: <http://mn-nhrc.org/library/index.php?newsid=69> (accessed: 4.09.2017).

8. International Covenant on Civil and Political Rights. 16 December 1966. – URL: <https://treaties.un.org/doc/publication/unts/volume%20999/volume-999-i-14668-english.pdf>

9. International Convention on the Protection of the Rights of All Migrant Workers and Members of Their Families. 18 December 1990. – URL: <http://www.ohchr.org/EN/ProfessionalInterest/Pages/CMW.aspx>

10. Issues of Rural-Urban Migrants in Mongolia // Journal of Mongolian Population. – Ulaanbaatar, 2004. – № 11. – P. 44–48.

11. Law on Sending Labour Force Abroad and Receiving Labour Force and Specialists from Abroad. 12 April 2001. – URL: <http://legalinfo.mn/law/details/35?lawid=35> (accessed: 1.09.2017).

12. *McAdam J.* Complementary Protection in International Refugee Law. – Oxford: Oxford University Press, 2007.

13. Presentation for the UN General Conclusion. Amnesty International. May 2015. – URL: <https://www.amnesty.org/download/Documents/208000/asa300022014mn.pdf> (accessed: 8.09.2017).

14. The Constitution of Mongolia. 13 January 1992. – URL: <http://www.unesco.org/education/edurights/media/docs/6a6a23469e136afaa4860bf5869f6f8f659c6688.pdf>

15. Trends and Consequences of Internal Migration of Mongolian Population. The Ministry of Social Welfare and Labour of Mongolia, Population training and research center in the School of Economy of the National University of Mongolia and UNFPA. 2008. – URL: <http://www.mlsp.gov.mn/iltod?id=4>

16. Universal declaration of Human Rights. 10 December 1942. – URL: <http://www.un.org/en/universal-declaration-human-rights>

17. Website of the National Statistical Office of Mongolia. – URL: <http://www.en.nso.mn> (accessed: 8.09.2017).

18. URL: <http://mn-nhrc.org>

19. URL: <https://www.enbek.gov.kz>

20. URL: <https://www.amnesty.org>

21. URL: www.legalinfo.mn

22. URL: <http://www.consultant.ru>

**МИГРАЦИОННЫЕ ПРОЦЕССЫ
В СИСТЕМЕ ДЕТЕРМИНАЦИИ ПРЕСТУПЛЕНИЙ
ТЕРРОРИСТИЧЕСКОЙ НАПРАВЛЕННОСТИ,
СОВЕРШАЕМЫХ С ИСПОЛЬЗОВАНИЕМ
ЭЛЕКТРОННЫХ ИЛИ ИНФОРМАЦИОННО-
ТЕЛЕКОММУНИКАЦИОННЫХ СЕТЕЙ**

С.К. Бадамшин

*аспирант кафедры уголовно-правовых дисциплин
Российской академии адвокатуры и нотариата*

Преступления террористической направленности обуславливаются совокупностью (системой) факторов, в числе которых не последнее место занимают миграционные процессы и вытекающие из них явления. Это связано с тем, что прибытие мигрантов в ту или иную страну, особенно в тех количествах, которые наблюдаются в последние годы в странах Евросоюза, с неизбежностью приводит к росту социальной напряженности, конфликтам с основным населением соответствующего государства и, как следствие, увеличению числа совершаемых преступлений с участием таких лиц, выступающих в роли виновных либо потерпевших. Если же говорить о терроризме, включающем в себя соответствующую социально опасную идеологию и практику противоправной деятельности, то необходимо учитывать, что миграционные потоки несут в себе питательную среду для распространения экстремистских и террористических воззрений и призывов, вовлечения в экстремистские и террористические сообщества и организации новых членов, их склонения к участию в конкретных преступлениях соответствующей направленности.

Подчеркнем, что мы не рассматриваем мигрантов исключительно как лиц, склонных к совершению преступлений и/или характеризующихся повышенной виктимностью, а лишь выясняем роль и значение так называемого миграционного фактора в системе детерминант одной из наиболее опасной структурной группы преступности, отличающейся террористической направленностью совершаемых деяний, и акцентируем внимание на той части последних, что сопряжена с использованием электронных или информационно-телекоммуникационных сетей.

В условиях разобщенности больших и малых групп мигрантов, их постоянных перемещений как внутри отдельных стран, так и с пересечением границ двух или более государств, а также объективных и субъективных трудностей во взаимодействии с институтами и основным населением последних, электронные и информационно-телекоммуникационные сети выступают теми средствами, которые позволяют данным лицам сохранять связи между собой, их близкими и знакомыми, не последовавшими за ними, искать, получать и распространять определенные сведения, в том числе относящиеся к террористической и экстремистской идеологии. Активное использование мигрантами таких средств коммуникации, в том числе посредством создания закрытых групп в социальных сетях и участия в них, создает предпосылки для формирования виртуальной общности большого количества людей, пусть и разобщенных территориально, но консолидируемых одним и тем же географическим происхождением, принадлежностью к определенной национальности, конфессии, языковой группе и т.д. [6, с. 195].

Наряду с положительными моментами данные обстоятельства несут в себе и негативные черты, состоящие, прежде всего, в том, что такое использование электронных и информационно-телекоммуникационных сетей еще более снижает и без того невысокое желание многих мигрантов ассимилироваться в обществе в том государстве, в котором они

находятся, и создает для них постоянно существующее информационное пространство, в котором весьма распространены идеи терроризма и экстремизма, а также предлагаются широкие возможности для транснациональной преступной деятельности. При этом одним из компонентов миграционного фактора выступает формирование некоего фона для напряженности и конфликтов в обществе на почве национальной, религиозной, политической и иной неприязни.

М.В. Ульянов, рассматривая миграционные процессы в контексте детерминации преступлений экстремистской направленности, справедливо отмечает, что миграция является составной частью практически всех основных детерминант преступности в Российской Федерации [12, с. 10]. Более того, продолжая эту мысль, отметим, что миграционные процессы не только входят в содержание тех или иных детерминирующих факторов, но и нередко усиливают их эффект. Например, можно обратить внимание на то, что миграционные процессы существенно влияют на рынок труда (экономический фактор), создают территории, на которых компактно проживают лица, следующие своей этнической принадлежности и вероисповеданию, что приводит к их изоляции, социальному сопротивлению и т.п. (социальный и социально-психологический факторы), сопряжены с распространением террористической и экстремистской идеологии (идеологический фактор), формированием и противоправной деятельностью криминальных групп, объединенных по этническому признаку (криминальный фактор). Реализации данных причин и условий в конкретные преступления способствуют недостатки в планировании и осуществлении органами власти комплекса предупредительных мер, учитывающих специфику указанных выше детерминант, что, в свою очередь, образует организационно-управленческий фактор.

Отметим, что власти большинства государств осуществляют контроль за миграционными потоками и предпринимают усилия, направленные на их ограничение, в том числе

посредством установления мер административной и уголовной ответственности за нарушения в данной области [7, с. 65]. Например, в последние годы многие страны ужесточают миграционное законодательство и вводят в свое национальное законодательство нормы о наказании за административные правонарушения и преступления, связанные с незаконной миграцией [2]. Не исключением является и Российская Федерация, в уголовном законодательстве которой, в частности, предусмотрена ответственность за организацию незаконной миграции (ст. 322¹ УК РФ) (Федеральный закон от 21 декабря 2013 г. № 376-ФЗ [14]). Особенная часть УК РФ была дополнена ст. 322² и 322³ об ответственности за фиктивную регистрацию (постановку на учет) российских и иностранных граждан, а также лиц без гражданства по месту пребывания или по месту жительства в жилых помещениях в Российской Федерации. Эти уголовно-правовые нормы корреспондируют с рядом статей Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях (например, ст. 18.8–18.12, 19.27 и др.) и положениями миграционного права, включающего ряд федеральных законов и подзаконных нормативных правовых актов [5; 11; 13].

Указанные преступления являются высоколатентными. Вместе с тем количество лиц, ежегодно осуждаемых по указанным статьям УК РФ, характеризуется положительной динамикой, особенно применительно к фиктивной регистрации иностранных граждан по месту жительства или их постановке на учет по месту пребывания. Так, если в 2010 г. по ст. 322¹ УК РФ было осуждено 475 лиц, то в 2011 г. – 612, в 2012 г. – 292, в 2013 г. – 588, в 2014 г. – 883, в 2015 г. – 820, в 2016 г. – 900 лиц. По ст. 322² УК РФ в 2014 г. было осуждено 216 лиц, в 2015 г. – 507, в 2016 г. – 1064 лиц. По ст. 322³ УК РФ в 2014 г. было осуждено 3379 лиц, в 2015 г. – 5631, в 2016 г. – 7800 лиц [10].

Вместе с тем данные уголовно-правовые запреты, равно как и положения других нормативных актов в области ми-

грации, представляют собой лишь часть необходимой системы мер, которая должна быть сформирована для комплексного воздействия на миграционные процессы в целях их эффективного контроля и минимизации связанных с ними негативных социальных последствий, включая совершение преступлений. При этом важно соблюсти необходимый баланс между стремлением к ужесточению миграционной политики и желанием расширить международное сотрудничество и развивать национальную экономику с ее дальнейшим интегрированием в мировую экономическую деятельность.

По данным научных исследований, только за последние 50 лет масштабы миграции выросли более чем в 2,5 раза, причем основа миграционных потоков – это люди активного возраста (около 50% мигрантов составляет молодежь в возрасте от 18 до 35 лет) [1; 4], что следует воспринимать не только в контексте их потенциальной готовности к криминальной или иной противоправной деятельности, но и как пополнение рынка труда, причем не обязательно исключительно в негативном смысле.

В рамках предупреждения преступности и ее отдельных проявлений, включая деяния террористической направленности, важно учитывать преимущественное отсутствие непосредственной причинной связи между миграцией и изменениями динамики и/или структуры криминалитета. Более правильным, на наш взгляд, будет говорить о том, насколько миграционные процессы и их качественные и количественные изменения в тех или иных конкретных условиях усиливают криминогенное воздействие других традиционных детерминант преступности в целом и отдельных групп и видов преступлений в частности [8].

Учитывая идеологическую составляющую рассматриваемых преступлений, считаем необходимым минимизировать распространенный вариант публичного освещения миграционных процессов в средствах массовой информации,

при котором внимание зрителя (читателя, слушателя, пользователя сети Интернет) акцентируется исключительно или преимущественно на отрицательных сторонах миграции и мигрантов (например, с нарочитым обозначением национальности или гражданства лиц, подозреваемых в тех или иных преступлениях, преждевременными и абсолютно излишними предположениями о причастности к определенным посягательствам лиц какой-либо национальности или вероисповедания, необоснованными выводами о преобладании так называемой преступности мигрантов, ее «небывалом росте» и т.п.).

Важно учитывать, что террористы, равно как и другие преступники, используют складывающиеся условия, обращая особое внимание на те из них, которые благоприятствуют их криминальной деятельности. Поскольку терроризм направлен на устрашение населения и дестабилизацию деятельности международных и внутригосударственных институтов, для лиц, совершающих соответствующие преступления, в том числе участвующих в террористических сообществах и организациях, большое значение имеет общественный резонанс осуществляемых ими акций – чем он шире, тем более ощутимым является достигнутый ими преступный результат. Поэтому излишняя активность средств массовой информации в освещении террористических преступлений, особенно с элементами «журналистских расследований» и демонстрацией «кровавых последствий», только на руку данным лицам. Более того, террористические организации готовы провозгласить свою ответственность даже за те преступления, к которым они не имеют никакого отношения. Главное – чтобы достичь указанных выше целей. Примером тому является убийство более 50 человек в Лас-Вегасе, совершенное 2 октября 2017 г. Стивенем Пэдкоком, стрелявшим из различного огнестрельного оружия из своего номера в отеле по посетителям кантри-фестиваля. В средствах массовой информации тут же сообщили, что ответ-

ственность за это преступление взяла на себя запрещенная террористическая организация «Исламское государство» [3]. Новости о данном происшествии снабжены громкими заголовками о «кровавой бойне», «массовом убийстве», «кровавой трагедии» и т.п. с соответствующими фото- и видеоматериалами, журналистскими версиями и т.д., в том числе о связях Пэддока с террористическими организациями.

Подобное нагнетание страха в обществе проецируется и на мигрантов, особенно тех, внешность и поведение которых позволяет отнести их к лицам, исповедующим ислам, формирует и/или поддерживает отрицательный образ данных людей, что с неизбежностью усиливает и их негативное отношение к обществу, в котором они находятся.

Представляется, что в настоящее время назрела острая потребность в формировании и реализации единой международной концепции противодействия терроризму, включающей требования к средствам массовой информации относительно освещения определенных событий, связанных, прежде всего, с преступлениями, которые могут относиться к террористической деятельности, включая причастность к таковым представителей тех или иных этнических или иных социальных групп [7, с. 63]. В противном случае для еще большего распространения экстремистской и террористической идеологии достаточно будет сделать репост соответствующих сообщений средств массовой информации, использующих ресурсы сети Интернет [9].

Минимизация данного социально-психологического фактора миграционных процессов, на наш взгляд, будет способствовать снижению уровня напряженности и конфликтов в обществе на национальной и религиозной почве в целом, уменьшит социальную изоляцию мигрантов и создаст предпосылки для их вовлечения в легальную трудовую деятельность, снизит привлекательность участия в каких-либо криминальных объединениях, в том числе в террористических сообществах и террористических организациях.

Считаем, что научно обоснованная, плановая миграционная политика, согласованная и проводимая на межгосударственном и национальном уровнях, упорядочит распределение вынужденных мигрантов по странам и регионам последних, что позволит снизить риски вовлечения соответствующих лиц в криминальную и иную противоправную деятельность, в том числе уменьшит эффективность идеологического воздействия террористических и экстремистских сообществ и организаций на мигрантов через электронные и информационно-телекоммуникационные сети.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Алексеева Е.Н.* Транснациональная миграция молодежи и ее социальные последствия в современном мире: автореф. дис. ... канд. социолог. наук: 22.00.04. – М., 2013.

2. *Борисов С.В.* Проблемы установления и реализации уголовной ответственности за фиктивную регистрацию (постановку на учет) по месту пребывания или по месту жительства в жилом помещении в Российской Федерации // *Союз криминалистов и криминологов.* – 2015. – № 1-2. – С. 35–43.

3. *Братерский А.* Видел, как бегут окровавленные и обезумевшие люди // *Газета.ру.* – URL: https://www.gazeta.ru/politics/2017/10/02_a_10914038.shtml (дата обращения: 03.10.2017).

4. *Голик Ю.В., Балашова Т.Н., Балашов З.В., Дук Ю.И.* Основные направления незаконной миграции в Российской Федерации на современном этапе // *Общество и право.* – 2008. – № 1. – С. 12–13.

5. Закон РФ от 25 июня 1993 г. № 5242-1 «О праве граждан Российской Федерации на свободу передвижения, выбор места пребывания и жительства в пределах Российской Федерации» // *Ведомости Съезда народных депутатов и Верховного Совета Российской Федерации.* – 1993. – № 32. – Ст. 1227.

6. *Иванцов С.В.* Актуальные вопросы противодействия организации незаконной миграции и торговле людьми // *Вестник Московского университета МВД России.* – 2011. – № 12. – С. 193–197.

7. *Иванцов С.В.* Международное сотрудничество в сфере предупреждения незаконной миграции // Вестник Московского университета МВД России. – 2014. – № 4. – С. 62–66.

8. *Иванцов С.В.* Основные тенденции российской организованной преступности XXI в. // Вестник Московского университета МВД России. – 2007. – № 2. – С. 83–86.

9. *Иванцов С.В., Борисов С.В.* Организованные формы террористической и экстремистской деятельности: регламентация и реализация ответственности // Общество и право. – 2016. – № 2 (56). – С. 91–98.

10. Официальный сайт Судебного департамента при Верховном Суде РФ, раздел «Судебная статистика». – URL: <http://www.cdep.ru/index.php?id=5> (дата обращения: 5.10.2017).

11. Постановление Правительства РФ от 15 января 2007 г. № 9 «О порядке осуществления миграционного учета иностранных граждан и лиц без гражданства в Российской Федерации» // Собрание законодательства Российской Федерации. – 2007. – № 5. – Ст. 653.

12. *Ульянов М.В.* Миграционные процессы в системе детерминации преступлений экстремистской направленности: дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.08. – М., 2017.

13. Федеральный закон от 25 июля 2002 г. № 115-ФЗ «О правовом положении иностранных граждан в Российской Федерации» // Собрание законодательства Российской Федерации. – 2002. – № 30. – Ст. 3032.

14. Федеральный закон от 21 декабря 2013 г. № 376-ФЗ «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» // Собрание законодательства Российской Федерации. – 2013. – № 51. – Ст. 6696.

К ВОПРОСУ О НЕЗАКОННОМ ПЕРЕСЕЧЕНИИ ГРАНИЦЫ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

А.А. Авешникова

*аспирант кафедры уголовного права,
уголовного процесса и криминалистики
Российского университета дружбы народов*

В последнее десятилетие проблемы миграции в России стоят довольно остро и требуют быстрого реагирования на происходящие изменения со стороны законодательства. К сожалению, далеко не все мигранты, особенно это касается трудовых мигрантов, готовы соблюдать все необходимые условия пребывания на территории РФ, установленные законодательством Российской Федерации.

Согласно статистическим данным за 2015 и 2016 гг. о числе осужденных лиц по вступившим в законную силу приговорам и иным лицам, в отношении которых вынесены судебные акты по уголовным делам, представленным Судебным департаментом при Верховном Суде Российской Федерации, наблюдается тенденция роста преступлений, предусмотренных ст. 322 УК РФ (за исключением ч. 1 ст. 322 – число осужденных по основной статье заметно снизилось с 905 человек, по данным за 2015 г., до 695 человек в 2016 г.) [1]. В процентном соотношении, по некоторым частям вышеупомянутой статьи, число осужденных за год выросло на 50%, при этом число оправданных по основной статье не превышает 1%. Однако все ли мигранты являются злостными нарушителями закона?

Практике известны случаи, когда у мигранта имеются все необходимые документы и законные основания для

пребывания на территории Российской Федерации, однако решением суда ему накладывается запрет на въезд в РФ или выдворение из страны. Как правило, это происходит из-за того, что персональные данные мигранта при пересечении границы РФ или при постановке на миграционный учет были внесены не верно в Центральную базу по учету данных иностранных граждан и лиц без гражданства (ЦБДИГ), где содержится информация обо всех иностранцах, когда-либо въезжавших на территорию России [3]. На каждого человека формируется свое досье. Принимая во внимание то, что вины мигранта в сложившейся ситуации нет и санкции к нему были применены ошибочно, вопрос о снятии запрета на въезд в РФ в любом случае будет решаться в судебном порядке в течение 2–4 месяцев. Большинство мигрантов за время пребывания в России успевают обзавестись семьей, имеют несовершеннолетних детей, перспективную работу, которой они могут лишиться за время судебных разбирательств, или же они являются обучающимися учебных заведений, где также возникают проблемы в связи с длительным отсутствием ученика/студента по месту обучения.

Также остро встает вопрос об уголовной ответственности ввиду имеющего запрета на въезд в Российскую Федерацию. Психологию поведения иностранных граждан понять можно, принимая во внимание безосновательность наложения запрета на въезд в РФ. Все же гражданина разлучают с семьей, и спустя какое-то время иностранец принимает решение незаконно пересечь границу Российской Федерации, в основном через Республику Беларусь, ввиду ослабленного таможенного контроля на данной территории. Это большой риск, и, по сути, законопослушные граждане подпадают под уголовную ответственность, согласно ч. 2 ст. 322 УК РФ, т.е. они облагаются штрафом в размере до 300 тыс. руб. либо приговариваются к принудительным работам на срок до 4 лет или лишением свободы на тот же срок. Множество граждан ввиду отчаянных мер идут на риск и оказываются в

СИЗО до судебного заседания. В данном случае очень тяжело помочь гражданам, которые из-за ошибки уполномоченных органов должны быть разлучены со своей семьей. В основном на практике все граждане подпадают под уголовную ответственность ввиду незнания о наличии запрета, т.е. при очередном выезде/въезде гражданина ставят перед фактом и конвоируют в СИЗО. В данном случае необходимо доказать, что гражданин не мог знать о наличии запрета либо ввиду личных, семейных обстоятельств он часто пересекает границу РФ.

Таким образом, пограничным и миграционным службам следует более тщательно относиться к обработке документов мигранта. Часто из-за технической ошибки могут наступить непредсказуемые последствия.

ЛИТЕРАТУРА

1. Сводные статистические сведения о состоянии судимости в России за 2015 г. № 10 «Отчет о числе привлеченных к уголовной ответственности и видах уголовного наказания» / Судебный департамент при Верховном Суде Российской Федерации. – URL: <http://cdep.ru/index.php?id=79&item=3418> (дата обращения: 16.10.2017).

2. Уголовный кодекс Российской Федерации от 13.06.1996 № 63-ФЗ (ред. от 29.07.2017) (с изм. и доп., вступ. в силу с 26.08.2017). – URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_10699

3. Что такое ЦБДУИГ // Вестник мигранта: справочник и журнал для иностранцев. – URL: <http://www.vestnik-migranta.ru> (дата обращения: 24.10.2017).

ОПЫТ ФРГ ПО ПРОТИВОДЕЙСТВИЮ ПРЕСТУПЛЕНИЯМ, СВЯЗАННЫМ С ДОПИНГОМ

А.Р. Кутуев

*аспирант кафедры уголовного права,
уголовного процесса и криминалистики
Российского университета дружбы народов*

Одним из европейских государств, в котором установлена ответственность за преступления, связанные с допингом, является ФРГ.

Долгое время ответственность за допинговые правонарушения в ФРГ была выборочной и была связана с оборотом отдельных видов запрещенных в спорте препаратов. При этом такая ответственность устанавливалась в рамках общего противодействия незаконному обороту лекарственных средств [1]. Особенностью немецкого уголовного законодательства в рассматриваемой области в доктрине права считалось, в частности, что впервые была установлена уголовная ответственность за так называемый генный допинг [3].

Однако существовала дискуссия о необходимости расширения ответственности [4]. Систематизировано уголовная ответственность за допинговые преступления была установлена в Антидопинговом акте в спорте [2], который был принят в 2015 г. Его принятие обосновывается участвовавшими случаями систематического применения запрещенных в спорте препаратов и методов.

Согласно документу, этот акт служит для борьбы с использованием допинговых материалов и допинговых методов в спорте, чтобы защитить здоровье спортсменов, обес-

печить справедливость и равные шансы в спортивных соревнованиях и тем самым сохранить целостность спорта.

Следует отметить, что специфика построения немецкого законодательства в рассматриваемой области предполагает отдельно указание на запреты и уголовную ответственность за их нарушение.

Так, согласно ст. 2 Акта:

1) запрещается:

– производство;

– перевозка;

– продажа, раздача или размещение иным образом на рынке;

– предписание вещества или препарата, содержащего такое вещество, перечисленное в приложении I к Международной конвенции о борьбе с допингом в спорте от 19 октября 2005 г., в целях допинга в спорте;

2) запрещается применять или использовать к другому лицу допинговое вещество, которое является веществом или содержит вещество, перечисленное в Приложении I к Международной конвенции о борьбе с допингом, или метод допинга, который включен в Приложение I к Международной конвенции о борьбе с допингом в спорте, в целях допинга в спорте;

3) запрещается приобретать, владеть или доставлять на территорию или через территорию, регулируемую этим актом, значительные количества вещества для допинга, которое является веществом или содержит вещество, указанное в приложении к настоящему закону, в целях допинга в спорте.

Отдельно установлен запрет в отношении так называемого «самодопинга» (selfdoping):

1) а) водить себе допинговое вещество или препарат, содержащий такое вещество, перечисленное в Приложении I к Международной конвенции о борьбе с допингом;

б) применять к себе метод допинга, который указан в Приложении I к Международной конвенции о борьбе с допингом, без медицинского обоснования и с целью получить

преимущество в профессиональных соревнованиях. Данный запрет не применяется, если допинговое вещество используется вне конкуренции организованного спорта и если допинговое вещество содержит вещество, которое запрещено только на соревнованиях в соответствии с Приложением I к Международной конвенции о борьбе с допингом;

2) запрещается также участвовать в спортивных соревнованиях при использовании допингового вещества в соответствии с пп. 1 или метода допинга, если такое использование не имеет медицинского обоснования и с целью получить конкурентное преимущество в спорте;

3) по смыслу настоящего положения спортивным соревнованием является любое спортивное мероприятие, которое:

– организуется, от имени или с одобрения национальной или международной спортивной организации, и

– проходит, согласно правилам, принятым национальной или международной спортивной организацией, которые являются обязательными для ее членских организаций;

4) запрещается приобретать или обладать допинговым веществом с целью его использования без медицинского обоснования, чтобы получить преимущество в спортивных соревнованиях.

Непосредственно вопросы уголовной ответственности разрешаются в ст. 9 Акта.

Любой, кто: 1) вопреки п. 2 разд. 2, а также в соответствии с разд. 6 подразд. 2 производит, торгует или без торговли продает, распределяет или иным образом размещает на рынке или предписывает допинговое вещество; 2) вопреки п. 2 разд. 2, а также вопреки разд. 6 администрирует или применяет допинговое вещество или метод допинга к другому лицу; 3) вопреки п. 2 разд. 2, а также вопреки пп. 1 разд. 6 приобретает, обладает или передает допинговое вещество; 4) вопреки подразд. 1 разд. 1 администрирует или применяет к себе допинговое вещество или допинг-метод, –

наказывается лишением свободы на срок до 3 лет или штрафом.

Любой, кто, вопреки пп. 4 разд. 3, приобретает или обладает допинговым веществом, наказывается лишением свободы на срок до 2 лет или штрафом.

Любой, кто посредством действия, указанного в ч. 1 настоящей статьи: а) ставит под угрозу здоровье большого числа людей; б) подвергает другое лицо риску смерти или риску серьезного ущерба для тела или здоровья этого лица; в) приобретает значительную денежную выгоду для себя или другого лица из-за собственных личных интересов; г) продает или распределяет допинг-наркотик лицу, не достигшему 18-летнего возраста, предписывает его такому лицу или применяет допинговое вещество или допинг-метод к такому лицу или д) действует в качестве члена организованной группы, которая собралась для систематического совершения таких действий, – наказывается тюремным заключением на срок от 1 до 10 лет.

В менее серьезных случаях, предусмотренных пп. 4, наказанием является тюремное заключение на срок от 3 месяцев до 5 лет.

Если преступник действует небрежно в случаях, предусмотренных пп. 1, 2 или 3, наказанием является тюремное заключение на срок не более одного года или штраф.

В соответствии с п. 1 ст. 4, 5 и п. 2 наказание применяется только к тем, кто:

а) является спортсменом высокого уровня профессионального спорта; считается спортсменом высокого уровня в сфере профессионального спорта, исходя из этого акта;

б) подлежит внесоревновательному тестированию в качестве участника испытательного пула в рамках системы допинг-контроля;

в) прямо или косвенно генерирует значительный доход от спортивной деятельности.

Анализируя немецкое законодательство в области противодействия допингу, следует выделить несколько интересных особенностей:

1) немецкий законодатель устанавливает ответственность не только за деяния, связанные с оборотом запрещенных препаратов и методов, но и непосредственно за применение допинга. Такой подход расширяет пределы уголовной ответственности в рассматриваемой области. До настоящего момента в законодательстве большинства государств считалось, что ответственность за применение допинга является излишней; для спортсмена достаточно той ответственности, которую он понес в результате дисквалификации;

2) преступления, связанные с допингом, рассматриваются как посягательства на конкуренцию в спорте. Косвенным указанием на данный факт является наличие специальной цели – получить конкурентное преимущество в спорте;

3) немецкий законодатель в значительной мере ограничивает круг возможных субъектов ответственности за преступления, связанные с допингом. Интересной особенностью является установление ответственности для лиц, кто прямо или косвенно генерирует значительный доход от спортивной деятельности. Такой подход представляется весьма интересным, поскольку позволяет учитывать лиц, которые напрямую не связаны с организацией и проведением спортивных соревнований, однако наличие финансовых интересов в спортивном мире позволяет рассматривать данных лиц как субъектов преступлений, связанных с допингом. К таким лицам могут быть отнесены владельцы и акционеры спортивных клубов, букмекеры и т.д.;

4) среди основных деяний, связанных с допингом, помимо его применения, за которые предусмотрена ответственность в действующем немецком уголовном законодательстве, следует выделить: систематизированную торговлю допинговыми веществами; единичные случаи продажи допинговых веществ; распределение либо размещение на

рынке запрещенных препаратов; применение допингового вещества в отношении другого лица. Таким образом, в немецком законодательстве установлена ответственность за широкий перечень деяний, связанных как с применением, так и с оборотом допинговых веществ;

5) немецкий законодатель учитывает повышенную степень общественной опасности и, соответственно, предусматривает более строгие меры наказания в том случае, если применение допингового вещества может повлечь за собой серьезный вред здоровью лицу (лицам); применяется в отношении лица, не достигшего 18-летнего возраста; связано с получением значительных доходов либо совершается организованной группой. Указание на последние два квалифицирующих признака является показателем восприятия повышенной общественной опасности организованных случаев совершения допинговых преступлений, когда такая деятельность систематизирована и совершается в отношении большого числа лиц.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Рарог А.И., Хелльманн У., Головенков П.* Ответственность за профессиональную недобросовестность по уголовному законодательству России и фармацевтическое уголовное право Германии // *Lex Russia* (Научные труды МГЮА). – 2008. – № 6. – С. 1517–1543.

2. *Anti-Doping Act of 10 December 2015* // *Federal Law Gazette I*. – 10.12.2015. – P. 2210.

3. *Gerlinger K., Petermann T., Sauter A.* *Gene Doping*. – Berlin, 2009.

4. *Kruger M., Becker C., Nielsen S.* *German sports, Doping and Politics*. – London, 2014.

УГОЛОВНО-ПРАВОВОЕ ПРОТИВОДЕЙСТВИЕ ПРИТОНОСОДЕРЖАТЕЛЬНОСТИ В СОВРЕМЕННЫХ УСЛОВИЯХ: НОВЫЙ ВЗГЛЯД НА ПРОБЛЕМУ

А.С. Василенко

*кандидат юридических наук,
доцент кафедры уголовного права,
уголовного процесса и криминалистики
Российского университета дружбы народов*

А.С. Берсанов

*аспирант кафедры уголовного права,
уголовного процесса и криминалистики
Российского университета дружбы народов*

Вопрос о состоятельности криминализации¹ действий, описанных в диспозиции ст. 232 УК РФ, на первый взгляд, может показаться лишеным всякого смысла. В доктрине уголовного права практически единодушно подчеркивается неоспоримая опасность притоносодержательства².

В качестве аргументов авторы, как правило, указывают на то, что:

¹ Под данной категорией предлагается понимать выявление опасных для личности, общества и государства деяний признание их преступными путем установления в уголовном законе запрета на их совершение, а также процесс и результат установления уголовно-правового запрета [6; 7, с. 13].

² Здесь и далее по тексту под этим термином понимаются все деяния, описанные в диспозиции ст. 232 УК РФ.

1) «в притонах происходит приобщение лиц к наркотическим средствам и психотропным веществам. ...они являются не только рассадниками преступности, но и тяжелых инфекционных заболеваний, в том числе ВИЧ-инфекции» [9, с. 20];

2) «лица, виновные в совершении таких деяний, снижают эффективность профилактических мер, направленных на утверждение нравственных основ здорового образа жизни, противостоят мерам, призванным нейтрализовать преступную активность» [13, с. 12];

3) «отказ государства от преследования притоносодержателей, несомненно, привел бы к резкому ослаблению контроля за обращением наркотических средств в стране, мог бы вызвать неудержимый рост наркомании» [3, с. 9].

Обращаясь к данной проблематике, А.Д. Щербаков резюмирует, что общественная опасность этого преступления заключается в создании благоприятных условий для употребления наркотика, что способствует росту наркопреступности [14, с. 255].

Принимая во внимание и частично соглашаясь с приведенными выше доводами, в современных условиях все же возникает немало вопросов о необходимости решения проблемы притоносодержательства мерами уголовной репрессии. Во-первых, учитывая, что наркопотреблению по природе свойственен коллективный характер, закономерно возникает вопрос: правильно ли бороться с этой внутренней закономерностью анализируемого явления путем применения наказания? Во-вторых, распространенное утверждение о прямо-пропорциональном влиянии количества притонов на уровень наркопотребления не является столь уж бесспорным [16, с. 84]. Не следует ли говорить об обратной зависимости – рост наркопотребления напрямую обуславливает повсеместное распространение притонов? В-третьих, соответствует ли научно-обоснованным критериям криминализации изменение диспозиции ст. 232 УК РФ путем

включения альтернативной формы данного преступления в виде систематического предоставления помещений для целей наркопотребления?

Решение обозначенных вопросов предполагает оценку комплекса социально-экономических, политических, юридико-криминологических и социально-психологических факторов. При этом доминирующими критериями, конечно же, служат такие, как степень общественной опасности анализируемого деяния, его распространенность и динамика.

Основополагающим критерием криминализации любого деяния традиционно признается его общественная опасность. Не вдаваясь в пространное изложение имеющихся точек зрения относительно определения категории общественной опасности преступления [1, с. 219], согласимся с лаконичным замечанием Н.Ф. Кузнецовой: «общественная опасность означает, что деяние вредоносно для общества» [2, с. 60].

Рассматривая содержание и показатели общественной опасности притоносодержательства, по-видимому, необходимо предварительно согласиться с тем, что существует значительно отличающаяся от чисто материальных и физических потерь система ценностей, которая включает в себя другие «социальные измерения» ущерба, общественные издержки от преступности. Общественная опасность притоносодержательства обусловлена самой природой притона как места, свободного для посещения неограниченным кругом лиц и являющегося по этой причине значительным фактором роста потребления, изготовления и сбыта наркотических средств, психотропных веществ и их аналогов на определенной территории.

Если рассмотреть механизм воздействия преступления, предусмотренного ст. 232 УК РФ, на охраняемые уголовным законом общественные отношения, то можно сделать вывод, что общественная опасность организации и содержания притонов имеет в некотором смысле производный

(вторичный) характер и обусловлена совокупностью негативных последствий незаконного потребления наркотиков – медицинских и социальных.

В Стратегии государственной антинаркотической политики Российской Федерации до 2020 г. отмечается, что современная наркоситуация в стране характеризуется расширением масштабов незаконного оборота и немедицинского потребления высококонцентрированных наркотиков, а также их влиянием на распространение ВИЧ-инфекции, вирусных гепатитов, что представляет серьезную угрозу безопасности государства, экономике страны и здоровью населения [10].

В дополнение к этому нельзя не указать и на то обстоятельство, что складывающаяся в притонах криминогенная обстановка способствует росту преступлений, связанных как с незаконным оборотом наркотиков, психотропных веществ и их аналогов, так и совершенных на почве наркомании [4, с. 65].

На основании изложенного можно также сделать вывод, что уголовно-правовой запрет, предусмотренный ст. 232 УК РФ, оказывает двойное превентивное воздействие, поскольку, с одной стороны, предупреждает само притоносодержательство, а с другой – предотвращает иные описанные в диспозициях статей Особенной части УК РФ деяния, связанные с незаконным оборотом наркотиков.

Соглашаясь с объективной опасностью организации и содержания притонов, подобный вывод, пожалуй, можно по умолчанию распространить и на систематическое предоставление помещений для этих же целей. Следует отметить, что расширение диспозиции ст. 232 УК РФ было отчасти обусловлено влиянием доктрины уголовного права. Отдельные специалисты последовательно подчеркивали системное противоречие диспозиций ст. 232 и 241 УК РФ (организация занятия проституцией), которая, помимо действий по содержанию притона, признавала уголовно наказуемыми

и действия по систематическому предоставлению помещения для занятия проституцией [12].

По мнению Д. Токманцева, введение состава систематического предоставления помещения для потребления наркотических средств обусловлено необходимостью установления ответственности за предоставление помещения, которое не было организовано и/или приспособлено под притон. До внесения рассматриваемых изменений в уголовный закон лицо, предоставившее свою квартиру для потребления наркотических средств, могло быть привлечено к уголовной ответственности по ст. 232 УК РФ только при условии, что квартира или ее часть были приспособлены (хотя бы незначительно, временно) под притон [11].

Вместе с тем закономерно возникает вопрос: должны ли подлежать ответственности родственники наркозависимого лица, которые, сопереживая злополучной судьбе своего близкого, страдающего болезненным пристрастием к наркотическим средствам или психотропным веществам, предоставляют ему свой кров? Проведенное социологическое исследование показало, что около 73% опрошенных высказали мнение, что систематическое предоставление лицом своего жилища для потребления наркотиков своим близким (мужем, дочерью, внуком и т.д.) не свидетельствует о злонамеренности субъекта, имеет положительную мотивацию и объективно не требует запрещения самым суровым образом – посредством уголовно-правового инструментария.

По мнению А.Д. Щербакова, проведенная в 2013 г. реформа по включению в текст ст. 232 УК РФ деятельности по «систематическому предоставлению помещений» выглядит как социально необусловленная, так как не делает никакой дифференциации между лицом, занятым целенаправленным переоборудованием помещения, качественно улучшая его характеристики, тем самым преследуя цель получения определенной выгоды от своей деятельности, и лицом, которое просто предоставило возможность употребить два и более раза на кухне квар-

тиры, находящейся в собственности, своему другу наркотик, к примеру, употребить марихуану путем курения [15].

Вместе с тем, на наш взгляд, приведенное замечание не ставит под сомнение обоснованность криминализации систематического предоставления помещения для потребления наркотических средств, а справедливо подчеркивает тот факт, что в современной диспозиции ст. 232 УК РФ объединены две несопоставимые по опасности формы преступного деяния. Данное противоречие, конечно же, заслуживает самого пристального внимания и скорейшего разрешения.

Последствия чрезмерной криминализации, как известно, всегда значительны. Как справедливо резюмирует А.В. Наумов, чрезмерное количество уголовно-правовых запретов превращает свободу человека в противоположность, в несвободу, поскольку во имя защиты свободы ее же серьезно и ограничивает [5, с. 20].

Учитывая масштабы наркотизации российского общества, можно предположить, что уголовно-правовой запрет систематического предоставления помещения для потребления наркотических средств будет нарушаться многими его членами. В свою очередь, это грозит превращением уголовного права в средство демонстрации политических намерений, а, по сути, в фарс, что неминуемо вызовет неуважение и неприятие не только самого уголовного закона, но и других законов.

Нельзя не признать, что решение об установлении уголовной ответственности за систематическое предоставление помещений для немедицинского потребления наркотиков отчасти отражает беспомощность государства перед проблемой распространенности наркомании в обществе. В некоторой степени это и попытка переложить ответственность на правоохранительную систему, которая по определению не способна качественно повлиять на масштабы данной социальной болезни.

В связи с этим полагаем, что из-под действия ст. 232 УК РФ по меньшей мере необходимо исключить случаи система-

тического предоставления помещений для потребления наркотических средств супругом или близким родственником наркозависимого лица. Результаты анкетирования показали, что данный вывод нашел свою поддержку у 68% респондентов.

Представляется ошибочным распространенное представление, что между притоносодержательством и незаконным оборотом наркотиков имеется односторонняя причинно-следственная связь, когда первое явление с необходимостью обуславливает второе. Проведенное исследование показало, что в подавляющем большинстве случаев (87%) появление притона было обусловлено формированием наркозависимости у владельца помещения с последующей социальной деградацией личности (потерей постоянного источника дохода, разрушением семейных отношений и т.п.). Впоследствии, не имея средств к существованию, в обмен на очередную «дозу» такое лицо начинало предоставлять свое жилище для потребления наркотических средств всем желающим. Таким образом, позволим себе сделать вывод, что организация и содержание притонов для потребления наркотических средств, психотропных веществ или их аналогов представляет собой отрицательное фоновое явление, которое одновременно выступает следствием и причиной наркотизации населения.

Коллективный характер присущ наркопотреблению ввиду разных причин. Так, применительно к употреблению наркотических средств каннабисной группы это обусловлено тем, что ощущение эйфории («кайфа») значительно усиливается от зрительного восприятия друг друга; в случаях потребления героина групповой характер притягателен тем, что лица могут приобрести наркотик совместно. Понятно, что уголовно-правовая репрессия сама по себе не может преодолеть эту закономерность. От того, имеется ли уголовно-правовой запрет на притоносодержательство или нет, наркозависимые лица не перестанут объединяться в группы.

Сказанное, однако, не свидетельствует о том, что уголовная ответственность за организацию и содержание при-

тонов не имеет под собой теоретико-правовых оснований. Напротив, учитывая совокупность негативных последствий притонсодержательства, государство обязано бороться с ним. Вместе с тем полагаем, что существенным просчетом российской антинаркотической политики в данном вопросе является переоценка роли и значения мер уголовной репрессии. Уголовное наказание само по себе никогда не сможет решить данную проблему. В этой связи, на наш взгляд, отечественному законодателю необходимо обстоятельно задуматься над иными формами социального противодействия наркопотреблению и, прежде всего, над возможностью реализации специальных программ по минимизации вреда от незаконного наркопотребления.

Специальные комнаты для потребления наркотиков (инъекционные центры, drug injection rooms) впервые появились в Нидерландах еще в начале 1970-х гг. В настоящее время такие центры имеются в Австралии, Германии, Дании, Испании, Канаде, Франции, США и других странах. Концепция данной меры, направленной на минимизацию вреда от незаконного оборота наркотиков, заключается в распространении социального контроля над проблемой путем проведения разъяснительной работы с наркозависимыми, оказания им различного рода помощи – от предоставления стерильных шприцев до одежды и еды.

При этом неправильно рассматривать такие комнаты для безопасного потребления наркотиков как помещения, где любой желающий в любое время может употребить наркотик. Общепринятыми требованиями к посетителям данных центров являются: предоставление документов, подтверждающих совершеннолетие и наличие наркозависимости, прохождение регистрации в центре, трезвое состояние на момент посещения, периодическое предоставление справок из медицинских организаций на отсутствие инфекционных заболеваний. При пребывании в центре наркозависимые лица обязаны выполнять ряд требований по соблюдению личной ги-

гиены: хранение личных вещей (ложек, турникетов) допускается только в специальных именных пакетах, после укола шприцы помещаются в специальные контейнеры и др. Кроме того, категорически запрещается осуществлять инъекции в опасные места (шею, пах и др.) и сбывать наркотики.

Многие исследования подтверждают эффективность контролируемого потребления наркотиков. Так, согласно исследованию, проведенному в Дании (по состоянию на 27 мая 2015 г.), с 2012 по 2015 г. в датских инъекционных центрах было зарегистрировано 4372 пользователя. При этом за этот же период героин принимали 355 255 раз. В 301 случае была зафиксирована передозировка, но это не повлекло за собой ни одного смертельного исхода, поскольку в зале регулярно дежурил подготовленный персонал, оснащенный необходимыми препаратами. Кроме того, в исследовании отмечается, что, по данным датской полиции, инъекционные комнаты снизили количество шприцев и игольчатых отходов на улицах на 70–80% [17].

В марте 2016 г. главный санитарный врач Торонто (Канада) Дэвид Маккеоун заявил, что, согласно данным проведенного исследования, инъекционные комнаты сохраняют жизни и ограничивают распространение инфекционных заболеваний (ВИЧ, гепатит и др.), так как исключают негигиеническое потребление наркотиков [19].

Нельзя, однако, не отметить, что Международный комитет по контролю за наркотиками ООН до настоящего времени критикует практику организации инъекционных комнат, ссылаясь на то, что она не в полной мере соответствует положениям международных соглашений по контролю наркотиков [18].

Конечно же, центры безопасного потребления наркотиков затрагивают многие юридические и этические вопросы. Так или иначе, в таких заведениях потребляют нелегальные вещества, имеющие криминальное происхождение. Результаты проведенного нами социологического исследования показали, что только 26% опрошенных респондентов под-

держивают идею создания инъекционных центров в России. Как представляется, данная цифра отражает современное отношение российского общества к модели «минимизации вреда» в целом. С другой стороны, полагаем, что в условиях фактически признанной проигранной войны против наркотиков современному обществу просто придется искать новые, более гуманные методы наркополитики.

Подчеркнем, что принятие решения о создании центров безопасного потребления наркотиков отнюдь не означает необходимость декриминализации ответственности за организацию и содержание притонов, а равно систематическое предоставление помещений для потребления наркотических средств. Никакого логического противоречия здесь нет. Наоборот, такой шаг будет свидетельствовать о попытке государства вывести из тени наркозависимых лиц, вырвать их из разветвленной сети притонов, выступающих очагами распространения наркотиков и инфекционных заболеваний.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Гогин А.А.* Общая концепция правонарушений: проблемы методологии, теории и практики: автореф. дис. ... докт. юрид. наук. – Казань, 2011.

2. *Кузнецова Н.Ф.* Преступление и преступность. – М., 1969.

3. *Кулиев Э.Ю.* Уголовная ответственность за организацию или содержание притонов для потребления наркотических средств (на материалах Туркменской ССР, Узбекской ССР, Киргизской ССР, Таджикской ССР): автореф. дис. ... канд. юрид. наук. – Томск, 1991.

4. *Москвичев А.А.* Содержание притонов и систематическое предоставление помещений для потребления наркотических средств, психотропных веществ или их аналогов как формы содействия преступной деятельности // *Общество и право.* – 2017. – № 1 (59). – С. 64–67.

5. *Наумов А.В.* Российское уголовное право: курс лекций: в 3 т. – Т. 1. Общая часть. – М., 2007.

6. *Нечаев А.Д.* Основания классификации и виды криминализации и декриминализации // Журнал российского права. – 2017. – № 6. – С. 105–114.

7. *Побегайло Э.Ф.* Уголовная политика современной России: авторская концепция // Вестник Балтийского федерального университета им. И. Канта. – 2007. – № 9. – С. 6–15.

8. *Разгильдиев Б.Т.* Общественная опасность преступлений и иных правонарушений // Библиотека криминалиста: научный журнал. – 2013. – № 2 (7). – С. 214–224.

9. *Ролик А.И.* Организация либо содержание притонов для потребления наркотических средств или психотропных веществ // Наркоконтроль. – 2014. – № 4 (37). – URL: lawinfo.ru/catalog/6653/6877/4/7756

10. Российская газета. – 15.06.2010. – № 5207 (128).

11. *Токманцев Д.* Ответственность за систематическое предоставление помещения для потребления наркотических средств (ст. 232 УК РФ) // Уголовное право. – 2014. – № 2. – С. 78–81.

12. *Хорошев Я.Е., Пекарев С.В.* Уголовная ответственность за организацию и содержание наркопритонов // Законность. – 2012. – № 5. – С. 27–29.

13. *Шадрин В.П.* Уголовная ответственность за организацию или содержание притонов для одурманивания и проблемы ее реализации: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. – Томск, 1991.

14. *Шекк Е.А.* Организация и содержание наркопритонов как угроза здоровью населения // Юридическая наука и практика. – Самара, 2013. – С. 254–256.

15. *Щербаков А.Д.* Наркопритон в уголовном праве России: краткая заметка // Социально-экономические явления и процессы. – 2016. – № 10. – С. 99–100.

16. *Щербаков А.Д.* Наркотики в России и США: уголовно-правовой аспект: монография. – М., 2016.

17. *Christian W.* Drug injection rooms a resounding success. – URL: <http://cphpost.dk/news/drug-injection-rooms-a-resounding-success.html> (дата обращения: 12.06.2017).

18. Report of the international narcotics control board for 2013. – URL: https://www.incb.org/documents/Publications/AnnualReports/AR2013/English/AR_2013_E.pdf (дата обращения: 12.06.2017).

19. Safe injection sites are likely on their way to Toronto. – URL: https://www.vice.com/en_us/article/8gkpgv/safe-injection-sites-are-likely-on-their-way-to-toronto (дата обращения: 12.06.2017).

МЕЖДУНАРОДНО-ПРАВОВЫЕ ОСНОВЫ ПРОТИВОДЕЙСТВИЯ ЛЕГАЛИЗАЦИИ ПРЕСТУПНЫХ ДОХОДОВ, ПРИБРЕТЕННЫХ В РЕЗУЛЬТАТЕ СОВЕРШЕНИЯ КОРРУПЦИОННЫХ ПРЕСТУПЛЕНИЙ

Р.Х. Саппаров

прокурор г. Орехово-Зуево

Легализация (отмывание) преступных доходов традиционно в теории уголовного права относится к преступлениям международного характера [6]. Такой подход предполагает необходимость значительно более детального рассмотрения международно-правовых актов в сфере противодействия данному явлению.

Последствия коррупционных преступления также часто связаны не с одним государством. Все чаще употребляется термин «международная коррупция», которая предполагает совершение коррупционных преступлений на территории нескольких государств одновременно либо использование для их совершения международных организаций, работающих одновременно во многих странах.

Примером такой международной коррупции может служить знаменитое ФИФА-гейт (коррупционный скандал в Международной федерации футбола). В результате проведенного расследования 14 высших чиновников ФИФА были заподозрены в коррупционных преступлениях, организованной преступной деятельности и отмывании денег с использованием ФИФА в течение 24 лет. В частности, подозрения вызвали выборы Катара, крайне неудобного по климатическим условиям, в качестве места проведения Чемпионата мира по футболу 2022 г. [8].

При этом следует отметить частую взаимосвязь легализации преступных доходов и коррупционных преступлений. В частности, Г. Стессенс, подробно исследовавший такую взаимосвязь, замечает, что необходимость построения системы международного права в сфере противодействия легализации (отмыванию) преступных доходов объясняется тем, что преступники, получающие большое количество криминальных доходов, в том числе от коррупционных преступлений, желают их потратить. При этом самый простой для них способ – сделать это за пределами того государства, где эти доходы были приобретены, поскольку в таком случае значительно менее эффективны механизмы государственного контроля [11, р. 5–7].

Эксперты ФАТФ (Группа разработки финансовых мер по борьбе с отмыванием денег) ежегодно готовят доклады, в которых регулярно отмечают зависимость числа коррупционных преступлений и эффективность применяемых мер для борьбы с отмыванием денег. При этом во многих государствах в настоящий момент на основе таких рекомендаций ФАТФ пришла к выводу, что с коррупционными преступлениями более эффективно бороться не напрямую, а посредством противодействия легализации преступных доходов от коррупционных преступлений.

Такое положение вещей объясняется двумя основными факторами:

1) низкой эффективностью противодействия непосредственно коррупционным преступлениям, что объясняется сложностью их выявления. Действительно, обнаружить непосредственно получение и дачу взятки тяжело в виду того, что, как правило, это взаимовыгодная сделка двух участников;

2) чиновник, получающий доходы от коррупционной деятельности, находясь «в правовом поле», имея стойкие ограничения и обязанный отчитываться за полученные доходы, вынужден использовать механизмы легализации преступных доходов с целью придания смысла своим предид-

катным, коррупционным преступлениям. Только в таком случае он получает возможность распоряжаться приобретенными коррупционными доходами.

Такая взаимосвязь также отражена в международных документах.

Направляющую роль в противодействии отдельным видам преступных угроз в последние десятилетия играет ООН. При этом легализации преступных доходов уделяется особое внимание. В зарубежных источниках отмечается, что в виду повышенной общественной опасности легализации (отмывания) преступных доходов во взаимосвязи с некоторыми предикатными преступлениями на уровне ООН были приняты специальные международные нормы в данной сфере [9, р. 3–10]. В частности, следует отметить Конвенцию о борьбе против незаконного оборота наркотических средств и психотропных веществ (принята Генеральной Ассамблеей ООН в 1988 г.) [1]; Конвенцию против транснациональной организованной преступности (принята Резолюцией № 55/25 на 62-м заседании 15 ноября 2000 г.) [3].

Применительно к нашему исследованию особое значение имеет Конвенция ООН против коррупции (принята Генеральной Ассамблеей 31 октября 2003 г.) [2].

Анализируя текст рассматриваемого международно-правового акта, следует сделать несколько замечаний:

1) в Конвенции отдельно рассматривается взаимосвязь легализации преступных доходов и коррупции. Меры противодействия коррупции учитывают необходимость последующего отмывания преступных доходов. Следовательно, эффективность противодействия коррупции в международном праве напрямую связана с эффективностью противодействия легализации преступных доходов как неотъемлемой части преступной цепочки, начинающейся с совершения коррупционного преступления;

2) в Конвенции содержится указание на необходимость именно уголовной ответственности за легализацию (отмы-

вание) преступных доходов, приобретенных в результате совершения коррупционных преступлений. При этом в Конвенции определены лишь основные направления развития уголовного законодательства в рассматриваемой области, а также определен перечень деяний, связанных с легализацией (отмыванием) преступных доходов, в отношении которых может быть установлена уголовная ответственность за их совершение;

3) особое внимание обращается на то, что основное правонарушение может быть совершено за пределами того государства, в котором совершается легализация (отмывание) преступных доходов. Такой подход связан с тем, что в настоящий момент часто предполагается вывоз коррупционного капитала за пределы государства. Как следствие – цепочка «коррупционное преступление – легализация (отмывание) преступных доходов» часто имеет международный характер. Данное обстоятельство предполагает необходимость международного сотрудничества в рассматриваемой сфере.

Применительно к вопросу противодействия легализации (отмыванию) преступных доходов важнейшее значение имеют две Конвенции: Конвенция Совета Европы об отмывании, выявлении, изъятии и конфискации доходов от преступной деятельности (Страсбург, 8 ноября 1990 г.) [4] и Конвенция Совета Европы об отмывании, выявлении и конфискации доходов от преступной деятельности и о финансировании терроризма (Варшава, 2005 г.) [5]. Важным органом в сфере противодействия легализации преступных доходов считается ФАТФ. Существенная роль ФАТФ в сфере противодействия легализации (отмыванию) преступных доходов подчеркивается в зарубежной литературе [10].

В своих документах, в частности, Рекомендациях и отчетах, данная организация не раз обращала внимание на зависимость легализации (отмывания) преступных доходов и коррупционных преступлений.

В целом, анализируя международно-правовые акты в сфере противодействия легализации преступных доходов, приобретенных в результате совершения коррупционных преступлений, необходимо подробнее остановиться на следующих аспектах.

1. В международном праве как одна из наиболее общественно опасных взаимосвязей предикатного преступления и легализации преступных доходов рассматривается цепочка «коррупционное преступление – легализация преступных доходов». Данное обстоятельство обусловлено необходимостью отмыwania крупных преступных доходов, приобретенных в результате совершения коррупционных преступлений. Только в таком случае предикатному преступлению придается смысл. Таким образом, противодействие коррупции не эффективно без наличия правовых мер противодействия легализации преступных доходов.

2. В большинстве международных документов не закреплена необходимость установления именно уголовной ответственности за легализацию (отмывание) преступных доходов. Лишь в Рекомендациях ФАТФ есть такое указание. При этом легализация (отмывание) преступных доходов не рассматривается как самостоятельное преступление, а лишь во взаимосвязи с отдельными предикатными преступлениями. Отдельные государства в своем национальном законодательстве могут ограничить применение уголовно-правовых мер в отдельных цепочках «предикатное преступление – легализация преступных доходов», исходя из особенностей предикатных преступлений:

– путем указания на конкретное предикатное преступление;

– путем указания на степень общественной опасности целой группы предикатных преступлений.

Таким образом, в национальном уголовном законодательстве легализация преступных доходов, приобретенных в результате совершения коррупционных преступлений,

может рассматриваться как деяние с повышенной или пониженной степенью общественной опасности.

3. В ряде международных документов особое внимание уделяется необходимости ответственности юридических лиц за легализацию (отмывание) преступных доходов. При этом нет указания на природу: она может быть как административной (например, в Италии), так и уголовной (например, в США). Особую актуальность установление ответственности юридических лиц приобретает в случаях легализации преступных доходов, приобретенных в результате совершения коррупционных преступлений. Это связано с тем, что часто высшие государственные чиновники и иные должностные лица используют организации, прежде всего, банковского сектора для отмывания преступных доходов, приобретенных в результате совершения коррупционных преступлений.

Например, в конце мая 2017 г. Федеральная резервная система США вновь оштрафовала крупнейший немецкий банк Deutsche Bank на 41 млн дол. (37 млн евро) за неспособность принять достаточные меры для предотвращения отмывания денег из России, приобретенных в результате коррупционных преступлений. В частности, ФРС заявила о «небезопасных и ненадежных» практиках кредитной организации и обязала ее работать над улучшением контроля за исполнением американских законов в сфере противодействия отмыванию средств [7].

4. Для легализации преступных доходов, приобретенных в результате совершения коррупционных преступлений, используются более сложные способы легализации. Приведенные примеры ФАТФ показывают, что, как правило, легализуются крупные коррупционные доходы, и с этой целью используются усложненные механизмы, связанные как с банковским сектором, так и использованием профессиональных легализаторов преступных доходов.

5. Особое внимание уделено необходимости применения конфискационных мер, что особо актуально примени-

тельно к отмыванию доходов, приобретенных в результате коррупционных преступлений. В таком случае важное значение приобретает возможность возвращения денежных средств, приобретенных в результате такого преступления.

В целом, подводя итог исследованию международных основ противодействия легализации преступных доходов, приобретенных в результате совершения коррупционных преступлений, отметим следующее.

1. Цепочка «коррупционное преступление – легализация преступных доходов» рассматривается в международном праве как обладающая повышенной степенью общественной опасности. Ввиду повышенной общественной опасности данной цепочки в международном праве разработана и закреплена в Конвенции ООН против коррупции система юридических норм, направленных на противодействие легализации преступных доходов, приобретенных в результате коррупционных преступлений.

2. Легализация преступных доходов, приобретенных в результате совершения коррупционных преступлений, часто носит экстерриториальный характер. Данные факторы потребовали создание международных основ противодействия данному явлению.

3. Для легализации преступных доходов, приобретенных в результате совершения коррупционных преступлений, характерно использование более усложненных способов легализации преступных доходов, в частности, посредством юридических лиц, прежде всего, банковских и кредитных организаций. Как следствие – в международно-правовых актах предусмотрена необходимость установления ответственности юридических лиц за легализацию (отмывание) преступных доходов без указания на природу такой ответственности.

4. В международном праве не решен в полной мере вопрос о природе юридической ответственности за легализацию (отмывание) преступных доходов, приобретенных в результате коррупционных преступлений.

ЛИТЕРАТУРА

1. Конвенция о борьбе против незаконного оборота наркотических средств и психотропных веществ. – URL: https://www.unodc.org/pdf/convention_1988_ru.pdf

2. Конвенция Организации Объединенных Наций против коррупции. – URL: http://www.un.org/ru/documents/decl_conv/conventions/corruption.shtml

3. Конвенция против транснациональной организованной преступности. – URL: http://www.un.org/ru/documents/decl_conv/conventions/orgcrime.shtml

4. Конвенция Совета Европы об отмывании, выявлении, изъятии и конфискации доходов от преступной деятельности. – URL: http://www.eurasiangroup.org/ru/restricted/strasburg_conv.pdf

5. Конвенция Совета Европы об отмывании, выявлении и конфискации доходов от преступной деятельности и о финансировании терроризма. – URL: http://www.eurasiangroup.org/ru/restricted/varshav_conv.pdf

6. *Пикуров Н.И., Пудовочкин Ю.Е.* Проблемы квалификации и привлечения к уголовной ответственности за легализацию денежных средств или иного имущества, приобретенных преступным путем. – Нижний Новгород, 2015.

7. США повторно оштрафовали Deutsche bank за отмывание денег из России. – URL: <https://www.vz.ru/news/2017/5/31/872592.html>

8. Corruption in football. At last, a challenge to the impunity of FIFA // *The Economist*. – May 30th 2015.

9. *Durrieu R.* Rethinking Money laundering & Financing of Terrorism in International law. – Boston, 2013.

10. *Hayes B.* Counter-terrorism ‘policy laundering and the FATF’. – Hague, 2012.

11. *Stessens G.* Money laundering. A new international law enforcement model. – Cambridge, 2004.

MIGRATION: CRIME AND SOLUTION ISSUES IN THE SOCIALIST REPUBLIC OF VIETNAM

Vu Dai Luong

*undergraduate of the Criminal Law, Criminal Procedure
and Criminalistics Department
of the Russian People's Friendship University*

Vietnam is a developing country, has a population of about 86 million people, ranks 13th among the most populous country in the world and 3rd in South East Asia, almost 75% of workers living in rural areas, level of expertise, workmanship, low wages, cheap labor, force employment, each year there should be more 1,71 million jobs. With the structure of the young population, Vietnam is a country with advantages on the labor but require employment and stable income is a big challenge today.

According to the data of the Organization of international migration (IMO) taken from the source data of the united nations on issues of economic and social affairs (UN DESA), from 1990 to 2015 has 2 558 678 Vietnamese migration abroad. In 26 years, each year there are approximately 100 thousand Vietnamese migration abroad.

Most of the Vietnamese people, migrated to the developed countries, in which the middle east especially in America (more than 1,3 million people), France (125,7 thousand people), Germany (nearly 113 thousand people), Canada (182,8 thousand people), Australia (227,3 thousand people), South Korea (114 thousand people)...

In the publication «Migration and remittances factbook 2016» on migration and remittances of the countries in the world, World Bank said that Vietnam is in the top 10 countries emigrated abroad most East Asia to 2013.

1. The morphology migration in Vietnam

1.1. Vietnamese labour migration abroad

1.1.1. Labour migration under fixed-term contracts abroad

According to the Department for Overseas Labour (DoLAB statistics), the total number of Vietnamese migrant workers sent abroad increased annually during 2012–2016, from 80,320 in 2012 to 126,296 in 2016.

The top 15 destinations of Vietnamese labourers during 2012–2016, with Taiwan Province of the People’s Republic of China topping the table. During this period, the number of Vietnamese workers who arrived in Taiwan Province of the People’s Republic of China doubled, while Japan ranked second with annual increases of about 10,000 workers in the last three years. The Republic of Korea, Malaysia and Saudi Arabia were also common destinations. In 2015–2016, Algeria emerged as receiving high numbers of Vietnamese workers (1,963 in 2015 and 1,179 in 2016). Meanwhile, a reverse trend emerged elsewhere such as Macao, China (2,516 in 2014 to 493 in 2015, and 226 in 2016) and United Arab Emirates (2,075 in 2013, 831 in 2014, 286 in 2015). No Vietnamese workers departed on fixed-term contracts for Lao People’s Democratic Republic, Cambodia in 2015, with just one to Lao People’s Democratic Republic in 2016 (tabl. 1).

Table 1 only reflects the number of Vietnamese migrant workers deployed overseas in each respective year, not workers already in a country.

The proportion of women under contract labour abroad was relatively low and stable during 2012–2016. While women accounted for 33 per cent of labour migrants contracted abroad in 2012, 36 per cent in 2013 and 37,5 per cent in 2014, it dropped to 33,6 per cent in 2015, yet increased to 36,4 per cent in 2016.

Table 1

Destination	2012	2013	2014	2015	2016	Total
Taiwan Province of the People's Republic of China	30,533	46,368	62,124	67,621	68,244	274,890
Japan	8,775	9,686	19,766	29,810	39,938	107,975
Republic of Korea	9,228	5,446	7,242	6,019	8,482	36,417
Malaysia	9,298	7,564	5,139	7,454	2,079	31,534
Saudi Arabia	2,360	1,703	4,191	4,125	4,033	16,412
Lao People's Democratic Republic	6,195	4,860	200	0	1	11,256
Cambodia	5,215	4,250	50	0	0	9,515
Macao Special Administrative Region of China (SAR)	2,304	2,294	2,516	493	266	7,873
United Arab Emirates	1,731	2,075	831	286	616	5,539
Algeria	38	158	547	1,963	1,179	3,885

In general, migrants' wages and other incomes earned abroad were significantly better than average domestic wages, especially for those in Australia, Japan, Germany and Republic of Korea. This underlines the considerable potential of migrant workers' financial contributions to families and country. Estimated remittances from all migrant workers could have amounted to USD 3,27 billion in 2016.

1.1.2. Labour migration across land borders

According to statistics from the Border Gate Department, Border Guard Command, Ministry of National Defence, the number of Vietnamese who used travel documents to exit/enter

the country through land borders sharply increased during 2012–2015. During this time, land border exits by travel documents jumped from 1 639 219 in 2012 to 6,119,415 in 2015. The increase between 2012–2013 was 17,6 per cent, 29,8 per cent in 2013–2014 and 144,4 per cent in 2014–2015, almost a 2,5-fold jump. The trend for land border travel document entries was similar. However, in 2016, land exits and entries by travel documents decreased in comparison with 2015, when exits declined by nearly 30 per cent and entries by 20 per cent. During the five-year period, the annual number of exits was always higher than entries.

1.2. Migration for study

According to Ministry of Education and Training statistics on Vietnamese returning from Statesponsored study or scholarships under agreements between the Government of Viet Nam and foreign governments abroad in 2015, 440 students completed education in 20 countries and 1,223 were sent to study in 30 countries/territories. The total number of departing and returning students in 2015 was 1,666, with female students comprising 38,2 per cent. Top host countries were the Russian Federation (662 students), France (65), China (62), Hungary (53), Australia (52) and Germany (52). High ratios of female students were observed in New Zealand (70.4%), Belgium (65.4%) and the United Kingdom (53,1%).

In 2016, the numbers of departing and returning students increased from 2015. 1,465 students were sent abroad for study in 41 countries/territories in 2016, while 737 students returned after completion of studies that year. Countries with high numbers of inbound female students include New Zealand (77,8%), Belgium (65%), the United States (62,5%) and Canada (60%). In general, countries that received high numbers of students in 2016 also had high numbers of returnees.

The age of students overseas ranged from 17–46 years for males and 16–45 for females, with an average age of 25,6 years for the former and 24,9 for the latter in 2015 (departing students). In 2016, the average ages of departing male and female students were 26 and 25,3, respectively. Of the departing and returning students in 2015, 22 males (2,1%) and 20 females (3,1%) were ethnic minority, with the remainder Kinh people. In 2016, 33 males (4,3%) were ethnic minority, among the 775 departing male students, while 18 females (2,6%) were ethnic minority among 690 departing female students.

1.3. Marriage with foreign nationals and migration for child adoption

Vietnamese marrying foreign nationals including overseas Vietnamese and migrating is now commonplace in Viet Nam to such an extent that in 2014 and 2015, such cases were recorded in all 63 provinces and cities nationwide. The gender-based division of Vietnamese marrying foreign nationals (including overseas Vietnamese). The ratio of Vietnamese nationals marrying foreign nationals (not Vietnamese living overseas) accounted for 63 per cent of marriage relations involving foreign elements in 2013. This ratio has risen in recent years from 62,4 per cent in 2014 to 71,4 per cent (2015), with the vast majority involving Vietnamese women. In 2015 18,726 cases of marriages with foreign nationals were recorded nationwide, in which 85,4 per cent were female Vietnamese. Interestingly, the number of marriages involving Vietnamese men has risen, while that of women has dropped. However, due to the high proportion of women's marriages, the overall number of both genders' marriages involving foreign elements has decreased. In 2016 the number of marriages with foreign nationals reduced to 16,223 cases, in which 85 per cent were female Vietnamese. Most Vietnamese marrying foreign nationals were from the majority Kinh

ethnic group, in contrast to 6,3 per cent of ethnic minority people from 2008 to June 2013.

The number of Vietnamese marrying nationals from several places of origin, with the United States, Republic of Korea, Taiwan Province of the People's Republic of China, China and Australia the most common and Canada emerging during 2013–2016 with 737 nationals marrying in 2013, 533 (2014), 599 (2015) and 557 (2016). Fewer Vietnamese married nationals from neighbouring Cambodia and Lao People's Democratic Republic. According to data from the Australian Embassy in Ha Noi, the country granted visas for family reunions to 2,140 Vietnamese (including 606 dependants, often children) in 2014 and in the first 10 months of 2015, the figure was 843 (261 dependants). These figures are much higher than in 2008–2012.

It is clear that each year, tens of thousands of Vietnamese women marry foreign nationals, including overseas Vietnamese. However, in the past five years, the number of women tying the knot with non-Vietnamese has declined, in contrast to local men taking this step. The United States, Republic of Korea, Taiwan Province of the People's Republic of China and China have high numbers of nationals marrying Vietnamese. The Mekong Delta and southern coastal areas have more nationals in union with American citizens or Taiwanese, while those who marry Chinese and nationals of the Republic of Korea are scattered nationwide.

International child adoption in Viet Nam increased during 2012–2015, with 278 adoption cases in 20 provinces/cities in 2012, rising to 318 in 38 provinces/ cities in 2013 and 555 in 45 provinces/cities in 2014. In 2015, 575 cases in 48 provinces/cities were recorded, in contrast to 551 cases in 46 provinces/cities during 2016. In total, 2,312 cases of child adoption were reported during 2012–2016. Slightly more girls were adopted, with 53,3 per cent of cases in 2014, 53,6 per cent (2015).

France, Italy, Taiwan Province of the People's Republic of China, Spain, Canada, Republic of Korea, Ireland, Sweden,

Germany and Denmark were the top 10 destinations of adopted Vietnamese children.

The majority of adoptive children were aged up to 5 years. In 2015–2016, the percentage of adoptive children aged under 1 year increased and that of children aged up to 5 years decreased compared to 2014 ratios, respectively. More than 20 per cent of adoptive children were aged more than 10 years during 2014 – 2016.

2. Crimes in the migration

2.1. Human trafficking

In general, varied data sources paint different pictures of trafficking cases and survivors in Viet Nam. According to data released by Steering Committee 138/CP, a national committee within the Ministry of Public Security to prevent trafficking, from 21 November 2010 to 20 November 2015, some 2,205 cases of human trafficking were detected nationwide, with 3,342 traffickers and 4,495 survivors, of which 85 per cent were women and children (Steering Committee 138/CP, 2015a). The majority were cross-border cases. Nearly 90 per cent of cross-border trafficking took place from Viet Nam to Cambodia, Lao People's Democratic Republic and China. In particular, the border with China was a trafficking hotspot that accounted for 70 per cent of detected cases during this period (Steering Committee 138/CP, 2015a). To implement the Government's anti-traffic-king action plan during 2011–2015, Steering Committee 138/CP issued Plan № 114/KH-BCD to commission a nationwide survey in Viet Nam on human trafficking and related crimes during 2008–2013. This is the most significant activity to collect trafficking information in Viet Nam thus far. Report № 571/KH-BCD, dated 7 November 2013 on the survey results provided a comprehensive examination of people trafficking during this period.

From 2008–2016 authorities detected 3,897 cases with 6,188 traffickers and 8,336 survivors (Office 138/CP, 2014a; Office 138/CP, 2014b; Office 138/CP, 2015a). The number of detected cases increased from 2008 and peaked in 2013 with 507 cases. After 2013 trafficking cases decreased, but the number of victims climbed. While survivors slightly decreased in 2015, they spiked in 2016 (tabl. 2).

Table 2

Year	Cases	Traffickers	Survivors
2008	375	718	981
2009	395	748	869
2010	429	683	671
2011	454	670	821
2012	478	809	883
2013	507	697	982
2014	469	685	1,031
2015	407	655	1,000
2016	383	523	1,128
Total	3,897	6,188	8,366

The specific characteristics of people trafficking and its victims are detailed in Report № 571/BC-BCD dated 7 November 2013 on results of the nationwide trafficking survey. However, the report only provides data up to mid-2013. During this period, 2,390 cases were detected, 88,1 per cent featured survivors 16 years and older, 7.4 per cent with children under 16 years and 4,5 per cent with adults and children. Some 2,293 cases were classified as cross-border trafficking and 97 cases internal trafficking. Of note, 72 per cent of all cases were China-related. Out of 2,390 trafficking cases detected during 2008 to mid 2013, 1,392 were related to sex work (58,2%), 398 to forced marriage (16,7%), 13 to forced labour (0,5%) and 587 to other purposes (16,7%) (Office 138/CP, 2013). In 2014, the Report on Results of Implementation of the Plan of Action to Prevent Trafficking

in Persons 2014, produced by Steering Committee 138/CP, estimated the number of trafficking cases through illegal exits to China for work accounted for 20 per cent of total cases, while child and infant kidnapping, appropriating for trafficking abroad cases accounted for 13 per cent of total cases (Office 138/ CP, 2014b).

Human trafficking for prostitution and marriage purposes were most common, and the main cross-border trafficking route was from Viet Nam to China, as confirmed by Steering Committee 138/CP's latest reports (Steering Committee 138/CP, 2015a and 2015b) and 138/CP, 2016).

While human trafficking violations have been detected nationwide, localities bordering Cambodia, China and Lao People's Democratic Republic face obtrusive cross-border trafficking, particularly to China in women for fraudulent marriages and prostitution, in men for forced labour, in infants and unborn babies and for organ removal. Land border trafficking from Viet Nam to Cambodia was mainly in women for prostitution and forced labour, surrogacy or for forced marriages in a third country. Along the Viet Nam – Lao People's Democratic Republic border, there was smaller-scale trafficking for prostitution or forced marriage (Steering Committee 138/CP, 2013). These findings are consistent with previous reports showing that Vietnamese women and young girls were trafficked to work in brothels in Cambodia; China; Malaysia; Macao, China; Singapore; and Thailand (Consular Department, Ministry of Foreign Affairs, 2011) among others or for forced marriage.

Overall, the human trafficking situation in Viet Nam is complex. According to a Steering Committee 138/CP report, 338 human trafficking cases with 523 traffickers and 1,128 survivors were detected in 2016 and about 200,000 persons irregularly exited the country to China, Lao People's Democratic Republic, Cambodia and Thailand for seasonal works that were subject to potential risks of trafficking. Localities with high numbers of cases include Dien Bien, Ha Giang, Lao Cai, lang

Son, Quang Ninh, Nghe An, Ho Chi Minh city, Son La, Dong Thap and Kien Giang with a total of 734 survivors of trafficking and about 394 cases that were thought to be trafficked. Trafficking in the form of illegal marriage brokering and false marriages to Malaysia, China, Republic of Korea, and Taiwan Province of the People's Republic of China occurred more often in southern provinces, while cases of child trafficking, substitution and appropriation (including in infants and children) were more prevalent in northern border provinces (Office 138/CP, 2015b). The vast majority of survivors were women (96%), with 56,3 per cent from the Kinh ethnicity and 43,7 per cent ethnic minorities. Most survivors were single (81,8%).

Most survivors were from poor families, unskilled or farmers with low education levels (18,3% were illiterate and 75,1% have primary or secondary education levels).

Of concern, the scourge of human trafficking is also increasingly encompassing men, infants and unborn babies.

Out of 3,961 traffickers arrested between 2008 and mid-2013, 58,7 per cent were men and 84,7 per cent Kinh. Most traffickers were lowly educated, 13,3 per cent illiterate and 67,4 per cent had secondary education or lower.

More than one third (37,7%) were farmers and 36,9 per cent selfemployed or unskilled. Most were Vietnamese citizens (98,3%) and 85,2 per cent had no previous criminal record (Office 138/CP, 2013).

During 2011–2015, the People's Procuracy prosecuted 1,024 cases with 2,023 traffickers, and the People's Court conducted hearings on 1,032 human trafficking cases with 2,084 defendants. Among sentences passed, there were three life imprisonments or death penalties, 152 imprisonments for 15–20 years, 667 imprisonments for 7–15 years and 1,050 imprisonments for less than seven years (Office 138/CP, 2015a). While Vietnamese authorities have diligently investigated and prosecuted trafficking cases, punitive measures are still light compared to the severity of this crime.

Important routes and areas, including:

- the focal locations are Ha Noi, Ho Chi Minh City, Hai Phong, Yen Bai, Nam Dinh, Phu Tho, Hau Giang, Dong Thap and the localities bordering of China, Cambodia and Laos;

- the northern road route, including the route to the provinces of Lang Son, Quang Ninh, Lao Cai, to China; Central of the border provinces to Laos (through Lao Bao and Cau Treo border gates); The southern border provinces of Cambodia;

- airlines include Noi Bai International Airport, Tay Son Nhat International Airport to the countries;

- the waterway includes Quang Ninh, Hai Phong to the countries.

The general point is that Vietnamese people who have been working in China for the past ten years have been linked to Chinese people and then returned to Vietnam to cheat women to China with the purpose of finding jobs, after it sold to the restaurants to forced sale or brokers to get married illegally...

Criminals also use tricks to lend money, get acquainted, then entice older girls to go out, to border the purchase of goods and sell to China forced into commercial sex or forced labor. Particularly, in the mountainous, bordering and sparsely populated provinces, Vietnamese people have been linked with Chinese people who have broken into the houses, seized and abducted children and women. Then sold to China.

In Malaysia, Singapore, a number of Vietnamese people have agreed with the owners of restaurants in these two countries formed the line to send Vietnamese women and children in the form of illegal immigration, labor, travel by air or by road through Laos, Cambodia to Thailand to Malaysia, Singapore. After arriving in the country, many women and children are seized up by their ID cards and forced to work for prostitution. If they want to get their passport back to Vietnam, they have to pay 3,000–4,000 VND USD.

Another side is illegal marriage brokerage is still evolving complex in the southern provinces. The crimes organize for for-

eigners from China, Taiwan, Korea... see the face, choose their wives, they promise to pay the victims and their families a large amount of money then do the marriage procedures and bring the victim abroad to be wife but in fact completely different. Therefore, many Vietnamese women have unhappy marriages and have been treated badly by their husbands and family, violence, forced labor or sex trafficking in their home country.

2.2. Migrating illegally

In recent years, activities take people abroad illegally and human trafficking are on the rise in Vietnam. Due to the needs of people overseas, labor, work, study, healing, travel, visiting relatives, marriage, family reunion... is a very large and diverse, so illegal migration is a problem difficult to avoid. This is no new phenomenon, for many years there have been many line take people abroad, earning illicit profits, causing danger to the lives of migrants. In fact, the lines of international crime, not only does this organization put the Vietnamese illegal immigrants in the conditions of lack of safe, humane, sexual exploitation and forced labor. Vietnamese illegal immigrants is still the dominant issue in relations between Vietnam and other countries concerned in the past several years, especially in the UK. With numbers estimated 30,000 people, Vietnam is one of the top 5 countries have people illegal immigrant into the UK.

Many of these have been British police discovered are related to these illegal activities bring in super-profits such as marijuana cultivation, sale, purchase or participate in prostitution v. v... Network smuggled people across the border related to the organized crime of fasteners in Poland, Czech Republic, Germany, France, the UK and Vietnam. Crimes of this type typically use two methods, is to give immigrants false papers, and then take them flying from Vietnam, through Moscow, then up, train, car, or the cargo truck to enter the EU countries. For

those who want to go to England, a group of criminals Kurdish origin Iraq service provider from Belgium and France to the UK with a price around 2,000–3,000 Euros/person. We arrange for immigrants to go in a truck that has the secret compartment or stuffing general cargo to land; falsification of records to apply for a Schengen visa for businessmen (this technique more expensive but «guaranteed» than with the cost from 10,000 to 15,000 Euro). In this way, the illegal migrants fly straight to France and then they are arranged shelter at the safe places in Paris before being brought to the UK, Germany... Most of these workers fall into the state debt due to pay a lot of money for those who held, while if lucky, get a job in the UK, Germany...then their income also very low, the risk of them being discovered and deported is very high. Although the prevention of migration, unauthorized, and illegal immigration is a priority in the agenda of the country, but the people lack information, understanding of national legislation and international migration, especially the methods of tricks taken illegal of the line, transnational crime, about the dangers and risks that migrants illegally confronted on the go and at water to... shows social awareness about migrant smuggling and measures to fight and prevent type of this dangerous criminal is still limited.

3. Recommendations

The State is encouraged to appoint a migration management agency to act as a focal point to develop a database on international migration and periodical migration profiles for management and development. The most appropriate agency for this purpose is the Ministry of Foreign Affairs (Ministry of Foreign Affairs).

1. Ministries and branches, within their areas of responsibility and functions, should review current international migration policies and institutions to optimize migration procedures in Viet Nam. Optimization would include reduced migration costs

and enhanced services to existing migrants and potential ones. At the same time, the control of border entries and exits should be better managed through the development of an electronic database to collect statistics according to set criteria, such as age, gender, place of departure/destination and purpose of migration, if possible.

2. Ministry of Foreign Affairs is recommended to instruct Viet Nam's diplomatic representatives abroad to effectively protect the rights and legitimate interests of Vietnamese citizens overseas.

3. The Ministry of Labour, Invalids and Social Affairs is encouraged to continue its review policies relating to contracted outward labour migration and related management mechanisms to manage this migration flow. It should also strengthen the supervision and evaluation of labour-sending enterprises to ensure overseas labour migration activities are safe and convenient with reduced costs and the rights and interests of workers, sending enterprises and employers are well protected.

4. Ministry of Education and Training is recommended to develop and propose an international education integration strategy to the Government to strengthen participation in the international education market through creation of favourable conditions to grow the market domestically and encourage Vietnamese to study abroad.

5. Ministry of Public Security to continue its review of migration mechanisms and policies to create favourable conditions for Vietnamese citizens to go abroad for work, study, tourism and other legitimate purposes.

6. Ministry of National Defence is encouraged to enhance measures to prevent different forms of irregular migration through land and sea borders.

7. Ministry of Justice could closely cooperate with ministries, branches and local authorities to ensure marriages to foreign nationals and international child adoption are lawfully carried out, and cases of deception and abuse leading to trafficking in persons are minimized.

8. Ministry of Information and Communication should enhance information and communications channels for dissemina-

tion of information on policies, regulations and practices related to Vietnamese migration abroad.

9. Ministries/sectors and other social organizations have important roles in supporting these activities, as well as in the development of inter-agency mechanisms for international migration research, policy implementation and management. Information sharing and public awareness raising on the benefits and risks of international migration must also be enhanced.

BIBLIOGRAPHY

1. Document № 1/QLLDNN-PCTH, dated 17 May 2016. – URL: <http://vlangiang.vieclamvietnam.gov.vn>

2. Migration and remittances factbook 2016 // World Bank. – 2016. – URL: <http://www.worldbank.org/en/research/brief/migration-and-remittances>

3. Official Letter № 213/CCN-VP dated 12 May 2016 and updated in March 2017, The Child Adoption Bureau, MoJ. – URL: https://vietnam.iom.int/sites/default/files/IOM_Files/Migration_Data_Reports/Child%20Adoption.pdf

4. Official Letter № 1917/ĐTVNN, dated 6 November 2015, MoET, Viet Nam International Education Development. – URL: https://vietnam.iom.int/sites/default/files/IOM_Files/Migration_Data_Reports/VN_Migration_Profile_2016.pdf

5. Official Letter № 652/ĐTVNN, dated 2 June 2016. Data for 2016 was updated in March 2017, MoET, Viet Nam International Education Development. – URL: https://vietnam.iom.int/sites/default/files/IOM_Files/Migration_Data_Reports/VN_Migration_Profile_2016.pdf

6. Report № 571/BC-BCD, 7 November 2013 on Results of the General Survey on Situation of Trafficking and other Related Crimes during 2008–2013. – URL: https://vietnam.iom.int/sites/default/files/IOM_Files/Migration_Data_Reports/Trafficking.pdf

7. Report № 680/BC-BCD, 29 December 2014 on Results of Implementation of Plan of Action to Prevent Trafficking in Persons 2014. – URL: https://vietnam.iom.int/sites/default/files/IOM_Files/Migration_Data_Reports/Trafficking.pdf

8. Report № 451/BC-BCD, 18 December 2015 of Steering Committee 138/CP on Results of Implementation of Plan of Action to Pre-

vent Trafficking in Persons 2015. – URL: https://vietnam.iom.int/sites/default/files/IOM_Files/Migration_Data_Reports/VN_Migration_Profile_2016.pdf

9. The Department of Civil Status, Nationality, Authentication, MoJ in 2015, 2016 and 2017. – URL: https://vietnam.iom.int/sites/default/files/IOM_Files/Migration_Data_Reports/Migration%20for%20marriages.pdf

10. URL: <http://travel.state.gov/content/visas/en/law-and-policy/statistics.html>

11. URL: <http://monitor.icef.com/2014/11/number-vietnamese-students-abroad-15-2013>

НАЛОЖЕНИЕ ОБЯЗАННОСТЕЙ НА УСЛОВНО-ДОСРОЧНО ОСВОБОЖДЕННЫХ КАК СРЕДСТВО ПРЕДУПРЕЖДЕНИЯ СОВЕРШЕНИЯ ИМИ ПОВТОРНОГО ПРЕСТУПЛЕНИЯ

О.В. Василенко-Захарова

*стажер кафедры уголовного права,
уголовного процесса и криминалистики
Российского университета дружбы народов*

Для условно осужденных, в соответствии со ст. 73 УК РФ, предусмотрено, что в течение испытательного срока суд может по представлению органа, осуществляющего контроль за условно осужденным, дополнить ранее установленные для него обязанности. Считаем, что такое положение следует предусмотреть и для условно-досрочно освобожденных. Несмотря на то что мы выпускаем личность с низким риском социальной опасности, она подвержена изменениям. И если контролирующий орган замечает негативную тенденцию в поведении осужденного, то необходимо наложить на него дополнительные обязанности, что может стать превенцией правонарушений.

В Литве, согласно ст. 29 «Закона о пробации», в течение срока пробации службы пробации могут обращаться в суд о замене обязанностей, если другие обязанности:

- 1) окажут большее влияние на поведение пробируемого;
- 2) помогут обеспечить интересы потерпевшего;
- 3) если пробируемый не может исполнять обязанности по объективным причинам.

Также суд может назначить дополнительные обязанности, если:

1) условно-досрочно освобожденный исполняет условия probation, но совершает административные правонарушения, за которые ему налагаются административные наказания;

2) не исполняет другие обязанности, предусмотренные законом.

Причем служба probation обязана в таких случаях незамедлительно, не позднее одного рабочего дня, обратиться в суд. Это помогает гибкости при надзоре, позволяет оперативно реагировать на изменения личности или окружающей обстановки.

В РФ такой возможности не предоставлено, и совершенно напрасно. Ведь личность – не статичная субстанция: снизил риск совершения преступления – и навсегда. Такая норма очень нужна, так как в случае неисполнения освобожденным обязанностей, если они не были злостными, не стоит возвращать освобожденного в исправительное учреждение. Но и не отреагировать на такие нарушения нельзя, чтобы не создать чувства вседозволенности.

Осужденный может выполнять свои обязанности, но не так, как это следовало бы, т.е. в данном случае будет отсутствовать злостное уклонение. Например, осужденный может работать, но при этом иметь прогулы. Если не предпринять вовремя меры, то такой осужденный, демонстрирующий свою недисциплинированность, а также вызывающий подозрение в том, что его исправление не было столь успешным, как казалось при рассмотрении УДО, может вновь сойти с правильного пути и совершить преступное деяние. Ненадлежащее исполнение трудовых обязанностей может происходить по причине ночных гуляний, общения с лицами, ведущими преступный образ жизни. А запрет таких действий мог быть не предусмотрен судом при вынесении постановления об УДО. Поэтому мы предлагаем в законе закрепить норму о том, что по представлению контроли-

рующих органов суд может не только отменить УДО, но и наложить дополнительные обязанности, а также заменить обязанности (например, не покидать место жительства с 22:00 до 06:00), если лицо ненадлежаще выполняет свои обязанности. За возможность изменять и дополнять имеющиеся судом обязанности в течение испытательного срока высказались 89% респондентов.

В Литве предусмотрена возможность мониторинга передвижения осужденного с помощью электронного браслета. С этими средствами можно наблюдать за лицами за пределами дома, следовательно, осуществляется более интенсивное наблюдение за лицами, осуществляется экономия бюджетных средств, дается возможность сотрудникам служб пробации эффективнее использовать свое время. На 31 января 2017 г. браслет носят 53 лица [2]. Всего с 1 июля 2012 г. по 31 января 2017 г. электронный браслет носили 200 условно-досрочно освобожденных лиц.

Такой надзор исполняется 3 месяца, может быть продлен, но общий срок не может быть более одного года. Служба пробации при участии пробируемого составляет для него распорядок дня, объясняет возможные места его пребывания и время пребывания в них¹. Такой освобожденный не имеет права во время интенсивного наблюдения употреблять вещества, влияющие на психику.

Эта мера, на наш взгляд, очень хороша в случае, если у суда есть сомнения, что лицо в будущем не будет совершать преступления, но и нет основания считать, что совершит. Вместо того чтобы колебаться в принятии решения – дать осужденному УДО или нет, полагаем, что лучше его предоставить с интенсивным надзором, чем отказать. Осуж-

¹ Распорядок дня устанавливается с точностью не более чем в 30 минут и может меняться, если пробируемый изменяет место жительства, работы или учебы или по другим причинам, препятствующим соблюдению установленного распорядка дня.

денный будет реабилитироваться, но вместе с тем будут дополнительные меры безопасности по сравнению с УДО без этих мер. Но на сегодняшний день такого количества электронных браслетов нет. Однако следует к этому стремиться. Электронные браслеты, несомненно, требуют затрат. Но это прибыльная инвестиция, так как содержание в исправительном учреждении обходится дороже. Суд, зная, что есть возможность электронного наблюдения, охотнее примет положительное решение об УДО. А такого освобожденного не нужно будет содержать, он сможет работать и платить налоги, принося прибыль государству.

Электронный мониторинг в РФ применяется только к лицам, к которым избрана мера пресечения в виде домашнего ареста, и к осужденным в виде ограничения свободы. Эта мера дает свои плоды. По состоянию на 01.01.2015 в РФ под электронным контролем находилось 13,8 тыс. человек, состоящих на учете в УИИ, из них 11,5 тыс. осужденных к ограничению свободы и 2,2 тыс. лиц, в отношении которых судом избрана мера пресечения в виде домашнего ареста. Всего при помощи системы электронного мониторинга подконтрольных лиц выявлено более 30 тыс. нарушений режима отбывания наказания в виде ограничения свободы, 4858 фактов нарушений условий исполнения меры пресечения в виде домашнего ареста [1].

По результатам собранных при помощи электронных устройств доказательств в России направлены в места лишения свободы более 4 тыс. осужденных к ограничению свободы, на 9959 осужденных судом по представлениям УИИ возложены дополнительные ограничения.

Думаем, что в РФ такой надзор следовало бы применять также и к условно-досрочно освобожденным. Такой контроль является наиболее действенным. Тогда и такие обязанности, как запрет на посещение определенных мест, также можно проконтролировать. В этом мнении нас поддержали 89% респондентов.

Так как за условно-досрочно освобожденными необходим контроль, то этот контроль может осуществляться, только если они будут уведомлять контролирующий орган о своем месте жительства, месте работы и учебы. Литва устанавливает общие обязанности, которые существуют для абсолютно всех условно-досрочно освобожденных.

В соответствии со ст. 14 закона о пробации им необходимо:

1) явиться в службу пробации в течение 3 рабочих дней после вступления в законную силу постановления суда о назначении пробации или после получения повестки;

2) исполнять условия пробации и установленные в индивидуальном плане средства надзора, информировать об этом службу пробации и/или предоставлять документы, подтверждающие это;

3) условно-досрочно освобожденные трудоспособного возраста из исправительных учреждений обязаны в течение 15 дней после освобождения трудоустроиться или зарегистрироваться на бирже труда и сообщить об этом в службу пробации (предлагаем поменять выражение «трудоспособного возраста» на «трудоспособного»);

4) сообщить службе пробации о месте жительства, месте работы и учебы, а также об отбытии из предела города (района), в котором он проживает.

Первая, вторая и четвертая обязанности обеспечивают эффективность надзора за условно-досрочно освобожденным. Без них ни о каком действенном контроле не может быть и речи.

Контроль необходим, так как он обеспечивает предупреждение преступлений посредством возможности общения с осужденным, осведомленности о его месте жительства, работы и учебы. Именно по месту жительства осуществляется контроль, который предполагает осведомление о нахождении и деятельности лица. Если осужденный переехал, то необходимо передать его дело в контролирующий

орган по новому месту жительства. В настоящий момент в РФ если суд на условно-досрочно освобожденного не наложил обязанности не менять место жительства без уведомления контролирующего органа, то осужденный может поменять место жительства, тем самым скрываясь от контроля. То же самое касается учебы и работы. Соответственно, как нам кажется, такая обязанность должна лежать на каждом условно-досрочно освобожденном.

Также важно для условно-досрочно освобожденных в РФ предусмотреть еще одну императивную обязанность – периодически являться для регистрации в контролирующий орган. На сегодняшний день отлынивающий от прихода в такой орган освобожденный может быть подвергнут приводу, если обязанность регистрации была закреплена судом. Но, на наш взгляд, этого недостаточно, и необходимо закрепить периодическую явку для регистрации в контролирующий орган *для всех* условно-досрочно освобожденных как обязанность.

Эти обязанности, с одной стороны, являются средством контроля, а с другой – его облегчают. Кроме того, чтобы условно-досрочно освобожденный являлся на регистрацию, нужно императивно закрепить обязанность встать на учет в контролирующем органе. Как мы уже отмечали, в Литве срок для исполнения такой обязанности составляет 3 дня. Предлагаем и в России установить обязательство являться в контролирующий орган в течение 3 дней с момента УДО с учетом времени, необходимого для прибытия к месту проживания, и наложить эту обязанность на всех условно-досрочно освобожденных без исключения.

ЛИТЕРАТУРА

1. Доклад Федеральной службы исполнения наказаний о результатах и основных направлениях деятельности на 2015–2017 гг. – URL: www.fsin.su

2. Официальный сайт Департамента мест заключения Литовской Республики. – URL: <http://www.kaldep.lt/lt/kalejimu-departamentas/2009-2014-m-a61m/kalejimu-departamentas-pradedu-ubp3.html>

3. Уголовный кодекс Российской Федерации» от 13.06.1996 № 63-ФЗ (ред. от 29.07.2017; с изм. и доп., вступ. в силу с 26.08.2017). – URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_10699

4. Уголовно-исполнительный кодекс Российской Федерации от 08.01.1997 № 1-ФЗ (ред. от 29.07.2017). – URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_12940

5. Lietuvos Respublikos Baudžiamojo kodekso patvirtinimo ir įsigaliojimo įstatymas. 2000 m. rugsėjo 26 d. № VIII-1968. – URL: https://www.e-tar.lt/portal/lt/legalAct/TAR.2B866DFF7D43/TAIS_471480

6. Lietuvos Respublikos bausmių vykdymo kodekso patvirtinimo įstatymas 2002 m. birželio 27 d. № IX-994. – URL: https://www.e-tar.lt/portal/lt/legalAct/TAR.A0A0CCC6B997/TAIS_403282

ПРОБЛЕМЫ НЕЗАКОННОЙ МИГРАЦИИ В ЛАТВИЙСКОЙ РЕСПУБЛИКЕ

Н. Мажинскис

*магистрант кафедры уголовного права,
уголовного процесса и криминалистики
Юридического института
Российского университета дружбы народов*

Проблема незаконной миграции существует во многих государствах. Данную проблему детерминируют такие неблагоприятные факторы, как безработица, низкий уровень социальных гарантий, эскалация конфликтов внутри стран и др. Незаконная миграция в ряде случаев тесно связана с таким преступным деянием, как торговля людьми.

Положение Латвийской Республики в контексте рассматриваемого вопроса изменилось с момента вступления Латвии в Шенгенское соглашение 1 мая 2004 г. Закономерным является тот факт, что после вступления Латвии в Шенгенское соглашение лицо, незаконно попадая на территорию Латвии, пребывает на территории страны – участницы Шенгенского соглашения. Данное обстоятельство повышает вероятность увеличения незаконной миграции на территорию Латвии. Указанная проблема, исходя из юридического положения Латвийской Республики, также рассматривается в рамках Европейского союза.

Согласно п. 13 ст. 1 закона об иммиграции Латвийской Республики, Шенгенским соглашением является соглашение от 14 июня 1985 г. между правительствами стран Экономического союза Бенелюкса, правительством Федеративной Республики Германии и правительством Французской Республики о постепенной отмене контроля на совместных

границах. В свою очередь, в соответствии с п. 14 ст. 1 закона об иммиграции Латвии Шенгенской конвенцией является конвенция от 19 июня 1990 г., с помощью которой реализуется Шенгенское соглашение от 14 июня 1985 г. между правительствами стран Экономического союза Бенелюкса, правительством Федеративной Республики Германии и правительством Французской Республики о постепенной отмене контроля на совместных границах.

Необходимо отметить, что Латвия не является целью нелегальных мигрантов ввиду не столь высокого экономического благополучия, что определяет небольшие социальные гарантии, в том числе в областях, которые затрагивают иммиграцию. В то же время неблагоприятные экономические факторы, а также географическое положение Латвийской Республики способствовали такому явлению, как торговля людьми и использованию территории страны для транзита нелегальных мигрантов [4].

Обращаясь к статистическим данным, в 2016 г. уполномоченными институтами Латвийской Республики не выдано не одного разрешения на пребывание на территории страны в той связи, что лицо было признано жертвой торговли людьми. В свою очередь, за организацию торговли людьми в рамках начатых уголовных процессов задержано 3 лица, и им присвоен статус подозреваемых [1].

Анализируя статистические данные торговли людьми за 2015 г., мы видим, что в Латвийской Республике не констатирован ни один случай транзита людей через Латвию в целях их торговли, так и в страну. В государстве возбуждено одно уголовное производство о торговле людьми в составе организованной группы. Торговля людьми велась за рубеж. В 2015 г. на территории Латвии не констатирован ни один случай принуждения к трудовой эксплуатации, который бы отвечал указанным в ст. 154¹ Уголовного закона Латвийской Республики «Торговля людьми» признакам состава преступного деяния [2].

Чтобы более полно и детально рассмотреть проблематику незаконной миграции в Латвии, необходимо указать определение незаконного мигранта.

Незаконным мигрантом в глобальном контексте является лицо, которое нарушило правила посещения или у данного лица отсутствует юридическое основание для посещения или пребывания, а также у лица отсутствует юридический статус для дальнейшего пребывания в транзитном либо принимающем государстве [6].

В контексте Европейского союза незаконным мигрантом является гражданин третьего государства, который пребывает на территории государства Шенгенского соглашения и который не отвечает или более не отвечает въездным предпосылкам или другим правилам въезда, проживания или пребывания в стране-участнице, нахождения на территории конкретного участвующего государства, указанного в ст. 5 Шенгенского кодекса о границах. В системе права Европейского союза выделяют множество групп мигрантов с различными статусами и механизмами защиты.

Лица, нуждающиеся в убежище, являются только одними из них. Помимо данной группы можно выделить также:

а) признанных беженцев и лиц, которым присвоена альтернативная защита;

б) жертв торговли людьми и жертв обстоятельств особой трудовой эксплуатации и др. [3].

За незаконный переход границы Латвийской Республики в 2016 г. задержано 369 граждан третьих государств. В свою очередь, в 2015 г. было задержано 463 лица [1]. Третьим государством, согласно п. 14¹ закона об иммиграции Латвии, является любое государство за исключением страны – участницы Европейского союза, государства Европейской экономической зоны и Швейцарской Конфедерации.

На государственной границе Латвии в 2016 г. уменьшилось число отказов в посещении государства. В посещении государства отказано 797 гражданам третьих стран.

Сравнивая данные показатели с 2015 г., заметен спад данного явления, так как в 2015 г. таких отказов было 869. В 2016 г. увеличилось количество зарегистрированных нарушений относительно злонамеренного использования законных видов посещения государства, когда граждане третьих стран, получая Шенгенскую визу, предоставляют ложную информацию о целях посещения Латвии или других стран Шенгенской зоны. В 2016 г. было зарегистрировано 279 случаев аннулирования виз, в то время как в 2015 г. – 109. Получая Шенгенские визы, граждане третьих государств, недобросовестно их используя, отправляются в Европейский союз с целью незаконного пребывания и трудоустройства [1]. Таким образом, заметна тенденция к увеличению количества нарушений использования Шенгенских виз, анализируя период с 2015 по 2016 г.

Анализируя меры противодействия незаконной миграции в Латвии, необходимо упомянуть, что в ч. 1 ст. 284 Уголовного закона Латвийской Республики (далее по тексту – УЗ Латвии) указана уголовная ответственность за умышленное незаконное пересечение государственной границы. Уголовная ответственность за незаконное перемещение лица через государственную границу указана в ч. 1 ст. 285 УЗ Латвии. Также в ст. 285¹ УЗ Латвии закреплена уголовная ответственность за обеспечение возможности незаконного пребывания в Латвийской Республике. В свою очередь, уголовная ответственность за злонамеренное обеспечение возможности законно получить право пребывать в Латвийской Республике, в другой стране – участнице Европейского союза, в стране Европейской экономической зоны или в Швейцарской Конфедерации указана в ст. 285² УЗ Латвии.

Изучая вопрос незаконной миграции в Латвии, была проанализирована судебная практика по уголовным делам о незаконном пересечении государственной границы (ст. 284 УЗ Латвии) и юриспруденция Европейского союза в области ограничения миграции (судебная практика с 2013 г. по июнь 2016 г.).

В соответствии с доступной статистикой судебной информационной системы по ст. 284 УЗ Латвии в 2013 г. было осуждено 5 лиц, в 2014 г. – 5 лиц, в 2015 г. – 88 лиц, а до 3 июня 2016 г. – 46 лиц. 158 лиц привлечены к уголовной ответственности за совершение преступного деяния, состав которого указан в ст. 284 УЗ Латвии. В свою очередь, 7 случаев образовывали реальную совокупность с преступным деянием, состав которого указан в ст. 285 УЗ Латвии (незаконное перемещение лица через государственную границу) [3].

Миграцию в Европу и на ее территории, в контексте которой нужно рассматривать также Латвийское регулирование в привлечении к уголовной ответственности нарушителей государственной границы, регламентирует как национальное право, так и право Европейского союза, а также другие международные обязательства, которые взяли на себя страны Европы, в том числе Европейская конвенция защиты прав человека и основных свобод [3].

Проблема незаконной миграции в общем и в частности в Латвии многогранна. Деятельность незаконных мигрантов, пребывание которых может являться неподконтрольным для любого государства, в том числе и для Латвийской Республики, может угрожать повышением уровня преступности, также и сами данные лица могут стать жертвами торговли людьми.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Brikmanis U., Zvaune M., Lopatinskis S.* Maza apjoma izpētes darbs «Nelikumīga trešo valstu pilsoņu nodarbinātība Latvijā». 3 lpp. – URL: https://ec.europa.eu/home-affairs/sites/homeaffairs/files/16b_latvia_illegal_employmentstudy_lv_0.pdf

2. Imigrācijas likums (Pieņemts 31.10.2002. Stājas spēkā 01.05.2003). – URL: <https://likumi.lv/doc.php?id=68522>

3. Informācija par Latvijas paveikto cilvēku tirdzniecības novēršanas un apkarošanas jomā 2015 gadā. – URL: http://www.cilvektirdznieciba.lv/uploads/files/thb_zinojums_2015.pdf

4. Krimināllikums (Pieņemts 17.06.1998. Stājas spēkā 01.04.1999.). – URL: <https://likumi.lv/doc.php?id=88966>

5. *Krūmiņa L., Gindra S., Logina I.* Latvijas praktiskā rīcība nelegālās migrācijas mazināšanai. Pētījums. – Rīga. 2011 gada oktobrī. – 7 lpp. – URL: https://ec.europa.eu/home-affairs/sites/homeaffairs/files/what-we-do/networks/european_migration_network/reports/docs/emn-studies/irregular-migration/lv_20120216_migracijasmazinasanai_lv_version_final_lv.pdf

5. Latvijas Republikas Augstāka tiesa. Judikatūras un zinātniski analītiskā nodaļa. Tiesu prakse krimināllietās par valsts robežas nelikumīgu šķērsošanu (krimināllikuma 284 pants) un ES tiesas judikatūra imigrācijas ierobežošanas jomā. 2016 gada jūnijs. – URL: http://at.gov.lv/files/uploads/files/6_Judikatura/Tiesu_prakses_apkopojumi/2016/Petijums_KL_284_2016-2.doc

6. *Siliņa-Osmane Ī.* Politikas ziņojums par migrācijas un patverums situāciju Latvijā 2016.gadā. Rīga, 2017 gada aprīlis. – URL: http://www.emn.lv/wp-content/uploads/APR_2016_part2_LATVIA_LV.pdf

МИГРАЦИОННЫЙ КРИЗИС 2015–2017 ГГ. КАК ФАКТОР ДЕЗИНТЕГРАЦИИ ЕВРОПЕЙСКОГО СОЮЗА

В.Р. Сахранов

*студент магистратуры по направлению «История»
Южного федерального университета*

Европейский союз (далее – ЕС) в 2015 г. столкнулся с очередным кризисом – миграционным, хотя и раньше ежегодно на территорию ЕС прибывало огромное количество мигрантов. Так, просителями убежища в 2013 г. стали 431 тыс. человек, в 2014 г. – 627 тыс. человек. Однако 2015 и 2016 гг. не идут ни в какое сравнение с предыдущими (в том числе и в пиковый 1992 г., в который было подано 672 тыс. заявок на получение убежища). В 2015 г. было подано около 1,26 млн заявок, в 2016 г. - 1,20 млн заявок [2].

Причины, повлекшие за собой возникновение огромных миграционных потоков из государств Северной Африки и Ближнего Востока, различны, однако отдельно необходимо выделить наиболее значимые из них:

- военные конфликты (гражданские войны в Ливии, Сирии, Ираке);
- деятельность террористических группировок;
- военные операции иностранных государств на территории государств Северной Африки и Ближнего Востока;
- слабость экономик государств Северной Африки и Ближнего Востока, невозможность обеспечения достойного уровня жизни гражданам этих государств;
- неэффективность международной гуманитарной помощи государствам Северной Африки и Ближнего Востока;

– резкий рост численности населения государств Северной Африки и Ближнего Востока, большая доля молодого (до 30 лет) населения.

Именно вышеуказанные обстоятельства в большинстве своем породили глобальный гуманитарный катаклизм – миграционный кризис. Многие ошибочно полагают, что если в 2017 г. наметилась тенденция к снижению количества прибывающих в страны ЕС мигрантов, то пик кризиса позади. Очевидно, что это не так, ведь проблемы, вызванные миграцией, имеют долговременный характер с отложенными последствиями.

Последствия, с которыми страны ЕС столкнулись и с которыми им только еще предстоит столкнуться, масштабны.

Можно выделить следующие основные и наиболее опасные из них:

1) *исламизация населения ЕС*. Ни для кого не секрет, что большая часть населения, прибывающая сегодня в ЕС в миграционных потоках, – мусульмане. Сегодня традиционно христианская Европа сталкивается с опасностью возникновения серьезной этноконфессиональной напряженности. Распространение ислама несет за собой и распространение восточных ценностей и традиций, чуждых европейскому человеку. Несмотря на знаменитую европейскую толерантность, распространение ислама вызывает опасение у большей части населения ЕС [4]. И эту большую часть населения можно понять, ведь в ряде стран ЕС и до миграционного кризиса был достаточно высокий темп исламизации населения, как за счет высокой рождаемости в мусульманских семьях (среди европейцев рождаемость в среднем составляет 1,38 ребенка на семью, а в мусульманских семьях этот показатель – 8,1 ребенка на семью) [4], так и за счет, в меньшей степени, обращения в мусульманскую веру коренных жителей стран ЕС. Исламские традиции вызывают страх и отторжение у многих европейцев: мусульманские праздники, хиджабы и никабы, положение женщин в семье и обще-

стве, шариат и мн. др. На примере Бельгии мы можем видеть, как исламские традиции вступают в противоречие с законом: в этом государстве с 2011 г. действует запрет на публичное ношение никаба или чадры. Кроме того, в середине 2017 г. законность данной меры подтвердил Европейский суд по правам человека, отклонив жалобу двух мусульманок в отношении вышеуказанного бельгийского запрета [3]. Однако, как показывает практика, между законом и традицией человек, исповедующий ислам, выбирает традиции. Таким образом, возможна ситуация повсеместного несоблюдения законов мусульманами, в особенности прибывшими в 2015–2017 гг. и еще не ассимилировавшимися;

2) *террористическая угроза*. В информационном поле постоянно появляются новости об угрозе терроризма в ЕС, предотвращении терактов спецслужбами, совершении терактов мусульманами, проникновении экстремистов в ЕС и иные связанные с терроризмом сообщения. Возрастание угрозы очевидно, количество терактов в ЕС за последние несколько лет ужасает. Опасность терактов постоянно держит в страхе граждан ЕС. Только за 2015 г. в ЕС было совершено 211 терактов [1]. В 2016 г. службам безопасности стран ЕС удалось взять ситуацию под контроль и снизить число терактов до 34, однако количество жертв и идеологическое воздействие на европейцев все еще очень велико [5];

3) *подъем правых движений в странах ЕС*. Наплыв мигрантов и те опасности, которые они несут с собой, привели к популяризации партий и движений националистического толка, в том числе и радикальных. Мы можем наблюдать раскол европейского общества по линии отношения к мигрантам. Участились случаи столкновения на всевозможных митингах сторонников и противников включения мигрантов в европейское общество, этническая и религиозная преступность мигрантов зачастую приводит к протестам и беспорядкам. С ксенофобским отношениям рискуют столкнуться не только прибывающие мигранты, но и давно assi-

милированные. Подъем правых и ультраправых рискует привести к остановке, а то и вовсе к откату всех достижений европейской интеграции;

4) *нагрузка на экономики стран ЕС*. Увеличение числа мигрантов и беженцев приводит к тому, что расходы, выделяемые на социальную сферу, существенно увеличиваются. Однако, несмотря на то что страны ЕС выделяют колоссальные средства на содержание, адаптацию и ассимиляцию прибывших мигрантов, они все-таки не способны обеспечить им достойный уровень жизни, поэтому, зачастую, прибывшие мигранты становятся на преступный путь. Причиной этому является как сложность трудоустройства, так и нежелание самих мигрантов включаться в легальную экономику государства, которое их приняло. Современный портрет мигранта изменился: это уже не тот человек, который едет в Европу для того, чтобы работать или чего-то добиваться.

Вышеуказанные обстоятельства приводят к тому, что государства ЕС сталкиваются с трудноразрешимыми противоречиями по вопросам, связанным с миграционным кризисом и безопасностью. Одни государства, оказавшиеся на передовой, строят заградительные сооружения, чтобы не дать мигрантам попасть на их территорию, другие приостанавливают действие Шенгенского соглашения, третьи, не соглашаясь, подвергают критике действия. Все это приводит к возникновению конфликтов по линиям «ЕС – государство-член, не желающее участвовать в приеме мигрантов» (эти страны идут против общеевропейской линии, нарушая нормы в сферах исключительной и совместной компетенций ЕС и проводят деструктивную политику) (например, Венгрия, Польша). Важно отметить, что данный конфликт опасен не только ухудшением отношений между членами объединения, но, что более важно, показывает неспособность европейских институтов решать внутривнутриполитические проблемы, что неизбежно ведет к еще большему сниже-

нию влияния ЕС на государства-члены, а также «федеральное правительство – региональное правительство» в федеративных государствах, где большая часть расходов на мигрантов ложится на плечи регионов (например, Германия, Австрия). Однако апогеем этих противоречий стало решение Великобритании о выходе из состава ЕС, одной из причин которого стал миграционный кризис.

Таким образом, миграционный кризис, без сомнений, – негативное явление для ЕС, носящее деструктивный и дезинтеграционный характер, с истинными последствиями которого государствам – членам ЕС только еще предстоит столкнуться в будущем.

ЛИТЕРАТУРА

1. 5 главных трендов в развитии Евросоюза в 2016 г. – URL: <https://cont.ws/@serjio-nuevo/475710>

2. *Вимон П.* Миграция в Европе: преодоление кризиса солидарности // Рабочие материалы. – М.: Московский центр Карнеги, февраль 2017. – URL: <http://carnegie.ru/2017/02/09/ru-pub-67923>

3. *Гасанов Р.М.* Миграционный кризис в Европе: причины, последствия, перспективы разрешения / Саратовский национальный исследовательский государственный университет им. Н.Г. Чернышевского. – URL: <http://www.scienceforum.ru/2016/pdf/26233.pdf>

4. Миграционный кризис в Европе / под ред. А.П. Кошкина. – Вып. 6. – М.: РЭУ им. Г.В. Плеханова, 2016. – 92 с.

УГОЛОВНАЯ ОТВЕТСТВЕННОСТЬ ЗА ОСТАВЛЕНИЕ МЕСТА ДТП В ГОСУДАРСТВАХ КОНТИНЕНТАЛЬНОГО ПРАВА

А.М. Романенко

*аспирант кафедры уголовного права,
уголовного процесса и криминалистики
Российского университета дружбы народов*

Рассмотрим уголовное законодательство ряда государств, относящихся к правовой системе Континентального права, за оставление места дорожно-транспортного происшествия (ДТП).

В § 142 УК ФРГ [2] установлена ответственность за незаконное оставление места ДТП:

а) лицо, являющееся участником дорожно-транспортного происшествия, которое скрывается с места несчастного случая прежде, чем оно:

– сделало возможным установить свою личность, свое автотранспортное средство и степень своего участия в происшествии своим присутствием и показанием того, что оно является участником происшествия, для пользы других участников происшествия и пострадавших; или

– не выждало необходимое в создавшихся условиях время для того, чтобы кто-либо был готов констатировать обстоятельства происшествия, наказывается лишением свободы на срок до 3 лет или денежным штрафом;

б) согласно абз. 1, наказывается и тот участник происшествия, который после окончания срока ожидания (абз. 1, № 2) или обоснованно, или оправданно покидает место происшествия и не способствует в дальнейшем незамедлительному установлению обстоятельств происшествия;

в) для выполнения своей обязанности в содействии установлению обстоятельств происшествия после того, как оно произошло, участнику происшествия достаточно того, что он сообщит правомочному лицу (абз. 1, № 1) или в ближайшем полицейском участке, что он был участником происшествия, и укажет свой адрес, место своего пребывания, а также опознавательный номерной знак и место стоянки своего автотранспортного средства и предоставит эти данные для их немедленного подтверждения в указанное время. Эта норма не действует, если лицо своим поведением намеренно препятствует установлению фактов происшествия;

г) в случае абз. 1 и 2 суд смягчает наказание (§ 49, абз. 1) или может отказаться от наказания, согласно этим предписаниям, если участник транспортного происшествия, который не послужил причиной нанесения какого-либо серьезного имущественного вреда, в течение 24 часов после происшествия вне потока движения добровольно сделает в дальнейшем возможным установление фактов (абз. 3) происшествия;

д) участником дорожно-транспортного происшествия является каждый, чье поведение при определенных обстоятельствах может послужить причиной дорожно-транспортного происшествия.

Анализируя немецкое законодательство в рассматриваемой области, следует отметить:

1) в контексте установления ответственности за оставление места ДТП в законодательстве ФРГ имеет место репрессивный подход. Предусматривается уголовная ответственность за оставление места ДТП;

2) немецкий законодатель рассматривает данные деяния как преступления, имеющие повышенную степень общественной опасности. Об этом свидетельствует, в частности, отсутствие указания на последствия совершенного деяния.

Продолжая исследование, обратимся к законодательству Нидерландов как одному из наиболее разработанных в

рассматриваемой области. На проблему противодействия транспортным преступлениям в теории уголовного права Нидерландов обращается особое внимание [3].

Согласно ст. 7 Закона Нидерландов о дорожном движении [4], тому, кто был вовлечен в ДТП или чье поведение вызвало дорожно-транспортное происшествие, запрещается покидать место происшествия, если:

а) при этой аварии он знает или разумно должен подозревать, что другой был убит или ранен;

б) когда он знает или разумно должен подозревать, что другой человек, получивший травму в этой аварии, остается в беспомощном состоянии.

Данное положение не применяется к лицу, которое на месте происшествия предоставило возможность определить его личность, а также информацию о характеристиках автотранспортного средства.

Анализируя уголовное законодательство Нидерландов в сфере ответственности за оставление места ДТП, отметим следующее:

1) в нем отражен репрессивный подход к вопросам установления уголовной ответственности за оставление места дорожно-транспортного происшествия;

2) субъектом оставления места дорожно-транспортного происшествия может быть лишь лицо, виновное в дорожно-транспортном происшествии, при условии, если оно оставляет иное лицо в беспомощном состоянии либо полагает, что одному из участников мог быть причинен существенный вред здоровью.

Интересным также представляется опыт Болгарии в сфере ответственности за оставление места ДТП.

Согласно ст. 140 УК Болгарии [5], водитель транспортного средства, не оказавший после происшедшей с его участием аварии потерпевшему необходимой помощи, которая могла быть оказана без опасности для себя или других, наказывается лишением свободы до одного года или исправительными работами.

Согласно ст. 343 УК Болгарии:

а) кто управляет механическим транспортным средством в период отбывания наказания в виде лишения права управления таковым, если уже подвергался административному взысканию за такое же деяние, наказывается лишением свободы до 2 лет;

б) такому же наказанию подлежит и тот, кто в течение года после привлечения к административной ответственности за управление механическим транспортным средством без соответствующего водительского удостоверения вновь совершит такое же деяние.

Анализируя уголовное законодательство Болгарии в рассматриваемой области, следует отметить следующее: болгарский законодатель придерживается репрессивного подхода в вопросах ответственности за оставление места дорожно-транспортного происшествия. Об этом свидетельствует то, что ответственность установлена непосредственно за факт управления транспортным средством в состоянии опьянения, а также факт оставления места дорожно-транспортного происшествия. Наступления каких-либо последствий в таком случае не требуется.

В уголовном законодательстве Италии [1] также отдельно предусмотрены нормы об ответственности за факты оставления места дорожно-транспортного происшествия.

Согласно в ст. 589 bis УК Италии, если водитель покидает место дорожно-транспортного происшествия после причинения смерти лицу, наказание увеличивается и не может составлять менее 5 лет.

Согласно ст. 590 ter УК Италии, если водитель покидает место дорожно-транспортного происшествия после причинения вреда здоровью лица, наказание увеличивается и не может составлять менее 3 лет.

Анализируя итальянское законодательство в сфере ответственности за оставление места ДТП, следует отметить:

а) подход итальянского законодателя к вопросам установления ответственности за оставление места ДТП следует

признать умеренно репрессивным. В законодательстве Италии предусмотрена уголовная ответственность за оставление виновным лицом места дорожно-транспортного происшествия;

б) в уголовном законодательстве Италии установлена уголовная ответственность за оставление места дорожно-транспортного происшествия. Обязательным условием ее наступления является наличие преступных последствий в виде смерти потерпевшего или причинения вреда его здоровью.

В целом, анализируя уголовное законодательство стран семьи Континентального права об ответственности за деяния, совершенные в состоянии опьянения, а также связанные с оставлением места ДТП, сделаем несколько выводов.

1. Исследование законодательства государств Континентального права применительно к рассматриваемому вопросу показало, что в большей степени в нем прослеживается на репрессивный подход.

2. Применительно к оставлению места дорожно-транспортного происшествия в законодательстве государств Континентального права также не сложилось единого понимания. В некоторых случаях законодатель признает преступным сам факт оставления места дорожно-транспортного происшествия. В других ситуациях для привлечения к уголовной ответственности требуется наступление общественно-опасных последствий.

В целом в вопросе установления ответственности за оставление места дорожно-транспортного можно выделить следующие основные подходы:

а) установлена уголовная ответственность за факт оставления места дорожно-транспортного происшествия вне зависимости от наступления последствий и иных факторов (Польша, Болгария);

б) установлена уголовная ответственность за факт оставления места дорожно-транспортного происшествия в том

случае, если создана опасность для жизни и здоровья людей (Нидерланды);

в) установлена уголовная ответственность за факт оставления места дорожно-транспортного происшествия в том случае, если наступили общественно-опасные последствия (Италия);

г) специальный уголовно-правовой запрет оставления места дорожно-транспортного происшествия не предусмотрен (Литва).

ЛИТЕРАТУРА

1. Codice penale Italiano (официальный текст). – URL: http://www.brocardi.it/codice-penale/libro-secondo/titolo-xii/capo-i/art589ter.html?utm_source=internal&utm_medium=link&utm_campaign=articolo&utm_content=nav_art_prec_top (дата обращения: 10.10.2017).

2. Criminal code of Germany (официальный текст на англ. яз.). – URL: https://www.gesetze-im-internet.de/englisch_stgb/german_criminal_code.pdf (дата обращения: 10.10.2017).

3. *Vermeulen G.* Strafwetboek, Wetboek van Strafvordering, Bijzondere wetten. – Antwerpen, 2017.

4. Закон Нидерландов о дорожном движении (официальный текст). – URL: http://wetten.overheid.nl/BWBR0006622/2017-07-12#HoofdstukIX_Artikel165 (дата обращения: 10.10.2017).

5. УК Болгарии (официальный текст). – URL: <http://www.wipo.int/wipolex/ru/details.jsp?id=446> (дата обращения: 10.10.2017).

**ОСОБЕННОСТИ
ОПЕРАТИВНО-РОЗЫСКНОЙ ПРОФИЛАКТИКИ
ПРЕСТУПЛЕНИЙ ИНОСТРАННЫХ ГРАЖДАН
И ЛИЦ БЕЗ ГРАЖДАНСТВА,
ОТБЫВАЮЩИХ ЛИШЕНИЕ СВОБОДЫ**

А.Ю. Марков

*начальник Отделения организации социальной работы
Отдела по работе с личным составом
Академии права и управления
Федеральной службы исполнения наказаний*

Н.В. Жезлов

*курсант юридического факультета
Академии права и управления
Федеральной службы исполнения наказаний*

В настоящее время ни одно государство мира не сможет развиваться полноценно, будучи изолированным от мирового сообщества. Общественные и политические, культурные и научные, экономические и военные связи все прочнее опутывают все без исключения государства. На фоне развития институтов общества и государства наблюдается стабильное ежегодное увеличение потока людей, пересекающих с различными целями границы всевозможных административно-территориальных образований. Обратная сторона миграционных процессов заключается в увеличении количества преступлений, совершаемых как иностранными гражданами, так и в их отношении.

Предупреждению преступности иностранных граждан на территории Российской Федерации посвящено множест-

во трудов ученых-криминологов и криминалистов. Данное обстоятельство связано, прежде всего, с резонансом совершаемых преступных деяний иностранными гражданами в свете интенсификации миграционных процессов в России и мире.

Преступность как социально детерминированное явление зависит от характера условий социальной жизни, складывающихся в том или ином регионе, и «чутко реагирует» на всякие изменения и различия в этих условиях [1]. Не является исключением из этого правила и преступность в местах лишения свободы.

Согласно ст. 4 Федерального закона Российской Федерации от 28 декабря 2010 г. № 390-ФЗ «О безопасности», государственная политика в области обеспечения безопасности является частью внутренней и внешней политики РФ и представляет собой совокупность скоординированных и объединенных единым замыслом политических, организационных, социально-экономических, военных, правовых, информационных, специальных и иных мер.

По данным Главного информационно-аналитического центра МВД России, в период с января по июль 2017 г. иностранными гражданами и лицами без гражданства совершено 24 856 преступлений, из них в 2016 г. – 43 933, в 2015 г. – 48 210, в 2014 г. – 45 538, в 2013 г. – 46 984, в 2012 г. – 42 650 [5].

В местах лишения свободы, по состоянию на июнь 2017 г., отбывали наказание 29 397 иностранных граждан, в 2016 г. – 29 822, в 2015 г. – 28 714 человек [5]. Более 90% осужденных данной категории лиц отбывают наказание в местах лишения свободы за совершение тяжких и особо тяжких преступлений.

Данные обстоятельства подчеркивают необходимость поиска путей решения проблемы преступности иностранных граждан на территории РФ вообще и в местах лишения свободы в частности.

Оперативная профилактика преступности иностранных граждан и лиц без гражданства в исправительных учреждениях представляет собой комплекс мер, направленных на выявление причин и условий совершения в ИУ и СИЗО преступлений данной категорией спецконтингента, формирование их группировок отрицательной направленности, предотвращение и пресечение их противоправной деятельности.

Проведение эффективных оперативно-профилактических мер требует осуществления тесного непосредственного взаимодействия служб исправительных учреждений, территориальных органов уголовно-исполнительной системы и иных заинтересованных субъектов. Данная необходимость обусловлена несовершенством нормативно-правовой базы, регламентирующей указанную деятельность, недостатком информационно-аналитического, а также кадрового обеспечения [2, с. 9].

Как правило, носителями оперативно значимой информации о жизнедеятельности и замыслах рассматриваемой категории осужденных, которые привлекаются к конфиденциальному содействию, являются другие осужденные-иностранцы, относящиеся к ближайшему окружению разрабатываемых лиц. Однако отечественное законодательство в данной сфере имеет ряд важных аспектов.

В соответствии с ч. 3 ст. 62 Конституции Российской Федерации иностранные граждане обладают тем же набором прав и обязанностей, что и российские граждане, кроме случаев, установленных федеральным законом или международным договором Российской Федерации.

Федеральный закон от 25 июня 2002 г. № 45-ФЗ «О правовом положении иностранных граждан в Российской Федерации» регулирует отношения между иностранными гражданами и органами государственной власти и их должностными лицами, возникающие в связи с пребыванием иностранных граждан в Российской Федерации и осуществле-

нием ими в пределах ее территории трудовой, предпринимательской и иной деятельности.

Таким образом, правоотношения, возникающие в процессе осуществления иностранными гражданами содействия органам, осуществляющим оперативно-розыскную деятельность, регулируются также нормами отечественного законодательства. Иностранцы граждане и работники оперативных аппаратов федеральных органов исполнительной власти связаны осуществлением субъективных прав и обязанностей в процессе конфиденциальной деятельности.

Федеральный закон от 12 августа 1995 г. № 144-ФЗ «Об оперативно-розыскной деятельности» определяет перечень оперативно-розыскных мероприятий, в которых могут принимать участие иностранные граждане в процессе конфиденциального содействия.

Тем не менее при осуществлении данного вида деятельности существуют определенные ограничения, которые касаются, в частности, оказания иностранными гражданами содействия оперативным аппаратам только в отношении своих сограждан. Кроме того, ограничения также касаются категорий иностранных граждан, оказывающих конфиденциальное содействие при проведении оперативно-розыскных мероприятий. Оказывать содействие на контрактной основе могут иностранные граждане, имеющие вид на жительство в Российской Федерации, что обусловлено положениями Федерального закона от 10 декабря 1995 г. № 195-и «Об основах социального обслуживания населения в Российской Федерации». Иностранцы граждане могут привлекаться к содействию и не на контрактной основе, если они имеют разрешение на временное проживание в Российской Федерации, разрешение на трудовую деятельность или зарегистрированы в качестве индивидуальных предпринимателей, а также имеют постоянное место жительства и проживают там.

Указанная категория лиц, имеющая правовые основания для нахождения в России, может привлекаться для ока-

зания содействия в сборе оперативно-розыскной информации и оперативного освещения преступной деятельности иностранных граждан, установления иностранцев-нелегалов, установления незарегистрированных иностранных фирм, выявления иностранных граждан, занимающихся противоправной деятельностью.

Действующее законодательство, а также существующие научные точки зрения относительно сущности негласной работы с конфидентами сходятся в единой позиции, заключающейся в привлечении лиц к конфиденциальному содействию с их согласия, а также в использовании их возможностей при борьбе с преступностью в условиях полной конфиденциальности.

Опираясь на мнение С.С. Овчинского, нельзя не согласиться, что тактические приемы борьбы с организованной преступностью не могут быть достаточно эффективными без использования не только современных информационных технологий, но и тех возможностей, которые они открывают для управления развитием ситуации в криминальной среде путем целенаправленных информационно-психологических воздействий [3, с. 232].

ЛИТЕРАТУРА

1. *Дук Ю.И.* Влияние миграционных процессов на динамику и уровень преступности (по материалам Липецкой области) // Миграционное право. – 2008. – № 4. – С. 31–35.

2. *Зарипов З.С., Марков А.Ю.* К вопросу о предупреждении преступлений, совершаемых с участием осужденных иностранных граждан и лиц без гражданства // Уголовно-исполнительное право. – 2013. – № 1. – С. 8–10.

3. *Овчинский С.С.* Оперативно-розыскная информация. Теоретические основы информационно-прогностического обеспечения оперативно-розыскной и профилактической деятельности органов внутренних дел по борьбе с организованной преступнос-

тью / под ред. А.С. Овчинского, В.С. Овчинского. – М.: Инфра-М., 2000. – 367 с.

4. Состояние преступности / Министерство внутренних дел Российской Федерации: официальный сайт. – URL: <https://mvd.ru/Deljatelnost/statistics>

5. Статистическая информация // Официальный сайт ФСИН России. – URL: <http://fsin.su>

О ПОЛНОМОЧИЯХ СЛЕДСТВЕННОГО СУДЬИ ПРИ РАССМОТРЕНИИ ЖАЛОБ НА ДЕЙСТВИЯ И РЕШЕНИЯ ОРГАНОВ УГОЛОВНОГО ПРЕСЛЕДОВАНИЯ

С.А. Адилов

*полковник полиции, заместитель начальника
Департамента внутренних дел г. Астаны
Министерства внутренних дел
Республики Казахстан*

Право на судебное обжалование действий (бездействий) и решений органов уголовного преследования – это конституционное право [4; 5] любого гражданина Республики Казахстан, вовлеченного в процесс расследования, независимо от того, по собственной инициативе или по решению этих органов он был вовлечен в указанную деятельность. Это одна из важнейших гарантий судебной защиты гражданами своих прав и свобод от возможного их нарушения при производстве по уголовным делам, неотъемлемая от основной функции суда – осуществления правосудия [2, с. 73; 5, с. 103].

Значимость института судебного обжалования значительно возросла с принятием УПК РК 2014 г. и введением в уголовный процесс нового независимого участника судебного контроля – следственного судьи, полномочия которого по рассмотрению жалоб лиц, не согласных с действиями (бездействиями) и решениями органов уголовного преследования, выступает основным критерием оценки эффективности работы указанных органов. Так, только за 2016 г. в судебную коллегия по уголовным делам суда г. Астаны по-

ступило 56 материалов по жалобам на постановления органов досудебного расследования, из которых оставлено без изменения 48, отменено 3, изменено 1 и возвращено 4 из-за пропуска сроков обжалования [1].

Особенностью судебного рассмотрения поступивших жалоб является и то, что следственный судья не вправе по собственной инициативе вмешиваться в процесс досудебного расследования, создавая лишь надлежащие условия сторонам для реализации своих процессуальных полномочий по разрешению возникшего спора. Поэтому законодатель предусматривает в нормах УПК РК процессуальную форму процедуры обжалования, позволяющую следственному судье сохранять беспристрастность при разрешении возникшего правового спора. Помимо этого закон очерчивает специальный круг субъектов – участников судебного рассмотрения жалобы и сам предмет обжалования [6, ч. 1, ст. 105, 106].

Субъектами рассмотрения и разрешения жалоб выступают либо сами органы досудебного расследования (следователь, дознаватель), либо, в случае неудовлетворения требований жалобщика, процессуальный прокурор, а при несогласии и с его решением – суд в лице следственного судьи. Тем самым констатируется вертикальный (в зависимости от занимаемого статуса) или горизонтальный (ведомственный) механизм их разрешения. Исходя из этого предусмотрен общий порядок обжалования, представляющий последовательное прохождение жалобы по инстанциям и специальный, позволяющий гражданам обращаться с жалобами непосредственно в суд, минуя прокурорскую инстанцию. В частности, закон устанавливает перечень действий и решений органов уголовного преследования (ущемляющие или иным способом нарушающие конституционные права и свободы граждан), подлежащих рассмотрению в обязательном порядке следственным судьей [5, ч. 1, ст. 106]. Однако запрет на предварительное рассмотрение указанных вопро-

сов прокурором также отсутствует, поскольку законодатель предусматривает единый для прокурора и суда порядок рассмотрения жалоб [3, ч. 2, ст. 5; 6, ст. 104]. В этой связи мы полагаем, что в части специального порядка обжалования в законе должен содержаться запрет, а не просто предписание о том, что жалобы по таким вопросам подаются в суд. Пока же прокурор или следственный судья, рассматривающие жалобу, исходя из своих дискреционных полномочий, обязаны незамедлительно принять меры к разрешению предмета жалобы и восстановлению нарушенных интересов сторон в сроки, достаточные для его разрешения [6, ч. 2, ст. 105]. И, как показывает практика, после прокурорского рассмотрения конфликт исчерпывается и до следственного судьи жалоба не доходит. Хотя формально в подобных ситуациях прокурор выходит за рамки своих полномочий, вторгаясь в сферу судебного контроля.

Форма жалобы может быть произвольной – как устной, так и письменной [6, ч. 3, ст. 100]. Устные жалобы оформляются протоколом принятия жалобы, а письменные принимаются непосредственно канцелярией соответствующего суда. При отсутствии нарушений установленного законом порядка подачи жалоб она является безусловным основанием для их судебного рассмотрения. В то же время закон предусматривает и право жалобщика на ее отзыв, если отпали причины, послужившие основанием для подачи жалобы, но отзыв жалобы не препятствует возможности ее повторной подачи до истечения предусмотренных законом сроков [6, ч. 5, ст. 100]. Принесение жалобы не является основанием для приостановления производства обжалуемого действия и исполнения обжалуемого решения [6, ч. 4, ст. 106].

Процедура судебного рассмотрения жалобы носит единоличный характер, но если возникает необходимость в исследовании обстоятельств, имеющих значение для принятия законного и обоснованного решения, следственный судья

вправе назначить коллегиальное рассмотрение в закрытом судебном заседании с привлечением всех заинтересованных участников, независимо от их явки или неявки. По распоряжению следственного судьи судебное заседание может быть проведено в режиме видеосвязи [6, ч. 6, ст. 106].

Определяя предмет обжалования, законодатель в ч. 1 ст. 100 УПК РК [6] устанавливает круг субъектов, правомочных подать жалобу при условии, что действия и решения органов уголовного преследования затрагивают их интересы. В то же время законодатель не уточняет, в чем заключается нарушенный «интерес». Указанная неопределенность позволяет произвольно толковать указанную норму, порождая различные подходы как в науке, так и в практической деятельности. В частности, возникает вопрос, обладают ли правом обжалования незаинтересованные участники процесса, отнесенные к категории «иные лица, участвующие в уголовном процессе» – секретарь судебного заседания, переводчик, свидетель, свидетель, имеющий право на защиту, понятой, эксперт, специалист, судебный пристав, медиатор [6, п. 24, ст. 7]. Полагаем, что при определении круга субъектов следует исходить не из их процессуального статуса, а из реальности причинения ущерба конституционным правам и свободам любым участникам проводимого расследования, на что в свое время указывал А. Халиков [7, с. 53]. Тем самым во главу угла будет поставлен не только круг лиц, обладающих правом инициировать судебное обжалование, но и, в большей степени, его предмет.

В этой связи в жалобе должно быть указано, в чем гражданин видит неправомерность направленных против него решений или действий и какие решения, по его мнению, должны быть приняты по их устранению в целях восстановления нарушенных прав и свобод.

Перечень обжалуемых следственному судье действий и решений органа уголовного преследования регламентирован ч. 1 ст. 106 УПК РК [6] и не носит исчерпывающий ха-

ракти. При этом действует законодательный императив о запрете поручения рассмотрения жалобы тому дознавателю, следователю, прокурору или судье, действия которых обжалуются, а равно должностному лицу, утвердившему обжалуемое решение. Поэтому судебный контроль не ограничивается жалобами на действия и решения, посягающие на конституционные права граждан и их право на защиту, но и распространяется на любые другие действия и решения, которые, по мнению жалобщика, ущемляют его правовой статус. Отсутствие в законе исчерпывающего перечня предмета обжалования при осуществлении предупредительного судебного контроля создает условия для самостоятельного регулирования следственным судьей, в соответствии с его внутренним убеждением, вопроса об обоснованности или необоснованности предъявляемых претензий.

Как уже отмечалось, пределы судебной проверки ограничены выяснением только предмета поданной жалобы. В этой связи предусмотрен законодательный императив о запрете давать оценку имеющимся в деле доказательствам при проверке предмета жалобы. Следственный судья должен только выяснить, проверены и учтены ли дознавателем, следователем, прокурором все обстоятельства, на которые указывает заявитель. При коллегиальном рассмотрении жалобы процедура аналогична процедурам судебного следствия: следственный судья объявляет о сути рассматриваемой жалобы, после этого заслушивает доводы заявителя и мнения других участников. Доказывание правомерности произведенных действий, обоснованность которых обжалуется заявителем, – обязанность лица, их проводившего. Во время судебного рассмотрения жалобы ведется протокол. В результате рассмотрения жалобы или протеста на действия (бездействие) и решения органов досудебного расследования следственный судья выносит постановление, носящее обязательный характер для исполнителя в целях восстановления либо компенсации нарушенных правоотноше-

ний. Основные выводы следственного судьи подразумевают либо полное, либо частичное ее удовлетворение за исключением случаев, когда разрешение жалобы может повлечь ухудшение положения лица, подавшего жалобу, или лица, в интересах которого она была подана [6, ст. 106]. Если же в удовлетворении жалобы было отказано, то отказ должен быть мотивирован с изложением причин принимаемого решения [6, ч. 3, 4, ст. 105].

В этой связи следственный судья наделен не только правом проверки изложенных в жалобе доводов, но и правом, если в этом возникнет необходимость, истребовать дополнительные материалы, а также получать от лиц, чьи действия обжалуются, письменные пояснения относительно предмета жалобы. Обусловлено это тем, что такие решения (например, отказ в приеме заявления) могут существенно ограничить права и законные интересы участников уголовного судопроизводства, препятствуя их доступу к правосудию до их отмены прокурором в ходе текущего процессуального контроля.

Если при этом выявлены типичные нарушения, следственный судья в пределах дискреционных полномочий суда вправе внести частное постановление об ответственности лиц, допустивших нарушения закона [6, ч. 6, ст. 56].

Практика вынесения частных постановлений за 2015–2016 гг. судами г. Астаны показывает, что в основном предметом указанных решений являлись:

- несоблюдение в досудебном расследовании принципа всестороннего, полного и объективного исследования обстоятельств дела [6, ст. 24], выражающееся в игнорировании требований закона об обязательности выяснения обстоятельств, не только уличающих, но и оправдывающих подозреваемого, а также смягчающих его ответственность и наказание – 14;

- грубые нарушения срока доставления подозреваемого свыше 3 часов [6, ст. 129] – 21;

– грубые нарушения уголовно-процессуального закона при применении оснований задержания подозреваемого, предусмотренные ч. 2 ст. 128 УПК РК [6] – 10;

– грубые нарушения уголовно-процессуального закона о сроках направлении в суд материала о санкционировании содержания под стражей – 7;

– грубые нарушения уголовно-процессуального закона при проведении несанкционированного обыска – 3 [1].

Если в результате проверки будет установлено наличие какого-либо предусмотренного законом вреда, возникшего в результате обжалуемых действий или решений, следственный судья обязан разъяснить заявителю порядок его возмещения или устранения.

С другой стороны, правовой анализ полномочий следственного судьи в рассматриваемой сфере показал, что установленная законом процедура судебного рассмотрения жалоб на действия и решения органов досудебного производства не в полной мере обеспечивает состязательность его участников путем предоставления им равных возможностей. В частности, нами отмечено, что ознакомление с материалами, представленными суду сторонами, фактически происходит в ходе судебного рассмотрения, так как в законе прямо не предусмотрено право сторон на ознакомление со всеми материалами, представленными следственному судье до начала судебного рассмотрения. Отсутствует и право на принесение возражений либо представления дополнительных материалов до назначения судебного рассмотрения жалобы, в то время как следственный судья может ознакомиться с представленными материалами от 3 до 15 суток.

Безусловно, представлять защите все материалы уголовного дела до его окончания вряд ли целесообразно, однако если в предмет жалобы входят решения, препятствующие дальнейшему движению уголовного дела, то отсутствие права сторон на ознакомление с ними до назначения судебного рассмотрения жалобы является не вполне оправданным.

ЛИТЕРАТУРА

1. Анализ деятельности следственных судей за 11 месяцев 2016 г. в сравнении с 2015 г. Астана, 23 декабря 2016 г. / Судебная коллегия по уголовным делам г. Астаны. – Астана, 2016.

2. *Гуськова А.П., Муратова Н.Г.* Судебное право: история и современность судебной власти в сфере уголовного судопроизводства. – М., 2005.

3. Закон РК «Об оперативно-розыскной деятельности». – URL: https://online.zakon.kz/Document/?doc_id=1003158

4 Конституция Республики Казахстан. – URL: online.zakon.kz/Document?doc_id=...копи

5. *Ржевский В.А., Чепурнова Н.М.* Судебная власть в РФ: конституционные основы организации и деятельности. – М.: Юрист, 1998.

6. УПК РК 2014 г. – Ч. 1. – Ст. 12. – URL: http://online.zakon.kz/Document/?doc_id=31575852

7. *Халиков А.* Особенности института судебного обжалования в досудебном производстве // Российская юстиция. – 2003. – № 7. – С. 52–54.

МИГРАЦИОННАЯ ПОЛИТИКА МОНГОЛИИ: ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ И ПРАКТИЧЕСКИЕ ПОЛОЖЕНИЯ

Л. Цэрэнсүрэн

*магистрант кафедры уголовного права,
уголовного процесса и криминалистики
Российского университета дружбы народов*

Миграция представляет собой сложный многоэтапный процесс, который, в отличие от других социально-экономических и политико-правовых явлений, оказывает наиболее существенное влияние на развитие политических, социальных и экономических процессов страны.

С принятием в 1992 г. новой Конституции Монголии, изменившей основные направления развития политико-правовых процессов страны и направленной на создание демократического общества, начался новый этап развития правовой системы Монголии. С первых лет действия новой Конституции правовое регулирование миграционных процессов является одним из особо важных направлений государственной политики страны. Согласно положению Конституции Монголии, граждане имеют право на свободу передвижения внутри страны, выбор постоянного и временного места жительства, выезд и проживание за границей, возвращение на Родину.

Определяя конституционный смысл данного положения, можно констатировать, что право свободно передвигаться и выбирать место проживания принадлежит гражданину от рождения и, как и другие основные права и свободы, является неотчуждаемым, что означает, что оно ни в ко-

ем случае не должно быть ограничено, кроме как на основании закона и с целью обеспечения национальной и личной безопасности, а также общественного порядка.

В настоящее время в Монголии сложилась уникальная миграционная ситуация. К началу 1990-х гг. страна перешла к рыночной экономике в результате осуществления продолжительных реформ, которые стали предпосылками для установления внешнеэкономических связей, частного сектора, а также формирования новой финансово-экономической политики страны [1].

За прошедшие годы новая экономическая политика Монголии оказывала существенное влияние на состояние и динамику развития национальной экономики в целом, обеспечивая эффективное функционирование рыночной экономики страны и способствуя повышению уровня жизни ее населения. Однако коренные изменения в социально-экономической сфере привели к ряду негативных последствий. В частности, в масштабе страны начался экономический кризис, который стал причиной снижения уровня жизни населения, появления безработицы. Создание механизма частного сектора привело к миграции основной рабочей силы не только по всей стране, но и по всему миру.

Следует отметить, что на миграционную активность в значительной мере оказало влияние резкое падение общего уровня жизни населения страны, что способствовало интенсивному выезду граждан Монголии в такие страны, как Южная Корея, США и страны Шенгенской зоны, в основном для трудоустройства на высокооплачиваемые рабочие места. Список стран, получающих рабочую силу из Монголии, возглавляет Южная Корея, где проживает и работает около 32 000 монголов [6]. Как известно, 60% этих людей работают по официальным контрактам, подписанным с работодателями. Оставшуюся часть составляют так называемые нелегальные мигранты, которые проживают и работают в данной стране без законного разрешения, в связи с чем

отсутствует социальная защищенность таких граждан от противоправных посягательств.

В период с 2004 по 2017 г. 326 из этих работников погибли при различных обстоятельствах. Причиной этих трагических событий является несоблюдение правил безопасности труда и отсутствие контроля за выполнением условий двусторонних соглашений.

В сложившейся ситуации государство должно предпринимать целый ряд социально-экономических и законодательных мер по созданию эффективного механизма регулирования миграционных вопросов. При этом главным ориентиром миграционной политики должно стать планомерное расширение международных отношений и связей, в процессе которого государство могло бы создать почву для полной легализации международных трудовых отношений в целях создания благоприятных условий для граждан, работающих за границей.

В связи с этим немаловажным аспектом является разработка Единой государственной миграционной политики, что, в первую очередь, должно быть взаимосвязано со спецификой демографической политики и механизма функционирования национального рынка труда страны.

Впервые демографическая политика Монголии была разработана и утверждена в 1996 г. Великим Государственным Хуралом Монголии. Государство уделило внимание миграционным вопросам, выделяя в документе специальный раздел, посвященный миграции и расселению.

В качестве основных приоритетов демографического развития в области миграции и расселения выступают:

– государственное регулирование вопросов количественного показателя иностранных граждан, имеющих право на постоянное или временное место жительства, и без гражданства, въезда и выезда иностранной рабочей силы, а также вопросов так называемых беженцев;

– снижение урбанизации населения в столице и других городах страны за счет приоритетного развития региональных центров и краев;

– осуществление комплекса правовых мер по легализации и обеспечению социальной защищенности граждан, выезжающих за границу для трудоустройства.

Следует отметить, что даже в рамках демографического развития в области миграции и расселения населения до сих пор недостаточно разработана миграционная политика, основой для которой должна послужить целая концепция.

Тем не менее в Монголии действует нормативно-правовая база по регулированию миграционных отношений, которая определяет цель, задачи, основные направления, формы и механизмы реализации государственной миграционной политики Монголии. Она основывается, в первую очередь, на Конституции Монголии, общепризнанных принципах и нормах международного права и международных договорах Монголии.

В перечень целей государственной миграционной политики Монголии входят:

– совершенствование нормативно-правовой базы по управлению миграционными процессами, а также создание организационной структуры по реализации миграционной политики;

– определение функций и основных направлений деятельности органов в сфере миграционной политики;

– создание социально-экономических условий для беспрепятственной реализации прав и законных интересов мигрантов.

Целесообразно выделять следующие более значимые задачи:

1) в социально-политической сфере:

– интеграция мигрантов в социальную сферу регионов (аймаков), реализация прав мигрантов на свободу передвижения, привлечение иностранной рабочей силы;

– в целях создания единой правовой базы не допускать принятия региональных (аймачных) законодательных актов, противоречащих закону;

– защита прав и законных интересов мигрантов;

2) в социально-экономической сфере:

– регулирование миграционных процессов с учетом социально-экономического положения в регионах (аймаках);

– особое внимание уделить ситуации на рынке труда и развитию стратегической инфраструктуры;

– создание условий для приема и размещения мигрантов;

– учет миграционной нагрузки на отдельные регионы при формировании местных бюджетов;

– учет традиций хозяйствования и природопользования, экологической обстановки при регулировании миграционных потоков в регионах (аймаках, сомонах);

3) в области внешней политики:

– достижение международной или межгосударственной договоренности по упрощению процедуры приграничной торговли;

– создание взаимовыгодных экономических связей;

– разработка механизмов эффективного разрешения проблем беженцев и лиц, ищущих убежище.

Также можно выделить следующие приоритетные направления миграционной политики Монголии:

– выявление и пресечение незаконной миграции находится на постоянном контроле. В особенности пресечение незаконной миграции требует совместной работы соответствующих государственных структур приграничных аймаков Монголии и иностранных государств. В данном случае, как правило, документальную основу совместной деятельности составляют двусторонние соглашения государств;

– предупреждение и уменьшение негативных последствий стихийных миграционных процессов. Средством предупреждения незаконной иммиграции выступает учет

правового и социально-экономического положения соотечественников в установлении Монголией двусторонних дружественных отношений с государствами зарубежья. Как правило, органы государственной власти заключают межгосударственные соглашения, регулирующие процессы переселения граждан, гарантирующие их права и законные интересы. Важной особенностью управления внутренней миграцией является постепенный переход на преимущественно ротационную систему формирования правовых ресурсов с учетом реальных возможностей производства. В связи с этим необходимо, во-первых, оценить реальные возможности всех сфер экономики по всем регионам страны; во-вторых, выявить основные регионы, нуждающиеся в рабочей силе;

– в рамках квотирования и социально-экономической интеграции необходимо легализовать лиц, имеющих право получить статус беженцев в соответствии с законом Монголии;

– необходимо улучшить работу по совершенствованию и развитию форм и методов государственного содействия в трудоустройстве монгольских граждан за границей, разрешению проблем вербовки, контролю и надзору за деятельностью организаций-лицензиатов, направляющих граждан Монголии за границу для работы по договору найма, за социальной защитой последних, включая социальное и медицинское страхование, обеспечение благоприятных условий труда.

Государственное управление и контроль в сфере миграционной политики в целом осуществляется правительством Монголии, а на уровне региона – специально уполномоченным органом исполнительной власти аймака.

Кроме того, правительство Монголии производит мониторинг миграционной обстановки в регионах, сопредельных территориях Монголии и зарубежных государств, включающий сбор и анализ информации, оценку результатов и

проведение научно-исследовательских работ о направлениях миграционного движения.

Таким образом, проблемы, касающиеся миграционных процессов, остаются в поле зрения ученых-исследователей. Хотя Монголия в рамках своего национального законодательства имеет процедур, регулирующих международную и внутреннюю миграцию, нет четко разработанной концепции государственной миграционной политики, направленной на создание как можно более благоприятных условий для непосредственной реализации прав и свобод мигрантов.

Отсутствие четкой концепции регулирования миграционного потока привело к серьезным негативным последствиям.

В соответствии с общепринятыми принципами и нормами международного права правительство Монголии должно подготовить комплексный план по созданию единой миграционной политики страны, которая бы основывалась на концепции, позволяющей защищать основные права и свободы мигрантов, создавая благоприятные условия для справедливого и гуманного обращения с ними.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Болдбаатар Б.* Особенности регулирования занятости населения Монголии в условиях становления рыночной экономики: дис. ... канд. экон. наук. – Иркутск: ИГЭА, 1996.

2. *Ионцев В.А.* Международная миграция населения: теория и история изучения. – М.: Диалог-МГУ, 1999.

3. Конституция Монголии от 13.01.1992. – URL: <http://www.parliament.mn/laws> (дата обращения: 15.08.2017).

4. *Рыбаковский Л.Л.* Миграция населения. Три стадии миграционного процесса (Очерки теории и методов исследования). – М., 2003.

5. *Хореев Б.С., Чанек В.Н.* Проблемы изучения миграции населения. – М., 1978.

6. Implementation of Rights of workers living in the Republic of Korea. The National Human Right Comission of Mongolia, 2007. – URL: <http://mn-nhrc.org/library/index.php?newsid=69> (accessed: 4.09.2017).

7. Law on Sending Labour Force Abroad and Receiving Labour Force and Specialists from Abroad. 12 April, 2001. – URL: <http://legalinfo.mn/law/details/35?lawid=35> (accessed: 1.09.2017).

8. <http://www.en.nso.mn>

9. <http://mn-nhrc.org>

10. <https://www.enbek.gov.kz>

11. <https://www.amnesty.org>

12. <http://www.legalinfo.mn>

13. <http://www.parliament.mn>

ПРАВОВОЙ СТАТУС КРИПТОВАЛЮТЫ: К ВОПРОСУ О ВОЗМОЖНОСТИ ВВЕДЕНИЯ УГОЛОВНОЙ ОТВЕТСТВЕННОСТИ В РОССИИ

И.А. Дремова

*студентка 2-го курса
Юридического института
Российского университета дружбы народов*

Биткоин – платежная сеть, использующая одноименную криптовалюту. Система Биткоин была создана в 2008 г. человеком или группой людей под псевдонимом Сатоши Накамото. В 2009 г. курс биткоина составлял 1 дол. за 1309 BTC. На 13 октября 2017 г. цена биткоина составляет 5636 дол. за 1 BTC [2]. Цена биткоина не обеспечивается драгоценными металлами или реальной валютой, она определяется лишь спросом и предложением на виртуальном рынке, поэтому для криптовалюты характерен высокий уровень изменения цены. Если не будет желающих вложиться в биткоин, то его курс станет равным нулю.

Особенности платежной системы Биткоин: децентрализованность, анонимность (при этом информация о совершенных транзакциях общедоступна), невозможность отмены или изменения операций. Криптовалюту могут добывать все участники системы («майнинг»), к тому же установлено предельное количество биткоинов – 21 млн до 2140 г. [1], что значительно снижает возможность инфляции и стабилизирует виртуальный рынок. Биткоин не ограничен географически, следствием чего являются низкие комиссии и высокая скорость транзакций (7–10 мин).

В российском законодательстве не встречается слово «криптовалюта». Биткоин официально не запрещен, но его

правовой статус еще не установлен. При этом Генеральная Прокуратура РФ определяет биткоин как денежный суррогат и предупреждает, что он «не может быть использован гражданами и юридическими лицами», так как это создает «риск потери стоимости и нарушение прав держащих его граждан и организаций» [3].

Банк России «предостерегает граждан и юридических лиц от использования виртуальных валют» в связи с «анонимным характером деятельности» по их выпуску, а также «предупреждает, что предоставление российскими юридическими лицами услуг по обмену виртуальных валют будет рассматриваться как потенциальная вовлеченность в осуществление сомнительных операций» [3].

Однако в связи с состоявшимся 10 октября 2017 г. совещанием у Президента РФ, посвященным криптовалютам, вопрос о том, возможен ли законодательный запрет на биткоины в России, закрыт. По его итогам было принято решение о необходимости разработки регулирования в данной сфере, профильным ведомствам было поручено приступить к разработке законодательных положений, устанавливающих правовой статус криптовалюты в России. Министр финансов А. Силуанов сообщил: «Договорились... о том, что необходимо государству осуществлять регулирование процесса эмиссии криптовалют, майнинга, процесса обращения. Государство должно взять это все под контроль» [4]. Председатель Центрального банка РФ Э. Набиуллина неоднократно заявляла, что видит значительные риски использования криптовалют в возможности их применения с целью мошенничества и финансирования терроризма. Президент РФ подчеркнул, что позиция Центробанка ему известна, но настоял на необходимости использования преимуществ новых технологических решений.

Тем не менее статус биткоина в России на данный момент законодательно не закреплен, но это не воспрепятствовало возбуждению уголовного дела, связанного с использованием криптовалюты.

Первое уголовное дело, связанное с обналачиванием биткоинов, было заведено в 2017 г. в Костроме. Сотрудники МВД и ФСБ задержали 3 человек, которые, как сообщается официальным представителем МВД РФ, осуществляли «незаконную банковскую деятельность» [5]. Согласно версии следствия, фигуранты по делу оформили на своих родственников и знакомых около 300 банковских и SIM-карт, с помощью чего им удалось вывести биткоины с электронных кошельков и незаконно обналачить более 500 млн руб. Злоумышленникам предъявили обвинения по ч. 2 ст. 172 Уголовного Кодекса РФ («Незаконная банковская деятельность»). Материалы уголовного дела были направлены в суд для рассмотрения по существу, суд назначил задержанным меру пресечения в виде подписки о невыезде и надлежащем поведении.

Некоторые практикующие юристы считают, что в описанном случае привлечение к уголовной ответственности по данной статье неправомерно, так как статус биткоина законодательно не урегулирован, по этой причине электронную валюту невозможно отнести ни к деньгам, ни к ценным бумагам, ни к товарам, следовательно, отсутствует сам состав преступления [6].

Другие же опровергают указанную точку зрения, аргументируя это тем, что отсутствие четкого правового статуса криптовалюты в российском законодательстве никак не мешает ей быть орудием для совершения преступления, а значит, привлечение к уголовной ответственности по данной статье за незаконное обналачивание биткоинов абсолютно правомерно. Более того, это деяние можно отнести к разряду «обычной незаконной банковской деятельности» [7].

К тому же, поднимая вопрос о неправомерности привлечения к уголовной ответственности за совершение операций с криптовалютой, аргументируя это отсутствием ее законодательного закрепления, нельзя забывать о существовании постоянного риска использования ее в преступных целях. Так, биткоин теоретически может служить орудием

либо средством для совершения деяний, прямо запрещенных Уголовным законом: мошенничество, взяточничество, незаконная банковская деятельность, финансирование терроризма, незаконное приобретение и/или сбыт наркотических средств, незаконное приобретение оружия и т.д.

Следует упомянуть, что в процессе рассмотрения поправок к Федеральному закону «О национальной платежной системе» премьер-министр России Д. Медведев заявил, что снятие средств с анонимных кошельков и карт должно быть запрещено; такие средства часто бывают получены и используются для совершения противоправных деяний (отмывание капитала, взяточничество), при этом отследить конечного получателя средств практически невозможно. Но участники криптовалютного рынка считают данную инициативу избыточной [8].

Также Министерство финансов России предлагало внести изменения в Уголовный Кодекс РФ, устанавливающие ответственность за выпуск и обмен криптовалют в виде штрафа до 500 тыс. руб. либо лишения свободы на срок до 4 лет, а в случае наличия квалифицированного состава преступления – лишения свободы до 7 лет либо штрафа в размере до 2,5 млн руб. [1]. Данные санкции могут быть приравнены к санкциям за убийство, изнасилование. Возможно, этот факт можно рассматривать как свидетельство об излишнем уголовном контроле.

Риски использования криптовалюты, связанные с возможностью совершения уголовных правонарушений, непосредственно связаны с характеристиками платежной системы Биткоин. Так, децентрализованность и анонимность порождают угрозу создания теневой экономики, новых способов уклонения от уплаты налогов, «отмывания» денег, перевода их организациям и физическим лицам без надлежащего контроля, что делает возможным осуществление торговли наркотиками, оружием и другие анонимные транзакции преступников. Количество электронных кошельков в

системе не ограничено, значит, для каждой операции пользователь может создавать новый анонимный аккаунт, поэтому шанс найти правонарушителя очень мал, так как нет источника, к которому государственные органы могли бы обратиться за информацией о конкретном участнике системы.

Очевидно, что перечисленные деяния, теоретическое совершение которых возможно с использованием криптовалюты, относятся к разряду преступлений, т.е. прямо запрещены и указаны в Особенной части Уголовного Кодекса РФ. Большинство из них классифицируются в уголовном праве как преступления средней тяжести и тяжкие преступления. Из этого следует, что при возможном внесении в уголовное законодательство России отдельных действий, совершаемых при помощи биткоинов (при законодательном установлении правового статуса криптовалюты), возможные максимальные санкции за совершение таких действий могут составить до 10 лет лишения свободы.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Зайцева А.Г.* Правовой статус системы «Биткойн» и проблемы регулирования в России // *European science*. – 2016. – № 8 (18). – С. 35–40.
2. URL: coindesk.com (дата обращения: 13.10.2017).
3. URL: <http://www.vedomosti.ru/finance/articles/2014/02/06/cb-i-genprokuratura-razrabotayut-mery-po-borbe-s-bitkoinami> (дата обращения: 13.10.2017).
4. URL: <https://www.kommersant.ru/doc/3435480?tg> (дата обращения: 13.10.2017).
5. URL: <https://мвд.рф/news/item/11019155> (дата обращения: 13.10.2017).
6. URL: <https://www.kommersant.ru/doc/3401649> (дата обращения: 13.10.2017).
7. URL: <https://www.bfm.ru/news/363821> (дата обращения: 13.10.2017).
8. URL: <https://www.kommersant.ru/doc/3436206?tg> (дата обращения: 13.10.2017).

ФОРМИРОВАНИЕ ЭФФЕКТИВНОГО МЕЖДУНАРОДНОГО СОТРУДНИЧЕСТВА В СФЕРЕ РЕШЕНИЯ ПРОБЛЕМ БЕЖЕНЦЕВ

А.В. Экгардт

*студентка Юридического института
Южно-Уральского государственного университета
(национального исследовательского университета)*

Миграционные процессы, а также связанные с ними проблемы в отношении беженцев и вынужденных переселенцев весьма актуальны в настоящее время. Европа столкнулась с крупнейшим притоком беженцев за последние десятилетия. Ситуация требует всесторонних и серьезных усилий, которые невозможны в рамках существующего фрагментарного подхода. Миграционные процессы становятся все более масштабными и являются причиной социально-экономической, политической и духовной напряженности. Международное сотрудничество в области решения проблем беженцев и вынужденных переселенцев – это, прежде всего, слаженная работа и взаимодействие разнообразных общественных организаций, религиозных фондов и иных неправительственных международных образований. Такая деятельность затрагивает интересы огромного количества людей и должна иметь необходимое организационно-правовое обеспечение.

Важнейшим документом в данной области является Конвенция о статусе беженцев, принятая 28 июля 1951 г. Конференцией полномочных представителей по вопросу о статусе беженцев и апатридов, созданной в соответствии с Резолюцией 429 (V) Генеральной Ассамблеи ООН от 14 де-

кабря 1950 г. [4]. Конвенция 1951 г. объединила заключенные ранее международные акты, определявшие статус беженцев: соглашения от 12 мая 1926 г., 30 июня 1928 г., Конвенцию от 28 октября 1933 г., Конвенцию о статусе беженцев, прибывающих из Германии, от 10 февраля 1938 г.

Само понятие «беженец» определено в Уставе действующего с 1951 г. Управления Верховного комиссара ООН по делам беженцев (далее – УВКБ ООН¹). Изначально данное определение обозначало категорию лиц, которые покинули место своего жительства добровольно по причине их занятия противником или нахождения мест под угрозой. Сейчас к беженцам фактически приравнивают лиц, высланных из мест своего проживания по распоряжению гражданских или военных сил государства.

Развивается и правовая база регулирования проблемы беженцев: в 1967 г. приняты протокол к Конвенции 1951 г., который исключил из нее географические ограничения, и Декларация ООН о территориальном убежище (в качестве рекомендации), в 1969 г. – Конвенция, регулирующая особые аспекты проблемы беженцев в Африке, в 1984–1984 гг. – Картахенская декларация о беженцах Организации Американских государств. В 1977 г. Декларацию о территориальном убежище принял Кабинет министров Совета Европы. Предоставление территориального убежища не считается недружественным актом по отношению к любому другому государству и должно уважаться всеми государствами. Важнейшим принципом защиты беженцев является принцип недопущения дискриминации. Именно этот принцип дает рассматриваемой категории лиц гарантии на то, что их права и свободы не будут умаляться. Беженцы получают права частично наравне с гражданами принимающей их страны и

¹ Впервые Верховный комиссар по делам беженцев был назначен Лигой Наций в 1922 г. Им стал норвежский ученый и полярный исследователь Фритьоф Нансен.

частично на тех же условиях, что и иностранцы. При этом допускается выдворение беженцев в интересах государственной безопасности, но не в то государство, из которого они бежали, опасаясь преследования.

Для того чтобы следить за соблюдением прав и свобод беженцев, Организация Объединенных Наций создала свою систему правозащитных механизмов. Те государства, которые ратифицировали Конвенцию 1951 г., должны соблюдать все нормы международных договоров. В соответствии с международными договорами о правах человека были созданы комитеты или органы для осуществления контроля за исполнением положений договоров. Полномочия этих органов контроля за исполнением договоров различаются в зависимости от договора, но в целом они рассматривают доклады государств, делают замечания по исполнению договора, в том числе толкуют статьи договора и, когда это возможно, принимают индивидуальные жалобы на государства-участники.

Ведущим органом в ООН является Комитет по правам человека ООН, состоящий из 53 членов и заседающий раз в год в Женеве на протяжении 6 недель. Деятельность комитета направлена на определение стандартов, расследование нарушений прав человека в определенных сферах (например, пытки) или в определенных странах и поиск путей обеспечения лучшего соблюдения прав человека. Для защиты прав беженцев могут быть задействованы тематические механизмы – специальные докладчики и рабочие группы. Конкретные мандаты каждого из этих тематических механизмов различаются; существуют разные пути их использования для защиты прав беженцев. Специальные докладчики и члены рабочих групп назначаются как независимые эксперты. Функционирование тематических механизмов обеспечивается сотрудниками Центра ООН по правам человека в Женеве.

Основная цель деятельности Управления Верховного комиссара ООН по делам беженцев состоит в том, чтобы

удостовериться, что все лица, которые ищут убежища, могут получить его в другой стране, безопасно вернуться на родину и полноценно реализовать свои права независимо от места их пребывания. Исходя из данной цели, важнейшей задачей является воздействие на страны для принятия справедливых процедур по закреплению должного и эффективного права беженцев. В последнее время в компетенцию данного органа стала входить организация материальной помощи беженцам и возвращающимся лицам. Деятельность данной организации распространена по всему миру, ей оказывают содействие многочисленные партнеры (например, в Российской Федерации это Благотворительный фонд «Здоровье и жизнь», организующий мероприятия и сбор средств в интересах детей и семей беженцев) [7].

Международный Комитет Красного Креста (далее – МККК) – не менее значимая независимая гуманитарная организация, которая помогает и защищает жертв вооруженных конфликтов. Такая организация обеспечивает нуждающихся медикаментами, а также реализует общение письмами между членами семьи. МККК помогает всем независимо от политических взглядов, расовой или религиозной принадлежности.

Три договорных органа (Комитет по правам человека, Комитет против пыток и Комитет по ликвидации расовой дискриминации) правомочны в любое время принимать жалобы (сообщения) от отдельных людей в связи с нарушением договоров. Государство-участник должно выразить свое согласие на обязательное применение по отношению к нему этой процедуры. Комитет, в свою очередь, формулирует свое решение (мнение) по сообщению. Такое формирующееся прецедентное право может быть полезным для тех, кто занимается вопросами защиты прав беженцев и лиц, ищущих убежища, на национальном и региональном уровнях.

Функция, выполняемая договорными органами в отношении индивидуальных жалоб, является одним из самых

важных элементов механизма защиты прав человека вообще и прав беженцев в частности. Она позволяет людям обращаться в международные органы за защитой своих прав в индивидуальном порядке. Если орган выносит решение в пользу обратившихся, государство обязано исполнить это решение, так как иначе будет очевидно, что государство нарушает договор. Однако подать такую индивидуальную жалобу нелегко и часто устанавливаются достаточно строгие правила относительно принятия жалоб к рассмотрению (например, обычно выдвигается требование исчерпания всех средств защиты на национальном уровне). Вместе с тем лица, ищущие убежища, и члены их семей, а также юристы и адвокаты должны обладать информацией о наличии процедуры обращения с индивидуальными жалобами.

Решить сложившиеся проблемы весьма трудно, ведь они имеют глобальный характер. Конечно же, в первую очередь, всем странам мирового сообщества, не только Европы, необходимо объединиться. Для того чтобы решить проблему, нужно, в первую очередь, обращать силы не на гражданское население, а на внутреннюю политику тех государств, граждане которых бегут в соседние страны. В том случае, если люди бегут сотнями и тысячами из своих родных домов, необходимо объединенными силами восстановить государственность и все институты власти, прекратить ту анархию, которая на данный момент царит в Сирии, Украине и многих других государствах. Возможно, добиться этого можно будет только при помощи использования вооруженных сил, но на данный момент эта мера будет действительно оправданной.

К сожалению, в виду современной ситуации существует много людей, которые лишь создают образ тех, кто нуждается в убежище. Государствам, принимающим беженцев, необходимо изменить политику в отношении мигрантов. Нужно определить четкий образ гражданина, нуждающегося в помощи и защите со стороны другого государства и бо-

лее четко закрепить это правовыми средствами. Таким образом, многие будут отсеиваться, и помощь будут получать лишь те, кто этого действительно достоин. Благодаря этому и расходы многих государств Европы будут уменьшены в разы, и ситуация сможет стабилизироваться. Конечно, международные организации и те, о которых шла речь в данной работе, и многие другие должны формировать определенные меры, которые помогут решить эту проблему. Пора переходить от теоретических высказываний и докладов к практическим действиям, решающим миграционный кризис.

Таким образом, проблема беженцев, а также вынужденных переселенцев весьма актуальная на данный момент для многих государств. Решить ее можно, только прибегая к человечности, милосердию, сопереживанию и пониманию. Именно благодаря таким качествам мы сможем преодолеть решить проблемы, помогая друг другу. Помимо международных организаций должны быть задействованы внутригосударственные силы.

ЛИТЕРАТУРА

1. Белов С.А. Соотношение гражданства и национальности в российском законодательстве // Правоведение. – 2013. – № 2. – С. 21–24.

2. Волох В.А. Совершенствование законодательства о беженцах как важнейший фактор формирования государственной миграционной политики Российской Федерации // Право и политика. – 2011. – № 11. – С. 26–29.

3. Дудкина А.Е. Правовой статус беженцев и вынужденных переселенцев в Российской Федерации // Материалы XLVIII Международной научной студенческой конференции «Студент и научно-технический прогресс». 10–14 апреля 2010 г. – Новосибирск: СибАГС, 2010. – С. 63–64.

4. Конвенция о статусе беженцев // Гражданин и право. – 2002. – № 6. – С. 28–40.

5. *Немченко О.В.* Правовая характеристика и сущность «трудо­вого мигранта» в административном законодательстве РФ // Вестник МГИМО (университета). – 2012. – № 5 (26) . – С. 250–254.

6. *Соболев И.Д.* Международное право в системе админи­стративно-правового регулирования положения иностранных граж­дан в Российской Федерации // Журнал российского права. – 2012, март. – № 3. – С. 136–144.

7. Управление Верховного комиссара ООН по делам бежен­цев (УВКБ ООН) в России. – URL: <http://www.unrussia.ru/ru/agencies/upravlenie-verkhovnogo-komissara-oon-po-delam-bezhentsev-uvkb-oon>

НАЗНАЧЕНИЕ И ОТБЫВАНИЕ НАКАЗАНИЯ ЗА НЕЗАКОННОЕ ПЕРЕСЕЧЕНИЕ ГОСУДАРСТВЕННОЙ ГРАНИЦЫ КАЗАХСТАНА: ПРОБЛЕМЫ И ПУТИ РЕШЕНИЯ

Р.Ж. Телеупов

*старший преподаватель, магистр юриспруденции
кафедры «Юриспруденция»
Казахстанского университета инновационных
и телекоммуникационных систем*

Миграция – это неизбежный процесс, его масштабы и границы столь велики, что удержать эти процессы уже невозможно.

Общепризнано, что миграция является фактором, влияющим на преступность. В этой связи перед государствами остро стоит вопрос по противодействию незаконной миграции. Данный процесс осложнен появлением новых «горячих» точек, вынуждающих людей покидать дома и искать убежище за пределами собственной страны. Всем нам известны постоянные призывы Организации Объединенных Наций, обращенные к руководителям стран Европы, Канады и другим странам о принятии и размещении данных лиц. Вышеописанная ситуация связана с исполнением государствами международных обязательств. Однако это не означает полного отказа от проводимой государством политики в сфере миграционных процессов, в том числе установлением правил пересечения государственной границы.

Согласно сведениям Пограничной службы Комитета Национальной безопасности РК, в 2016 г. в Казахстан въехало 4 729 450 иностранцев, выехало – 4 610 408 человек [8].

За этот же период иностранными гражданами было совершено 2790 правонарушений, зарегистрирован 131 факт незаконного пересечения государственной границы Казахстана [4].

Вместе с тем, на наш взгляд, показатели официальной статистики не в полной мере отражают реальную картину с преступностью иностранцев и лиц без гражданства. Это обусловлено трудностью выявления правонарушений с участием указанных лиц, наличием коррупционной составляющей в деятельности правоохранительных органов, а также протяженностью государственной границы.

В настоящее время в правоприменительной практике имеется другая проблема, связанная с назначением и отбыванием наказания за незаконное пересечение государственной границы. На этой проблеме мы бы хотели остановиться более подробно.

Статьей 392 Уголовного кодекса РК предусмотрена уголовная ответственность за умышленное незаконное пересечение государственной границы вне пунктов пропуска либо в указанных пунктах, совершенное по подложным документам или с обманным использованием действительных документов третьих лиц, а равно с нарушением установленного порядка. Санкция статьи предусматривает наказание в виде штрафа либо лишения свободы с выдворением за пределы Республики Казахстан иностранца или лица без гражданства сроком на 5 лет [9]¹.

В 2015 г. судами Казахстана по данной статье рассмотрено 137 уголовных дел, в 2016 г. – 256 дел. За истекший период 2017 г. по данной статье рассмотрено 51 дело, из них штраф назначен в отношении 13 лиц, реальное лишение свободы – 15 лиц, условное осуждение применено в отношении 24 лиц [4].

¹ В связи с тем, что уголовные дела по ст. 392 ч. 2 УК РК не возбуждались, в статье проводится анализ по ч. 1 данной статьи УК.

К примеру, судом района Турара Рыскулова Жамбылской обл. рассмотрено уголовное дело в отношении гражданина Кыргызской Республики К. по ст. 392 ч. 1 УК РК. 28 июня 2017 г. указанный гражданин незаконно пересек государственную границу РК вне пунктов пропуска через государственную границу. Приговором суда К. признан виновным в совершении вышеуказанного уголовного правонарушения с назначением наказания в виде лишения свободы сроком на 6 месяцев условно с установлением пробационного контроля и выдворения за пределы Казахстана сроком на 5 лет [6]. В отношении указанного иностранца установлен пробационный контроль на все время отбывания условного осуждения, в частности, не менять постоянное место жительства или работы, не посещать определенные места в свободное время, не покидать место жительства в определенное время и др.

Или, например, приговором Турксибского районного суда г. Алматы от 28 июня 2017 г. гражданка Исламской Республики Афганистан Б. признана виновной по ст. 392 ч. 1 УК РК с назначением наказания в виде штрафа в размере 500 месячных расчетных показателей, или 1 134 500 тенге, с выдворением за пределы Казахстана сроком на 5 лет. Установлено, что 21 мая 2017 г. указанная гражданка при прохождении паспортного контроля предъявила поддельный паспорт гражданки Великобритании [7].

Согласно обобщению судебной практики по рассмотрению уголовных дел, связанных с умышленным незаконным пересечением государственной границы от 07.11.2015, реальное наказание в виде лишения свободы применялось единожды, во всех остальных случаях назначались либо штрафы, либо условные осуждения.

В связи с состоявшимися приговорами иностранным гражданам в соответствии со ст. 23 Закона «О правовом положении иностранцев» выезд из Республики Казахстан запрещен.

Вместе с тем, по нашему мнению, такая позиция может спровоцировать совершение иностранными гражданами новых правонарушений. Согласно сведениям, опубликованным в средствах массовой информации, до 55% всех преступлений в г. Алматы совершают мигранты, которые лишились работы и не имеют средств, чтобы покинуть Казахстан [2].

Возникает резонный вопрос: как при отсутствии средств иностранный гражданин или лицо без гражданства могут существовать, не преступая закон? Будет ли справедливым в таких случаях назначить реальное лишение свободы данной категории лиц, если по материалам дела возможно назначить условное наказание?

Подобная ситуация противоречит основам уголовного законодательства, в соответствии с которым наказание не имеет своей целью причинение физических страданий или унижение человеческого достоинства, а также предупреждению совершения новых уголовных правонарушений.

В этой связи, на наш взгляд, видится целесообразным такой вид наказания, как выдворение иностранца или лица без гражданства за пределы Казахстана, отнести к основному виду наказания. С учетом того, что данный вид наказания предусматривает запрет на въезд в Казахстан в течение 5 лет, назначение данного наказания является достаточным с учетом целей его назначения.

В случае внесения соответствующих изменений и дополнений в Уголовный кодекс суды при назначении наказания могут применять выдворение без назначения штрафа или лишения свободы.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Борчаишвили И.Ш.* Комментарий к Уголовному кодексу Республики Казахстан. Особенная часть. – Т. 2. – Алматы: Жеті Жарғы, 2015. – 1120 с.

2. До 55% всех преступлений в Алматы совершают мигранты, которые лишились работы и не имеют средств, чтобы покинуть Казахстан. – URL: http://online.zakon.kz/Document/?doc_id=30357798#pos=1;-179

3. Закон Республики Казахстан «О правовом положении иностранцев» от 19.06.1995 № 2337. – URL: <http://adilet.zan.kz/rus/docs/U950002337>

4. Информационный сервис Комитета по правовой статистике и специальным учетам Генеральной Прокуратуры РК. – URL: <http://qamqor.gov.kz>

5. Обобщение судебной практики по рассмотрению уголовных дел, связанных с умышленным незаконным пересечением государственной границы от 07.11.2015. – URL: <http://sud.gov.kz>

6. Оглашен приговор суда за умышленное незаконное пересечение государственной границы. – URL: <http://sud.gov.kz/rus/news/oglashen-prigovor-suda-za-umyshlennoe-nezakonnoe-peresechenie-gosudarstvennoy-granicy>

7. Приговор Турксибского районного суда г. Алматы от 28.06.2017 (дело № 1-401/2017). – URL: <http://sud.gov.kz>

8. Сколько иностранцев проживает в Казахстане. – URL: https://tengrinews.kz/kazakhstan_news/skolko-inostrantsev-projivaet-v-kazahstane-311901

9. Уголовный кодекс Республики Казахстан от 04.07.2014. – URL: <http://adilet.zan.kz/rus/docs/K1400000226#z1367>

10. Уголовное право Республики Казахстан. Общая часть: учебник / отв. ред. И.И. Рогов, К.Ж. Балтабаев. – Алматы: Жеті Жарғы, 2016. – 448 с.

11. Уголовное право Республики Казахстан. Особенная часть: учебник. – 2-е изд., перераб. и доп. / под ред. В.П. Ревина. – М.: Изд. дом Академии естествознания, 2017. – 396 с.

ОСНОВАНИЯ УГОЛОВНОЙ ОТВЕТСТВЕННОСТИ ЗА КОНТРАБАНДУ АЛКОГОЛЬНОЙ ПРОДУКЦИИ И ТАБАЧНЫХ ИЗДЕЛИЙ

Н.В. Кузнецова

*старший преподаватель
кафедры уголовного права и криминологии
Вологодского института права и экономики
Федеральной службы исполнения наказаний России*

В 2014 г. гл. 22 Уголовного кодекса России (далее – УК РФ) дополнена новой нормой 200.2 «Контрабанда алкогольной продукции и/или табачных изделий», устанавливающей уголовную ответственность за незаконное перемещение через таможенную границу Таможенного союза алкогольной продукции и/или табачных изделий. Основанием для включения указанной нормы в уголовный закон стало усиление деятельности государства по противодействию обороту контрафактной продукции и контрабанде алкоголя и табачных изделий, а также выполнение государством обязательств по имплементации международных норм в национальное уголовное законодательство.

По данным Федеральной таможенной службы РФ, в 2016 г. стоимость незаконно перемещенной через таможенную границу Евразийского экономического союза (далее – ЕАЭС) алкогольной продукции и табачных изделий составила около 171 млн руб.

Общественная опасность указанного преступления выражается не только в виде огромного ущерба, причиняемого государственной казне, непоступления таможенных платежей, но и причинением вреда здоровью населения. Незаконно переме-

щаемый алкоголь, как правило, не соответствует требованиям, установленным регламентом Таможенного союза.

Для определения оснований наступления уголовной ответственности за совершение данного преступления необходимо выделить конструктивные объективные и субъективные признаки рассматриваемого состава преступления.

Основным непосредственным объектом указанного деяния являются общественные отношения, связанные с соблюдением установленного законом порядка перемещения через таможенную границу Таможенного союза алкогольной продукции и табачных изделий.

Предметом рассматриваемого преступления являются алкогольная продукция и табачные изделия. Для правильной квалификации общественно опасного деяния в обязательном порядке следует устанавливать принадлежность незаконно перемещенных товаров к предметам контрабанды.

Алкогольной считается пищевая продукция, которая произведена с использованием или без использования этилового спирта, произведенного из пищевого сырья, и/или спиртосодержащей пищевой продукции с содержанием этилового спирта более 0,5% объема готовой продукции (например, водка, коньяк, вино, винные напитки, пиво и напитки, изготавливаемые на его основе, сидр, пуаре, медовуха и др.).

При этом надо учитывать, что к алкогольной продукции не относится пищевая продукция, которая может содержать этиловый спирт (например, кондитерские изделия, шоколад и шоколадные изделия, напитки брожения, квас, напитки с содержанием этилового спирта от 0,5 до 1,2% включительно, кисломолочные продукты и др.).

Табачными изделиями считаются продукты, полностью или частично изготовленные из табачного листа, использованного в качестве сырьевого материала. Эти продукты используются для курения, сосания, жевания или нюханья (виды табачных изделий: сигареты, сигариллы, сигары, папиросы, табак для кальяна, табак курительный тонкореза-

ный, табак трубочный, биди, кретек, табак сосательный (снюс), табак жевательный, табак нюхательный, насвай).

Количественной характеристикой предмета рассматриваемого преступления является стоимость незаконно перемещенных алкогольной продукции или табачных изделий. Уголовная ответственность за совершение рассматриваемого преступления предусмотрена в случае совершения его в крупном размере, т.е. стоимость незаконно перемещенного алкоголя и табачных изделий должна превышать 250 тыс. руб.

При определении размера стоимости незаконно перемещенных через таможенную границу либо государственную границу предметов контрабанды следует исходить из государственных регулируемых цен либо определять рыночную стоимость данных товаров.

Исключением из общего правила является определение стоимости товаров, которые перемещаются физическими лицами для личного пользования. В этом случае расчету подлежит не рыночная, а таможенная стоимость перемещаемого товара, которая рассчитывается исходя из заявленной физическим лицом стоимости товара и подтверждаемая соответствующими документами.

При квалификации такого преступления, как контрабанда, необходимо учитывать стоимость незаконно перемещенных товаров, которая была разрешена к перемещению без декларирования либо была задекларирована.

Таможенное законодательство допускает ввоз физическими лицами, достигшими возраста 18 лет, алкогольной продукции и табачных изделий при их декларировании как в письменном виде, так и без такового. Допускается ввоз алкогольной продукции без письменного декларирования не более 3 л в расчете на одно физическое лицо. Письменному декларированию подлежит алкогольная продукция объемом не более 5 л на одно физическое лицо. Допускается ввоз табачных изделий в виде 200 сигарет или 50 сигар (сигарилл)

или 250 г табака. Допускается ввоз табачных изделий общим весом не более 250 г на одно физическое лицо.

Учитывая бланкетный характер рассматриваемой нормы для характеристики объективной стороны, необходимо обратиться к положениям таможенного кодекса Таможенного союза (далее – ТК ТС).

Объективная сторона преступления, предусмотренного ст. 200.2 УК РФ, состоит в активном действии, направленном на незаконное перемещение алкогольной продукции и табачных изделий через таможенную границу Таможенного союза.

С позиции таможенного законодательства под перемещением товаров через таможенную границу предусматривается ввоз товаров на таможенную территорию Таможенного союза или вывоз товаров с этой территории. При этом перемещение должно быть незаконным.

В действующем ТК ТС предусмотрено шесть способов незаконного перемещения товаров:

1) путем перемещения через таможенную границу вне установленных мест;

2) путем перемещения в неустановленное время работы таможенных органов в этих местах;

3) с сокрытием от таможенного контроля;

4) с недостоверным декларированием;

5) с недекларированием товаров;

6) с использованием документов, содержащих недостоверные сведения о товарах, и/или с использованием поддельных либо относящихся к другим товарам средств идентификации.

По конструкции объективной стороны состав рассматриваемого преступления является формальным. Момент окончания преступления законодатель ставит в зависимость от способа незаконного перемещения.

С одной стороны, контрабанда, совершенная при ввозе алкогольной продукции и табачных изделий на таможенную территорию ЕАЭС или вывозе с нее вне пунктов пропуска через таможенную границу или в неустановленное время работы таможенных органов в этих местах, является окон-

ченным преступлением с момента фактического пересечения товарами таможенной границы.

С другой стороны, если рассматриваемое преступление совершается иными способами, например, путем недекларирования товара или его недостоверного декларирования, обманного использования документов или средств таможенной идентификации, контрабанда признается оконченной с момента подачи таможенному органу декларации либо иного документа, допускающего перемещение указанных товаров через таможенную границу.

Анализируя субъективные признаки преступления, предусмотренного ст. 200.2 УК РФ, следует отметить, что субъектом уголовной ответственности по российскому уголовному законодательству может быть только физическое лицо, достигшее возраста уголовной ответственности. Субъектом рассматриваемого преступления является физическое вменяемое лицо, достигшее 16-летнего возраста.

Тем не менее, основываясь на специфике контрабанды, преступление может быть совершено и специальным субъектом – должностным лицом с использованием служебного положения. Служебное положение должностного лица должно использоваться при незаконном перемещении алкоголя и табачной продукции через таможенную границу Таможенного союза. Как правило, к таким субъектам относятся должностные лица таможенной службы, осуществляющие таможенное оформление и таможенный контроль перемещаемых товаров.

Субъективная сторона рассматриваемого преступления характеризуется умышленной формой вины, поскольку данный состав по конструкции объективной стороны относится к формальным. Виновное лицо осознает общественную опасность нарушения установленного порядка перемещения через таможенную границу в крупном размере алкогольной продукции и табачных изделий и желает этого. Иные элементы субъективной стороны, такие как мотив и цель, значения для квалификации не имеют.

ПРАВОВОЕ РЕГУЛИРОВАНИЕ МИГРАЦИИ В МОНГОЛИИ

Х. Доржсурен

*бакалавр юриспруденции
Российского университета дружбы народов*

Миграция населения (от лат. *migratio* – переселяться) оказывает существенное воздействие на социальные и политические процессы. В энциклопедических словарях миграция определяется как совокупность перемещений с целью перенести место пребывания кого-либо [3]. Наиболее полный комплекс критериев отнесения к миграции как межпоселенному движению населения предложен В.А. Ионцевым [1].

В Монголии традиционные миграции были и остаются неотъемлемой частью жизни страны, однако миграционная история и политика не становились до сих пор самостоятельным предметом исследований ученых. Между тем изменившаяся социально-экономическая и политическая обстановка в демократической Монголии настоятельно ставит задачу комплексного изучения этого явления.

До 2012 г. проблема миграции была одной из важных и в то же время не решенных проблем Монголии. После выборов в Великий Государственный Хурал 2012 г. новым Парламентом был принят ряд законов о миграции. В результате в настоящее время действует определенный порядок, о котором и будет сказано в настоящей статье. Так, в законодательстве Монголии введено понятие «миграционный процесс», миграция населения раскрывается как пространственное движение индивидов и социальных групп, которому присущи определенные признаки [2].

Монголия является участницей основных международных конвенций по трудовой миграции и правам человека. 17 февраля 2012 г. В. Путин подписал Федеральный закон «О ратификации соглашения между Правительством Российской Федерации и Правительством Монголии о временной трудовой деятельности граждан одного государства на территории другого государства». Целями соглашения является выстраивание взаимоотношений между государствами по вопросам трудовой миграции и перемещения работников по территориям стран – участников соглашения.

В результате в настоящее время действует следующий порядок получения виз, а также регистрации иностранцев разных категорий:

– виза «D» выдается иностранцам с дипломатическим паспортом, а также должностным лицам ООН с красным лесе пасе, которые пересекают границу государства для проезда и проживания с любой целью, кроме туризма, обучения, по линии религиозных объединений и личных целей;

– виза «A» выдается иностранцам, имеющим служебный паспорт, членам ООН, которые приехали в Монголию в служебных целях, а также иностранцам с обычным или служебным паспортом, которые приехали по приглашению госорганов, административно-территориальных органов, а также партий, имеющих места в Великом Государственном Хурале. Кроме того, такая виза может быть выдана гражданам с обычным либо служебным паспортом, которые будут работать в Монголии в соответствии с межправительственными договорами и соглашениями;

–визу «OU» выдают сотрудникам ООН и гражданам с обычным паспортом, приезжающим по линии международных организаций, въезжающих с любыми целями, кроме личных;

– визу «Т» выдают лицам руководящего ранга, работающим в хозсубъекте с иностранной инвестицией, его представителях и филиалах, а также иностранным инвесторам;

– виза «НМ» выдается сотрудникам иностранных СМИ, имеющим обычный либо служебный паспорт, которые въезжают, а также приезжают для длительного проживания с целью выполнения работ, связанных с СМИ;

– визу категории «О» выдают иностранным гражданам со служебным или обычным паспортом, въезжающим либо приезжающим для проживания по линии неправительственных организаций, международных организаций (в том числе гуманитарных);

– визу класса «В» выдают иностранцам или лицам без гражданства, которые въезжают в страну с деловыми целями;

– виза категории «S» выдается лицам, не имеющим гражданства, и иностранным гражданам с любым видом паспорта, приезжающим в целях обучения, прохождения практики, повышения квалификации, проведения исследовательских и научных работ;

– виза «J» выдается иностранцам и лицам, не имеющим гражданства, приезжающим с целью туризма (вид паспорта не имеет значения);

– виза «HG» предназначена для иностранцев и лиц, не имеющих гражданства (вид паспорта не имеет значения), приезжающих для работы по трудовому договору;

– виза класса «SH» выдается иностранным гражданам вне зависимости от вида паспорта, а также лицам без гражданства, приезжающим в страну для проживания по линии религиозных организаций;

– виза категории «TS» выдается иностранным гражданам, а также лицам, не имеющим гражданства, которые получили разрешение на иммиграцию в Монголию;

– виза класса «H» выдается иностранным гражданам вне зависимости от вида паспорта, лицам без гражданства, которые приехали в страну по личным делам по приглашениям.

По назначению визы делятся на въездную, въездную-выездную, выездную и транзитную.

В соответствии с положением 2 ст. 16 Закона Монголии, иностранные граждане могут продлить срок действия временного пребывания или визы туристов только раз и ровно на 30 дней.

Иностранец, который прибывает в стране больше 90 дней, вправе инициировать процесс получения разрешения на проживание.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Ионцев В.А.* Международная миграция населения: теория и история изучения. – М.: Диалог-МГУ, 1999. – 370 с.

2. *Рыбаковский Л.Л.* Миграция населения. Три стадии миграционного процесса (Очерки теории и методов исследования). – М., 2003. – 217 с.

3. *Хореев Б.С., Чапек В.Н.* Проблемы изучения миграции населения. – М., 1978. – 260 с.

НАШИ АВТОРЫ

Авешникова А.А. – аспирант кафедры уголовного права, уголовного процесса и криминалистики Российского университета дружбы народов.

E-mail: a.aveshnikova@mail.ru

Адилов С.А. – полковник полиции, заместитель начальника Департамента внутренних дел г. Астаны Министерства внутренних дел Республики Казахстан.

E-mail: sanzhar.adilov.77@mail.ru

Алистратова О. – докторант Молдавского государственного университета (Кишинэу, Республика Молдова).

E-mail: oalistratova@yahoo.co.uk

Атабекова А.А. – доктор филологических наук, профессор, заведующая кафедрой иностранных языков Юридического института Российского университета дружбы народов.

E-mail: aaatabekova@gmail.com

Бадамшин С.К. – аспирант кафедры уголовно-правовых дисциплин Российской академии адвокатуры и нотариата.

E-mail: SK-badamshin@mail.ru

Баймолдина С.М. – кандидат юридических наук, доцент кафедры уголовно-правовых дисциплин Евразийского национального университета им. Л.Н. Гумилева (Республика Казахстан).

E-mail: baimoldinasveta@yandex.kz

Бекмагамбетов А.Б. – кандидат юридических наук, заместитель директора по науке Костанайского филиала Челябинского государственного университета (г. Костанай, Казахстан).

E-mail: adilet1979@mail.ru

Берсанов А.С. – аспирант кафедры уголовного права, уголовного процесса и криминалистики Российского университета дружбы народов.

E-mail: 12345da@bk.ru

Букалерева Л.А. – доктор юридических наук, профессор, заведующая кафедрой уголовного права, уголовного процесса и криминалистики Юридического института Российского университета дружбы народов.

E-mail: l_a_buka@mail.ru

Василенко А.С. – кандидат юридических наук, доцент кафедры уголовного права, уголовного процесса и криминалистики Российского университета дружбы народов.

E-mail: kholoimova@mail.ru

Василенко-Захарова О.В. – стажер кафедры уголовного права, уголовного процесса и криминалистики Российского университета дружбы народов.

E-mail: o.va-za@mail.ru

Гапеенок Д.Е. – аспирант кафедры уголовного права, уголовного процесса и криминалистики Российского университета дружбы народов.

E-mail: de.gapeenok@mgou.ru

Григорьева Н.А. – доктор исторических наук, профессор Российского университета дружбы народов.

E-mail: natalia_mur@mail.ru

Даурембеков Е.К. – докторант PhD 2-го курса кафедры уголовно-правовых дисциплин юридического факультета Евразийского национального университета им. Л.Н. Гумилева.

E-mail: e.daurembekov@mail.ru

Должикова А.В. – кандидат химических наук, доцент, проректор по ДПО Российского университета дружбы народов.

E-mail: dolzhikovado@gmail.com

Доржсурен Х. – бакалавр юриспруденции Российского университета дружбы народов.

E-mail: khaliuka_d@yahoo.com

Дремова И.А. – студентка 2-го курса Юридического института Российского университета дружбы народов.

E-mail: dremova_i_a@mail.ru

Елисеев М.А. – аспирант кафедры уголовного права, уголовного процесса и криминалистики Российского университета дружбы народов.

E-mail: ugp-asp@yandex.ru

Жезлов Н.В. – курсант юридического факультета Академии права и управления Федеральной службы исполнения наказаний.

E-mail: niklajj-mar@rambler.ru

Зайнуллина З.Ф. – аспирант кафедры уголовного права, уголовного процесса и криминалистики Российского университета дружбы народов.

E-mail: 3538885@mail.ru

Иванцов С.В. – доктор юридических наук, профессор, ведущий научный сотрудник Научно-исследовательского института Федеральной службы исполнения наказаний.

E-mail: isv1970@mail.ru

Игнатова М.А. – кандидат юридических наук, старший преподаватель кафедры уголовного права, уголовного процесса и криминалистики Российского университета дружбы народов.

E-mail: milena.ignatova@yandex.ru

Калдарбекова А.К. – магистр 2-го курса Российского университета дружбы народов.

E-mail: niwelina@gmail.com

Карева Ю.А. – студентка 3-го курса Юридического института Российского университета дружбы народов.

E-mail: 1032152919@rudn.university

Кашуба Ю.А. – доктор юридических наук, профессор, профессор кафедры уголовно-исполнительного права Академия права и управления Федеральной службы исполнения наказаний.

E-mail: koshianatol@yandex.ru

Клебанов Л.Р. – доктор юридических наук, доцент, профессор кафедры уголовного права, уголовного процесса и криминалистики Российского университета дружбы народов.

E-mail: solomon70@bk.ru

Кошель И.Ю. – аспирант кафедры общественных наук и социальной работы Керченского государственного морского технологического университета.

E-mail: ivankoshel777@gmail.com

Кузнецова Н.В. – старший преподаватель кафедры уголовного права и криминологии Вологодского института права и экономики Федеральной службы исполнения наказаний России.

E-mail: nadezda17041976@yandex.ru

Кузнецова О.А. – кандидат юридических наук, доцент кафедры уголовного права, уголовного процесса и криминалистики Российского университета дружбы народов.

E-mail: o715575@mail.ru

Кутуев А.Р. – аспирант кафедры уголовного права, уголовного процесса и криминалистики Российского университета дружбы народов.

E-mail: k.adam7777@yandex.ru

Мажинский Н. – магистрант кафедры уголовного права, уголовного процесса и криминалистики Юридического института Российского университета дружбы народов.

E-mail: nikita.mazhinsky@gmail.com

Марков А.Ю. – начальник Отделения организации социальной работы Отдела по работе с личным составом Академии права и управления Федеральной службы исполнения наказаний.

E-mail: aleksandr-markov62@rambler.ru

Матвеева А.А. – кандидат юридических наук, доцент, доцент кафедры уголовного права и криминологии Московского государственного университета им. М.В. Ломоносова.

E-mail: nastya_matveeva@inbox.ru

Махов В.Н. – доктор юридических наук, профессор, профессор кафедры уголовного права, уголовного процесса и криминалистики Юридического института Российского университета дружбы народов, Заслуженный юрист РФ.

E-mail: tatatimax@mail.ru

Мурашева С.В. – кандидат педагогических наук, доцент, доцент кафедры социального управления и конфликтологии Орловского государственного университета им. И.С. Тургенева.

E-mail: murashova.svet@yandex.ru

Муркштис М.Й. – кандидат юридических наук, доцент кафедры уголовного права, уголовного процесса и криминалистики Российского университета дружбы народов.

E-mail: 7607428@mail.ru

Остроушко А.В. – кандидат юридических наук, доцент, доцент департамента «Правовое регулирование экономической деятельности» Финансового университета при Правительстве РФ.

E-mail: ostroushko@mail.ru

Паукова Ю.В. – кандидат юридических наук, доцент кафедры конституционного и муниципального права Международного юридического института.

E-mail: ypaukova@mail.ru

Пена Э.Л. – магистр 1-го курса Юридического института Российского университета дружбы народов.

E-mail: angz17@gmail.com

Поздняков В.М. – доктор психологических наук, профессор, профессор кафедры уголовного права, уголовного процесса и криминалистики Российского университета дружбы народов.

E-mail: pozdnyakov53@mail.ru

Романенко А.М. – аспирант кафедры уголовного права, уголовного процесса и криминалистики Российского университета дружбы народов.

E-mail: 89859700000@mail.ru

Сапаров Р.Х. – прокурор г. Орехово-Зуево.

E-mail: rxs01@mail.ru

Сахранов В.Р. – студент магистратуры по направлению «История» Южного федерального университета.

E-mail: vicsakhranov@ya.ru

Селезнева Н.А. – кандидат юридических наук, преподаватель кафедры уголовного права, уголовного процесса и криминалистики Российского университета дружбы народов.

E-mail: s.nataly@mail.ru

Симонова М.А. – доктор исторических наук, доцент, директор Учебно-научного института сравнительной образовательной политики Российского университета дружбы народов.

E-mail: simona23@bk.ru

Телеупов Р.Ж. – старший преподаватель, магистр юриспруденции кафедры «Юриспруденция» Казахстанского университета инновационных и телекоммуникационных систем.

E-mail: rinat_teleupov@mail.ru

Тюнина И.И. – кандидат юридических наук, преподаватель кафедры конституционного и муниципального права Воронежского государственного университета.

E-mail: tunina-i@mail.ru

Уварова И.А. – кандидат юридических наук, доцент, заведующая кафедрой уголовного права и процесса Московского университета им. С.Ю. Витте.

E-mail: iuvarova@muiv.ru

Фам Тхи Бао Нгок – магистрант кафедры уголовного права, уголовного процесса и криминалистики Российского университета дружбы народов.

E-mail: baopresident@yandex.ru

Хван Т.С. – адъюнкт факультета подготовки научно-педагогических кадров Академии права и управления Федеральной службы исполнения наказаний.

E-mail: khvan_t_s@mail.ru

Цэрэнсүрэн Л. – магистрант кафедры уголовного права, уголовного процесса и криминалистики Российского университета дружбы народов.

E-mail: lkhagva9599@gmail.com

Чистяков А.А. – доктор юридических наук, профессор, профессор кафедры уголовного права, уголовного процесса и криминалистики Юридического института Российского университета дружбы народов.

E-mail: alex62-60@yandex.ru

Экгардт А.В. – студентка Юридического института Южно-Уральского государственного университета (национального исследовательского университета).

E-mail: anastasia199727@ya.ru

Sangidorj G. – postgraduate of the International Law Department of the Russian People's Friendship University.

E-mail: gaadambasangidorj@yahoo.com

Tserensuren L. – undergraduate of the Criminal Law, Criminal Procedure and Criminalistics Department of the Russian People's Friendship University.

E-mail: lkhagva9599@gmail.com

Vorea A. – MSc. Real Estate, Neapolis University (Cyprus).

E-mail: asavelieva@mail.ru

Vu Dai Luong – undergraduate of the Criminal Law, Criminal Procedure and Criminalistics Department of the Russian People's Friendship University.

E-mail: vuluong28@gmail.com

СОДЕРЖАНИЕ

Букалерова Л.А., Елисеев М.А. Уголовно-правовая норма об ответственности за организацию незаконной миграции (ст. 322.1 УК РФ): бланкетное содержание и конструктивные дефекты	5
Поздняков В.М. Криминально-миграционные вызовы и проблема повышения этнопсихологической компетентности сотрудников правоохранительных органов	13
Иванцов С.В. Современная миграция и национальная безопасность	21
Кашуба Ю.А. Противодействие незаконной миграции и преступности: проблемы и возможности	30
Чистяков А.А. Миграционная преступность: соотношение со сходными правовыми понятиями	40
Должикова А.В., Клебанов Л.Р. Проблемы незаконной миграции и уголовная ответственность за некоторые преступления против личности	44
Махов В.Н. Начальная стадия в уголовном процессе России и зарубежных стран	49
Алистратова О. Феномен торговли людьми в Европейском союзе и Республике Молдова	56
Уварова И.А. Незаконная миграция как общественно опасное явление и характеристика способов совершения ее организации	70
Матвеева А.А. Преступность мигрантов в России: угрозы реальные и надуманные	81
Атабекова А.А., Букалерова Л.А., Григорьева Н.А., Си-монова М.А. О термине «ребенок» в законодательстве России и зарубежных стран	88
Баймолдина С.М. Уголовно-правовая ответственность за организацию незаконной миграции в Республике Казахстан	95
Бекмагамбетов А.Б. Правозащитная практика в сфере противодействия незаконной миграции и торговле людьми	

в контексте модернизации национальной правовой политики Республики Казахстан	103
Селезнева Н.А., Пена Э.Л. Правовой статус мигрантов в Боливии	108
Кузнецова О.А., Калдарбекова А.К. Правовые вопросы миграция населения из Кыргызстана в Россию	116
Мурашева С.В. Нелегальная миграция как угроза национальной безопасности страны и источник конфликтов	123
Паукова Ю.В. Миграция иностранных граждан и лиц без гражданства и национальная безопасность Российской Федерации	129
Тюнина И.И. Международные стандарты в сфере противодействия незаконной трудовой миграции	134
Зайнуллина З.Ф. Содержание признака «использование должностным лицом своего служебного положения» в составе контрбанды алкогольной продукции и/или табачных изделий (ст. 200.2 Уголовного кодекса РФ)	140
Игнатова М.А., Карева Ю.А. Уголовная ответственность за организацию незаконной миграции в России и зарубежных странах	147
Селезнева Н.А., Фам Тхи Бао Нгок. Проблемы трудовой миграции во Вьетнаме	153
Муркштис М.Й. Проблема контроля за оборотом оружия и европейский опыт ее правового решения	159
Vorea A. Cyprus is a Case-Study of Midratory Fenomena	171
Остроушко А.В. Защита информационных прав детей мигрантов	180
Даурембеков Е.К. Проблемы избрания меры пресечения в виде содержания под стражей в отношении иностранных граждан, подозреваемых и обвиняемых в совершении преступлений	186
Гапеенок Д.Е. Нелегальная миграция и организованная преступность	192
Хван Т.С. Уголовные наказания, назначаемые иностранным гражданам и лицам без гражданства в РФ: проблемы их исполнения	196
Кошель И.Ю. Региональная миграционная политика: основания развития	201

Tserensuren L., Sangidorj G. The Legal Status of Migrants in Mongolia	205
Бадамшин С.К. Миграционные процессы в системе детерминации преступлений террористической направленности, совершаемых с использованием электронных или информационно-телекоммуникационных сетей	215
Авешникова А.А. К вопросу о незаконном пересечении границы Российской Федерации	224
Кутуев А.Р. Опыт ФРГ по противодействию преступлениям, связанным с допингом	227
Василенко А.С., Берсанов А.С. Уголовно-правовое противодействие притоносодержательству в современных условиях: новый взгляд на проблему	233
Саппаров Р.Х. Международно-правовые основы противодействия легализации преступных доходов, приобретенных в результате совершения коррупционных преступлений	244
Vu Dai Luong. Migration: Crime and Solution Issues in the Socialist Republic of Vietnam	252
Василенко-Захарова О.В. Наложение обязанностей на условно-досрочно освобожденных как средство предупреждения совершения ими повторного преступления	268
Мажинскис Н. Проблемы незаконной миграции в Латвийской Республике	275
Сахранов В.Р. Миграционный кризис 2015–2017 гг. как фактор дезинтеграции Европейского Союза	281
Романенко А.М. Уголовная ответственность за оставление места ДТП в государствах континентального права	286
Марков А.Ю., Жезлов Н.В. Особенности оперативно-розыскной профилактики преступлений иностранных граждан и лиц без гражданства, отбывающих лишение свободы	292
Адиллов С.А. О полномочиях следственного судьи при рассмотрении жалоб на действия и решения органов уголовного преследования	298
Цэрэнсүрэн Л. Миграционная политика Монголии: теоретические и практические положения	306
Дремова И.А. Правовой статус криптовалюты: к вопросу о возможности введения уголовной ответственности в России	314

Экгардт А.В. Формирование эффективного международного сотрудничества в сфере решения проблем беженцев	319
Телеупов Р.Ж. Назначение и отбывание наказания за незаконное пересечение государственной границы Казахстана: проблемы и пути решения	326
Кузнецова Н.В. Основания уголовной ответственности за контрабанду алкогольной продукции и табачных изделий	331
Доржсурен Х. Правовое регулирование миграции в Монголии	336
НАШИ АВТОРЫ	340

Научное издание

**ПРОТИВОДЕЙСТВИЕ
НЕЗАКОННОЙ МИГРАЦИИ
В РОССИИ И ЗА РУБЕЖОМ:
ПРОБЛЕМЫ, ОПЫТ, ПЕРСПЕКТИВЫ**

Компьютерная верстка, редактирование *Н.В. Малаховская*
Выпускающий редактор *А.С. Василенко*
Дизайн обложки *Ю.Н. Ефремова*

Подписано в печать 29.11.2017. Формат 60×84/16
Бумага офсетная. Печать офсетная. Гарнитура Таймс
Усл. печ. л. 20,46. Тираж 100 экз. Заказ 1871

Российский университет дружбы народов
115419, ГСП-1, г. Москва, ул. Орджоникидзе, д. 3

Типография РУДН
115419, ГСП-1, г. Москва, ул. Орджоникидзе, д. 3

Тел.: (495) 952-04-41